

Артеми́й
Джоча

ТРОПИНКА
В ЗЕЛЕНЬИМ
МИР

..Грубый тесак с громким стуком опустился на деревянную доску, и очередная крысиная голова, сверкнув усами в полумраке комнаты, полетела на пол к уже валявшимся там нескольким ей подобным. Крул привычным движением ладони катнул обезглавленную тушку крысы белесым брюхом вверх, сделал на брюхе продольный надрез, затем, вновь перевернув крысу, схватился за хвост и резким движением содрал с тушки шкуру. Освежеванная тушка казалась крохотной в мозолистых руках мутанта. Крул наклонил доску и смахнул тушку в стоящую рядышком помятую кастрюлю. Его рука протянулась к небольшой кучке, в которую были сложены убитые крысы. Выхватив новую крысу за хвост, Крул со смачным шлепком припечатал тельце к доске. Нож в очередной раз со свистом рассек воздух, отсекая голову. Ты это специально, Крул!? — возмущенно воскликнула Делайла. Крул и ухом не повел. Все тем же отработанным движением он освежевал очередную крысу и потянулся за следующей...

Грубый тесак с громким стуком опустился на деревянную доску, и очередная крысиная голова, сверкнув усами в полумраке комнаты, полетела на пол к уже валявшимся там нескольким ей подобным. Крул привычным движением ладони катнул обезглавленную тушку крысы белесым брюхом вверх, сделал на брюхе продольный надрез, затем, вновь перевернув крысу, схватился за хвост и резким движением содрал с тушки шкуру. Освежеванная тушка казалась крохотной в мозолистых руках мутанта. Крул наклонил доску и смахнул тушку в стоящую рядышком помятую кастрюлю. Его рука протянулась к небольшой кучке, в которую были сложены убитые крысы. Выхватив новую крысу за хвост, Крул со смачным шлепком припечатал тельце к доске. Нож в очередной раз со свистом рассек воздух, отсекая голову.

— Ты это специально, Крул!? — возмущенно воскликнула Делайла.

Крул и ухом не повел. Все тем же отработанным движением он освежевал очередную крысу и потянулся за следующей. Делайла, до сего момента бездельничавшая, развалившись в углу комнаты на слишком короткой для женщины-мутанта старой кровати, резко вскочила. Кровать многострадально скрипнула, готовая вот-вот развалиться на части, но ей кажется повезло уцелеть на этот раз, вовремя избавившись от немаленького веса Делайлы.

— Прекрати! Я уже слышать не могу эти звуки! — раздраженно крикнула Делайла.

— Я всего лишь готовлю нам ужин, — невозмутимо ответил Крул.

Со стороны могло показаться, что огромный мутант непробиваем. Если же принять во внимание то, что Делайла была непосредственным командиром Крула в армии мутантов, это могло быть воспринято ей, как попытка игнорировать старшего по званию, граничащая с дерзостью, чего Делайла на дух не переносила в своих подчиненных. Впрочем, о какой субординации могла сейчас идти речь, когда в пустошах на мутантов устроена настоящая охота, и они все оказались равны вне зависимости от званий и прошлых воинских заслуг. Поэтому сейчас воспринимать отношения рядового Крула и мастера-лейтенанта Делайлы, как отношения командира и подчиненного уже не имело никакого смысла. И Делайла это неохотно, но вынуждена была признавать. Но, привыкшая повелевать, она не допускала даже мысли, что с ней могут обходиться непочтительно.

Окажись сейчас с ними кто-то рядом в хижине, он заметил бы, как сквозь каменное

выражение лица черноволосого мутанта в уголках его прищуренных глаз уже начали просачиваться едва сдерживаемые капли давно копящегося раздражения. Крул пребывал в таком состоянии, что готов был взорваться и прекратить раз и навсегда уже номинальное, но от этого не менее деспотичное верховенство Делайлы, если она еще раз рявкнет на него. Скрутит ее по рукам и ногам и отшлепает, как маленькую вздорную девчонку с той лишь разницей, что такую девчонку под сотню с лишним килограмм весом не так то просто перекинуть через колено. Ну да Крул был не из слабых и даже среди мутантов считался гигантом.

Вот уже несколько недель они вместе шатаются от одного заброшенного поселения к другому. Прячутся по темным углам в каких-то развалинах, перебиваются чем попало, и крысиное мясо на ужин не такой уж и плохой выбор среди всего остального. Они стремились уйти подальше от тех мест, где недавно разворачивались ожесточенные сражения между войсками Мастера и подразделениями Братства Стали, пробираясь пограничными землями, которые не находились ни под чьей юрисдикцией. На этих ничейных территориях были изредка разбросаны запущенные фермы и обнищавшие малонаселенные поселки. Вот на одной из таких заброшенных ферм мутанты сейчас и скрывались.

— Мне уже надоели эти крысы! Эта грязь! Клопы и вечные скитания! — капризно, что ей было несвойственно, пожаловалась Делайла. — Неужели мы не можем просто пойти в поселок людей и хотя бы разок увести у них корову? Я уже и не помню, когда в последний раз пробовала нормальную пищу!

Крул в сердцах бросил нож, и тот, с брэнчанием ударившись о доску, отлетел в угол хижины. Встав в полный рост, мутант едва не уперся макушкой в крышу строения. Уже начиная заводиться, он обманчиво спокойно поинтересовался:

— А кто из нас настоял, чтобы покинуть "Ржавую Банку" и уйти от людей? Полковник Хоукинс ведь предлагал нам остаться и обещал защиту! Но ты ведь не захотела! Ты слишком горда, чтобы принять покровительство человека! Ты так сильно ненавидишь людей, что не пожелала принять его предложение!

— Я никогда не пойду в услужение людям, рядовой Крул, — холодно отрезала Делайла. — И ты это прекрасно знаешь! Достаточно того, что мы спасли их жалкий городишко от полного уничтожения!

— Ну конечно! — с горечью расхохотался Крул. — Ты ведь еще продолжаешь воевать! Не можешь простить, что тебя, как селедку, засунули в стеклянную банку и продержали там, едва не заморив до смерти. А война уже закончилась, Дел! И удел проигравших..., — Крул схватил за хвост неразделанную крысиную тушку и потряс ей перед лицом мастера-лейтенанта, — ...довольствоваться объедками со стола победителей! А если кому-то из грязных мутантов вздумается по глупости привлечь к себе внимание, покусившись на брамина на одной из людских ферм, то на него быстренько устроят облаву, участие в которой с превеликим удовольствием примут стальные братья. Ты этого хочешь!?

Лицо Делайлы даже несмотря на свойственный мутантам землистый оттенок кожи заметно покраснело от гнева, уже не так сильно контрастируя с огненно рыжими волосами.

— Рядовой Крул, да как ты смеешь разговаривать со мной в таком тоне!

Крул, поначалу безбоязненно встретивший пылающий гневом взор своего командира, в последний момент не выдержал клекотавшей в глазах Делайлы ярости и поспешно опустил взгляд, почувствовав неприятный холодок от прозвучавшего в словах мастера-лейтенанта

стального тона. Нет, Крул не был трусом. Он открыто смотрел в лицо смерти, он не пасовал перед опасностью, бесстрашно шел в бой, но перед этой женщиной он был безоружен. Крул искал этому причину и не находя рационального объяснения своей робости, в итоге все списывал на укоренившуюся привычку подчиняться старшему по званию. Может быть, он боялся признаться самому себе, что уже давно любит Делайлу и потому готов покорно сносить все ее выходки?

Сама Делайла от подобных мыслей была еще дальше, чем Крул, и потому, видимо, желая закрепить столь сокрушительный успех, ради профилактики уже хотела обрушить на рядового очередную порцию забористых ругательств, но тут скрипнула входная дверь хижины, и внутрь скользнул тщедушный человек в замызганном темно-синем комбинезоне. Встав возле двери, он поправил на своем носу треснувшие очки и негромко заметил, воспользовавшись возникшей паузой в перебранке:

— Извините, что вмешиваюсь, но вас слышно за полмили отсюда. Если вы и дальше будете продолжать в том же духе, то вся малонаселенная округа вскоре узнает, кто поселился на заброшенной ферме, — человек в очках сделал многозначительную паузу, чтобы смысл сказанного дошел до взвинченных мутантов. Переводя ироничный взгляд с одного мутанта на другого, он назидательно добавил: — Сомневаюсь, что вам бы этого хотелось.

— Скорее ты их приведешь у себя на хвосте, шастая по округе, — язвительно заметила Делайла. — И какого черта, Майлз, ты вообще с нами увязался!?

Крул облегченно вздохнул, поняв, что внимание разгневанной Делайлы на какое-то время переключилось на Майлза, которого по неведению угораздило попасть под горячую руку разъяренной женщины-мутанта. Признаться, и самому Крулу был интересен ответ на заданный Делайлой вопрос. Питер Майлз был инженером в "Ржавой Банке" — форпост Братства Стали, когда Крул и Делайла впервые познакомились с ним. Причины, побудившие самих мутантов отказаться от предложения остаться на базе Братства, были так или иначе, но вполне объяснимы, но вот почему вместе с ними базу покинул Майлз — в этом для Крула крылась загадка. Как сам не раз объяснял Майлз, он захотел посмотреть внешний мир, так как всю свою сознательную жизнь провел сначала в убежище, а потом в "Ржавой Банке", которая сама не слишком то отличалась от убежища. Он лишь изредка бывал на поверхности — и пробыл там ровно столько, чтобы обнаружить у себя симптомы врожденной агорафобии. По его словам, он твердо уверился в том, что будет неполноценным человеком, если не поборет в себе эту болезнь.

Не то чтобы Майлз постоянно путешествовал вместе с мутантами. Он просто был рядом, иногда подолгу отлучаясь в места, куда по понятным причинам не было ходу мутантам: посещал окрестные поселки и города людей. Мутанты ворчали каждый раз, пеняя Майлзу на то, что он однажды приведет за собой охотников, которых после поражения Мастера развелось предостаточно на волне умело подогреваемой Братством Стали ненависти к мутантам. Иногда, сопровождая Крула и Делайлу в их коротких переходах от одного укрытия к другому, Майлз пересказывал им услышанные от людей новости. Мутанты терпели его присутствие отчасти еще и оттого, что инженер частенько предупреждал их, свободна ли впереди дорога, играя тем самым роль добровольного разведчика. Вот и сейчас Майлз появился после своего трехдневного отсутствия как раз в тот момент, когда однообразное крысиное меню подняло градус взаимного раздражения в отношениях между мутантами до точки кипения, и подошло время сняться с насиженного места и сделать

очередной переход до нового укрытия.

Как это частенько бывало, Майлз к разочарованию Крула уклонился от ответа и к негодованию Делайлы пропустил замечание мастера-лейтенанта мимо ушей.

— Кстати, я тут подыскал вам работенку, — заметил он, ничуть не смутившись.

— Работенку!? — с подозрением прищурилась Делайла. — О чем ты говоришь? — Она сделала быстрый шаг к инженеру, проворно сграбастала его за грудки одной ладонью и, едва не оторвав от пола, прижала к стене комнаты: — Ты кому-то рассказал о нас? — угрожающе спросила она.

Майлз побледнел, делая безуспешные попытки вырваться. Крул поспешил на помощь Майлзу.

— Дел, постой, дай ему договорить до конца.

— Подумай сам, Крул, о какой работе для нас может идти речь? Только в качестве живых мишеней, не иначе. На нас идет охота. И этот слизняк по своей глупости выдал нас охотникам!

— Дай ему сказать, Дел. Большого вреда от этого уже не будет, — резонно заметил Крул. — Отпусти его, иначе он сейчас умрет от страха, и мы не узнаем, в какую переделку он нас втравил!

— Ладно, — Делайла нехотя отпустила Майлза. — Говори уж.

Майлз в изнеможении поплелся к кровати, которую недавно занимала Делайла, и, усевшись на ее краешек, стал собираться с мыслями после перенесенной трепки. Мутанты терпеливо ждали, помалкивая.

— Тут неподалеку находится небольшой поселок, — наконец начал рассказывать Майлз. — Так вот. Проходя мимо, я встретился со старейшиной этого поселка, который как раз возвращался назад из небольшого городка, также расположенного поблизости. Мы разговорились. Конечно же, я не единым словом не упомянул, что путешествую вместе с вами! — Майлз искренне посмотрел на Крула и Делайлу. Те сделали над собой усилие, изобразив на лицах видимость того, что поверили инженеру, и ободренный этим Майлз живо продолжил: — Старейшина рассказал мне, что его поселок подвергается частым набегам бандитов, и селяне готовы были нанять кого-нибудь в городе для своей защиты. Но, увы, в городке никто не согласился выступить в этой роли.

— Еще бы! — хмыкнула Делайла. — Кому охота рисковать своей жизнью ради какого-то задрипанного поселка на пограничных территориях. Здесь ни у кого нет управы на бандитов, и каждый должен рассчитывать только на себя.

— Вот-вот, — кивнул Майлз. — Старейшина так мне и сказал. У них отчаянное положение. Бандиты похищают почти весь урожай, уводят скот, насилуют женщин и угоняют в рабство мужчин. А защиты искать не у кого. Никому нет дела до их небольшого поселка.

— И ты, конечно, на все это купился, решив примерить на себя роль добродетеля. Разболтал старейшине о нас, наивно полагая, что мы, выслушав эту душещипательную историю, тут же согласимся на эту непыльную работенку и немедленно бросимся защищать бедных крестьян. Так?

Майлз заерзал на кровати, потупив взор. Было ясно, что Делайла попала в точку.

— Ну не совсем так... Я лишь осторожно поинтересовался у старейшины, как бы он отнесся к тому, если бы защищать поселок вызвались не совсем люди и...

— И что же он на это ответил? — не дослушав инженера, нетерпеливо спросила Делайла.

— Он сказал, что в их положении они готовы принять помощь от кого угодно. Но я же не сказал напрямую, что речь идет о мутантах...

— Значит, он мог подумать, что ты говоришь, например, о гулях? — заметил Крул. — Если так, то ты ввел его в заблуждение.

— Но ведь он сказал, что готов принять чью угодно помощь, — упрямо гнул Майлз.

— Чью угодно, но не мутантов! Это то ты должен понимать, дурья твоя башка! — зло ответила Делайла. — Ну хорошо! Даже если бы они были бы готовы сотрудничать с мутантами, с чего ты решил, что мы согласимся на эту работу?

— Я подумал, что приличная пища и надежный кров над головой, которые предлагает старейшина, на какое-то время вам не помешают. К тому же он готов предложить что-то еще за услуги защитников, о чем обещал рассказать после того, как получит согласие наняться на эту работу.

Майлз выжидающе смотрел на мутантов. На лице Делайлы явно читался скепсис. Крул задумчиво тер подбородок. Первой нарушила молчание Делайла.

— Вот что я вам скажу. Даже если мы согласились бы на эту работу и показали нос в этом поселке, там, я уверена, тут же поднялся бы настоящий переполох от одного нашего вида. Поверьте, они заключат мир с бандитами и вместе устроят на нас травлю. Пока они не сообразили, о ком им наплел Майлз, нужно срочно уносить отсюда ноги! Собираемся немедленно!

— Постой Дел, — поднял ладонь Крул, призывая Делайлу к вниманию. — Вряд ли в этих местах так ревностно следят за чистотой человеческой расы, если они готовы сотрудничать с кем угодно. Жители бедных поселков — это совсем не те люди, что живут в богатых городах под защитой Братства Стали или вооруженных до зубов местечковых армий. Сомневаюсь, что они, еле сводя концы с концами, будут рассуждать о расовой принадлежности. А нам не помешало бы сухое жилье и хорошая пища, иначе нам никогда не выкарабкаться из этой ямы. К тому же старейшина со слов Майлза предлагает в оплату что-то еще кроме пищи и крова. Возможно, мы наконец вернем себе оружие, которое нам пришлось оставить по требованию Хоукинса на базе Братства.

— Верно, — поддакнул Майлз. — И сам старейшина, и жители поселка показались мне порядочными и добрыми людьми.

— Ты вправду веришь во все это, Крул? — насмешливо заметила немного поостывшая Делайла. — Что сможет предложить нам этот бедный поселок, если прежде его жители не испугаются нашего вида и в панике не разбегутся? Кров наверняка не лучше этого дырявого сарая с протекающей крышей, а пища не вкуснее крыс, которых мы едим ежедневно.

Крул пожал плечами. На это ему нечего было ответить. Майлз погрузился, понимая, что мнение Делайлы, как не крути, основывалось на здравом расчете и трезвой оценке ситуации. Время милосердия и взаимовыручки между людьми и мутантами пока еще не пришло. Черноволосый мутант вновь повернулся к разделочной доске и, не говоря больше ни слова, взял за хвост крысиную тушку и нарочито громко шлепнул ее на разделочную доску. Подняв с пола тесак, он вновь вознамерился продолжить свое прерванное занятие.

— Ладно, ладно! — поспешила остановить его Делайла.

Рука Крула застыла в воздухе, и лезвие зажатого в ней тесака так и не успело коснуться разделочной доски.

— Так и быть, — сдалась Делайла. — Давайте рискнем и встретимся с этим старейшиной. Вряд ли из этого выйдет что-то путное, но питаться крысами еще хуже. К тому

же я не выношу, когда меня постоянно упрекают в предвзятом отношении к людям. На этот раз вы сами убедитесь, что я в конечном итоге всегда оказываюсь права. Вот посмотрите, я окажусь права и на этот раз!

— Вот и отлично, — обрадовался Майлз этому неожиданному повороту. — Предлагаю не откладывать это дело в долгий ящик и завтра утром отправиться в поселок. Я покажу вам дорогу и познакомлю со старейшиной. А на сегодняшний вечер я принес вам кое-чего повкуснее крыс.

Майлз перекинул со спины котомку, висевшую до сих пор у него через плечо на широкой лямке, и достал из нее завернутый в тряпицу порядочный ломоть домашней ветчины, краюху ароматно пахнущего ржаного хлеба и обвязанную дранкой глиняную крынку с браминьим молоком. Все это, распространявшее по комнате аппетитные запахи, окончательно вытеснило остатки взаимной неприязни, вызванной разгоревшимся недавно спором. Крул, недолго думая, смахнул со стола дохлых крыс и разделочную доску, освобождая пространство для трапезы.

— Угощайтесь, — сказал Майлз, когда все принесенные им продукты перекочевали из котомки на стол. — А я пока отдохну. Устал за день так, что аж ноги не держат.

С этими словами инженер закинул ноги на кровать и растянулся на ней в полный рост. Но не тут то было. Кровать под ним внезапно просела, издав предсмертный скрип, и с треском развалилась, а Майлз оказался на полу среди ее обломков, ошалело вращая глазами. Делайла и не подумала на это как-то отреагировать, всецело поглощенная пережевыванием ветчины, которой набила полный рот. Крул, посмотрев на Делайлу, осуждающе заломил бровь, но промолчал, не прерывая трапезу. Майлз, видя, что никто и не думает прийти ему на помощь, кряхтя поднялся с пола, отряхнулся и прошествовал в дальний угол комнаты. Там он сгреб в охапку пучки разбросанного по полу старого сена, и соорудив из него некое подобие ложа, наконец-то устроился на отдых. Вскоре по выровнявшемуся дыханию инженера мутанты поняли, что тот заснул.

— Чудак! И чего он с нами нянчится? — пробубнила сквозь набитый рот Делайла.

Крул пожал плечами.

— Какая тебе разница? С ним даже как-то веселей.

Делайла усмехнулась.

— Еще бы. Представляю, какая завтра будет клоунада!

На утро спозаранку Майлза разбудил крепкий тычок в плечо. Когда инженер, вместо того чтобы встать по струнке смирно, как солдат, и отдать честь командиру, лишь причмокнул во сне и перевернулся на другой бок, его грубо схватили за шкурку и встряхнули, как тряпичную куклу.

— Майлз, долго ты собираешься дрыхнуть!? — ворвался в его уши взбешенный голос.

Сон сдуло, как холодным душем с той лишь разницей, что под душем ты хотя бы не болтаешься в нескольких футах над полом, не доставая до него ногами. Продрав глаза, Майлз увидел перед собой взбешенную Делайлу, напавшую на себя все свое кожаное обмундирование, а позади нее явно не выпавшегося Крула, которому уже надоело каждый раз вступаться за Майлза перед своей несдержанной командиршей.

Инженер никак не мог взять в толк, зачем его вытащили посреди ночи из постели. Он переводил растерянный взгляд с лиц мутантов на окно, за которым не было даже намека на рассвет, затем на стоящую на столе плоску с маслом с горевшим в ней фитилем, и обратно.

Делайла, прочитав на лице Майлза невысказанный вопрос, наконец опустила инженера на пол и снизила до объяснений:

— Ты что же думал, мы пойдём у всех на виду в этот посёлок? Как же! Встретимся пораньше с твоим знакомым старейшиной, и если что-то не заладится, то быстренько умотаем, пока не проснулась вся их свора. Усек?

— Дел, по-моему, ты перегибаешь, — сказал Крул примирительно. — Я бы тоже не прочь поспать подольше, а ты тут устраиваешь казарменные порядки и превращаешь встречу в какую-то диверсионную вылазку!

— Знаешь что, Крул! А ведь это хорошая идея. Я вот тут подумала, а не выкрасть ли нам этого старейшину и не допросить ли его здесь с пристрастием в спокойной обстановке, что у него там на уме? Ну, а отпускать его восвояси, если что-то вдруг не так, совсем необязательно, правильно?

У Майлза глаза полезли на лоб от такого предложения.

— Ладно, ладно, не спорьте! — махнул рукой инженер, всерьёз опасаясь, что Делайла и вправду решит воплотить свой варварский план в реальность. Поправив порядком измятый Делайлой комбинезон, он попросил. — Дайте мне пару минут на то, чтобы привести себя в порядок, и мы двинемся.

Делайла хмыкнула и отошла в сторону, пропуская Майлза к стоящей в углу бочке, наполненной дождевой водой, лившейся через прореху в крыше, когда шел дождь. Майлз стал шумно умываться, ополаскивая лицо, шею и полоща рот, смачно сплевывая на пол. Краем уха он услышал, как Крул приглушенно спросил:

— Дел, ты что это, серьёзно что ли про похищение?!

— Уж и пошутить нельзя, — также тихо ответила Делайла.

— Ну и шуточки у тебя... — мрачно заметил Крул. — Я готов был поверить.

— Один ноль в мою пользу, — усмехнулась Делайла.

Майлз преувеличенно громко отфыркнулся, схватил висевший рядом с бочкой замызганный кусок материи, служивший полотенцем, вытер лицо и, как ни в чем не бывало, повернувшись к мутантам, провозгласил:

— Я готов. Жду только вас.

Крул закатил глаза к потолку, покачав головой, а Делайла, опешив от подобной наглости, даже не нашла, что ответить, лишь раскрыла рот. Майлз не стал дожидаться, когда на него обрушится очередная порция ругательств и поспешил выскочить за дверь. Мутантам ничего не оставалось, как последовать за ним. Инженер топтался снаружи, глубоко засунув руки в карманы своего комбинезона и ежась от холода. Дождавшись, когда Делайла и Крул, протиснувшись в узкий дверной проем, оказались на улице, инженер бодро пошагал по едва различимой в сумраке тропинке, проложенной среди густо обступавших заброшенную ферму зарослей гигантского репья. Мутанты бросились его нагонять, но их опасения, что инженер уйдет далеко вперед, быстро развеялись, когда в густых зарослях впереди послышались вскрик и хруст сухих стеблей бурьяна. Ориентируясь на приглушенные чертыхания, Делайла подоспела как раз вовремя, чтобы застать сидящего среди поломанного репья Майлза, усердно отдирающего от своего комбинезона, волос и обуви огромные колючие шары.

— Ты случаем не заблудился, Майлз? — насмешливо поинтересовалась Делайла. — Эдак ты заведешь нас неизвестно куда!

— Мне ни разу не приходилось ходить здесь в такую темень! — пожаловался Майлз.

Крул протиснулся мимо Делайлы к инженеру и, чуть наклонившись, одной рукой играючи поставил того на ноги. Майлз стал крутиться на месте, пытаясь заглянуть себе за спину и шаря ладонями по комбинезону в поисках налипшего репья. Крул, у которого ночное зрение было развито не в пример лучше, чем у обычного человека, в очередной раз вздохнул, поражаясь такой непоседливости инженера, и стал помогать Майлзу очищать одежду.

— Ну хватит уже! — недовольно буркнула Делайла. — Мы же не на смотрины собрались.

Она все же не удержалась и тоже отодрала от воротника Майлза пару колючек, затем бесцеремонно вытолкнула инженера на тропинку и приказала:

— Я пойду впереди, а ты держись прямо за мной. Если что — хватайся за мою куртку. — Делайла повернулась к Крулу. — Ты пойдешь сзади. Уж с фермы то я нас выведу, а дальше Майлз проводит нас в поселок.

Густые заросли репья вскоре расступились, напоследок своим весом проломив брешь в ветхой деревянной ограде, окружавшей территорию фермы, и спутники выбрались на пустырь. Небо из черного превратилось в темно синее, намекая, что уже не в силах сдержать за горизонтом близящийся рассвет. Майлз как мог быстро, подгоняемый ворчанием Делайлы, повел мутантов по одной ему ведомой дорожке, и мутантам приходилось принаравливать свой широкий шаг к семенящей походке инженера.

На дорогу у них ушло примерно пол часа, и когда они завидели первые покосившиеся домишки поселка, на горизонте уже занялся рассвет. Заявиться в поселок инкогнито, как на это рассчитывала Делайла, так и не удалось. Трудолюбивые селяне, вставшие пораньше, уже ковырялись на своих наделах на окраине поселка, что-то подправляя мотыгами, елозя на коленках среди худосочных стеблей каких-то посадок, и, завидев необычных посетителей, раскрыв рты и вытаращив глаза, застывали на месте, провожая необычную троицу взглядом.

— Чего они на нас пялятся?! — прошипела сквозь зубы Делайла, недовольная, что ее план скрытного посещения поселка с треском провалился. — Ох, как мне это не нравится... Может, повернем назад? — в последних словах Делайлы даже послышались несвойственные ей просительные нотки.

— Дэл, ты чего, испугалась? — шутливо заметил Крул, с интересом рассматривая рассыпавшиеся неровными рядами вдоль единственной поселковой улицы неприглядные одноэтажные домики, больше похожие на щитовые сараи, наскоро собранные из подручного материала, чем на пригодное для жизни жилье. — Просто они ни разу не видели такой шикарной женщины, как ты, вот и не могут отвести от тебя глаз!

— Не распускай язык, рядовой Крул! — прикрикнула на него Делайла. Но едва дрогнувший голос подсказал Крулу, что его скрытый комплимент воспринят женщиной-мутантом, по меньшей мере, без раздражения.

Едва они поравнялись с первым домом, как тут же откуда-то со стороны на прищельцев тявкнула проснувшаяся спозаранку собака. Ей тут же ответила вторая с противоположного края улицы, затем третья, и когда мутанты и человек уже шагали по поселку, со всех сторон на них сыпалась такая невообразимая какофония из собачьего лая, хлопающих дверей и раздраженных окриков разбуженных хозяев собак, что казалось, будто весь поселок встал с ног на голову и вот-вот рассыплется от устроенного трамтарарама в пух и прах. Делайла была мрачнее тучи: ну теперь уж точно об их прибытии узнают все до единого обитателя поселка!

— Все ты виноват, Майлз, — мрачно посетовала она. — Почему ты не предупредил, что

в этом поселке собак больше, чем жителей? Свяжись с гражданским — попадешь в переплет!

— Меня тоже так встречали, — ответил беззаботно Майлз, обернувшись. Непонятно было, то ли он специально умолчал о собаках из чувства мести, то ли и вправду не придавал этому факту особого значения. — Если бы мы пришли днем, нас, может быть, и не облаяли бы, а так эти псы, когда хозяева еще спят, спросонья облают всякого незнакомца, заявившегося в поселок!

— Неплохая система раннего оповещения, — кивнул невозмутимый Крул. — Нам это тоже будет на руку, если мы наймемся сюда на работу.

— Если это случится, то первым делом я передавлю всех шавок в этом поселке! — зло ответила Делайла, вынужденная все же признать правоту Крула и Майлза. Она ссутулилась, пытаясь казаться меньше и незаметней, больше всего на свете желая провалиться сквозь землю, но ее фигуру под два с лишним метра ростом было трудно скрыть на поселковой дороге.

В конце улицы находился, похоже, единственный в поселке приличный двухэтажный дом. Вообще-то второй этаж был не совсем полноценным, скорее это была небольшая мансарда, надстроенная над некогда одноэтажным зданием, но, по крайней мере, сам дом выгодно отличался от всех остальных строений в поселке своей основательностью и размерами. Нетрудно было догадаться, где находилась резиденция старейшины. Ухоженный палисадник окружал дом с двух сторон, а посыпанная светлым песком дорожка вела к аккуратному крылечку, чуть возвышавшемуся над уровнем земли. Все это составляло разительный контраст с остальными постройками в поселке. Когда все трое походили к дому, лай собак утих, сменившись настороженным вниманием к пришельцам со стороны высыпающих на улицу селян, а за край горизонта уже готовы были уцепиться нетерпеливые солнечные пальчики.

— Вот мы и пришли! — сказал с чувством выполненного долга Майлз, остановившись напротив крыльца дома.

— Это и так ясно, — заметила чувствующая себя крайне неуютно Делайла.

Будто услышав их разговор, дверь в доме отворилась, и на порог вышел высокий старик. Завидев гостей, он так и прирос к крыльцу, не успев прикрыть за собой дверь. Старик был еще крепок, несмотря на густые морщины на худом лице и скудные остатки седых волос по бокам практически лысой головы. Но острый взгляд из-под седых кустистых бровей выдавал в нем волевого человека. Он наконец пришел в себя и, наткнувшись взглядом на явно знакомого ему Майлза, закрыл дверь и привалился к ней спиной, будто защищая дом от вторжения.

— Ну, что я говорила! — прошипела уголком рта Делайла. — Иди, поговори с ним, Майлз, пока его кондрашка нехватила от страха.

Майлз выступил вперед, намереваясь подняться на крыльцо, но старик поспешно поднял руку, заставляя инженера замереть на месте.

— Не приближайтесь, мистер Майлз, — сказал он достаточно ровным для пожилого человека голосом. — Кто это с вами?

— Это? — Майлз беззаботно кивнул в сторону стоящих неподалеку мутантов. — Помните, вы говорили мне, что ищите защитников для поселка? Так вот это они и есть.

— Но ведь это мутанты! — брови старика взмыли вверх, изобразив крайнюю степень растерянности.

— Ну и что? — Майлз пожал плечами. — Тем же лучше для вас. Вряд ли кто из бандитов сунется в поселок, увидев столь внушительную охрану.

— Мистер Майлз, о мутантах идет дурная слава! — приглушенно заговорил старик, подавшись навстречу Майлзу. — Я не могу их нанять! Они принесут нам больше вреда, чем пользы!

— Не думал, мистер Вильямс, что вы верите во всю ту чушь, которую распускают недалекие люди, — разочарованно покачал головой инженер. — Ваше решение окончательное? Вы даже не хотите поговорить с ними?

— Нет! — решительно отрезал старик. — Извините меня, но нет!

Мутанты слышали весь разговор от начала и до конца. Как только старейшина Вильямс сказал свое последнее слово, Делайла порывисто развернулась на месте и, не дожидаясь, пока Майлз распрощается со стариком, пошла прочь от дома. Крул помедлил, прежде чем пойти вслед за ней, и с сожалением окинул взглядом дом старейшины, заметив при этом, как в окне второго этажа дернулась занавеска. Он мог поспорить, что кто-то все это время сверху наблюдал за ними. Крул дождался, когда Майлз коротко попрощался со стариком, и они вдвоем нагнали ушедшую вперед Делайлу.

— Кто-то утверждал, что они готовы принять помощь от любого! — язвительно проговорила Делайла, когда они поравнялись с ней.

Мастер-лейтенант, наклонившись, шагала по дорожке, не обращая внимания на вновь залаявших собак, которые будто чуяли, какая злость сейчас кипит в душе у женщины-мутанта. Крул шел в отдалении, все также с любопытством вертя головой, будто ничего и не произошло, а Майлз то и дело переходил на бег, стараясь поспевать за быстрым шагом Делайлы.

— Но Делайла, он ведь действительно так говорил! — пытался оправдаться инженер.

— Люди не доверяют нам, им отвратительна наша внешность, их пугает наша сомнительная слава и происхождение! — с обидой вымолвила Делайла. — Как унижительно выслушивать отказ в лицо. Окажись на нашем месте противный гуль — уверена, его бы приняли с распростертыми объятиями.

Если бы Майлз не знал Делайлу достаточно продолжительное время, он мог бы по ошибке подумать, что она сейчас разревется, как самая обыкновенная женщина, но он прекрасно знал, что как раз в такие моменты лучше не лезть к ней в душу и замолкнуть от греха подальше.

— Но ты ведь ожидала этого. Ты сама утверждала, что нас не примут, — крикнул ей в след Крул. — Ты в очередной раз оказалась права, вот и все. Ничего же не изменилось! Ты ведь не очень-то и хотела ввязываться в это дело.

— Да, но... Я хотела... — Делайла махнула рукой, не закончив говорить, но и так было понятно, что отказ старейшины Вильямса почему-то очень сильно ее задел.

— Я тебя понимаю, Дел. Ты чувствуешь себя никому не нужной, — все же рискнул успокоить ее Майлз. — Но ведь это не так! Внешность ни о чем не говорит. Они просто не знают, что ты помогла спасти людей в "Ржавой Банке", без тебя бы пропали Крул и я. Люди ведь бывают разные. Не суди их строго.

Делайла сбавила шаг, затем приостановилась уже на границе поселка и с тоской посмотрела назад, на высящийся в конце улицы дом старейшины, затем перевела взгляд на стоящего рядом инженера. Черты ее грубо вылепленного лица смягчились, став даже по-своему привлекательными.

— Ты, наверное, один такой, Майлз, — сказала она мягко. Повернулась и пошла дальше. Но далеко отойти от поселка они не успели. Позади послышался чей-то крик.

— Пойдите! Подождите!

Все трое обернулись и увидели, что от поселка к ним, спотыкаясь, бежит старейшина Вильямс. Увидев, что троица остановилась, он тоже встал и уперся худыми руками в колени, стараясь отдышаться. Майлз направился к нему, и мутанты, немного помешкав, тоже пошли к запыхавшемуся старику. Как только они оказались рядом, Вильямс, снизу вверх подняв на них раскрасневшееся от бега лицо, сказал:

— Я передумал. Если ваше предложение все еще в силе, то прошу вас вернуться вместе со мной в мой дом. Там мы обговорим все детали сделки и заключим соглашение. И, ради Бога, извините меня за прошлое неучливое обращение!

Делайла в недоумении посмотрела на Майлза. Тот лишь пожал плечами, не меньше мутантов удивленный столь быстрой переменой в старейшине. Вильямс молчал, ожидая ответа на свое предложение. Майлз посмотрел на Делайлу, затем на Крула. По лицам обоих сложно было что-либо прочесть. Боясь, что сейчас Делайла из-за своего вспыльчивого характера назло развернется и потопают восвояси, Майлз взял на себя смелость ответить за всех:

— Конечно, мы согласны!

Старейшина облегченно вздохнул, будто всерьез опасался, что получит отказ, и это еще больше запутало мутантов. Впрочем, никто из них не высказал возражений на самовольную инициативу Майлза, и все дружно пошли вслед за устало идущим стариком. Чуть поотставший Крул негромко спросил, обращаясь к идущей перед ним Делайле:

— Интересно, с чего это он передумал?

— А..а.... Что? — вопрос Крула отвлек Делайлу от каких-то своих мыслей. — Не знаю, — покачала она головой. — Может, кто-то вправил старику мозги?

— Мне почему-то тоже так показалось, — согласился Крул. — Ты не находишь это по меньшей мере странным?

— Станным? Странно то, что мы, как бараны, вот уже на протяжении часа болтаемся на виду у людей! — возмутилась она, и Крул, поняв, что Делайла наконец вернулась в свое привычное расположение духа, счел за благо не продолжать беседу, могущую в итоге привести к рождению еще одного безумного плана, например, введения в поселке комендантского часа с принудительным запретом глазеть на разгуливающих по его улицам мутантов.

Удивительно, но собаки, вновь заведя знакомцев, больше не заливались лаем. Может, порывивали изредка, но все говорило о том, что жизнь в поселке, недавно взбаламученная появлением необычных гостей, вернулась в привычное русло, и если кто и глазел на мутантов, то этим людям наверняка просто больше не чем было заняться. Уже вставшее солнце стало пригревать, наконец-то разлив краски по скудной траве, пыльной деревенской дороге и давно не крашеным домам. Поначалу показавшийся неприглядным в сумраке, в косых лучах солнца поселок вдруг преобразился, вызывая ощущение небольшого оазиса размеренной деревенской жизни с неизменными ее атрибутами: запахом навоза, фырканьем браминов, бречением ведер, гавканьем резвящейся собаки, плачем ребенка и еще множеством звуков, запахов, образов, составляющих целостную умиротворенную картинку. Конечно, Майлзу и мутантам такая жизнь была незнакома, но все трое на каком-то подсознательном уровне поддались ее воздействию, вдруг почувствовав непреодолимое

желание сбросить башмаки и растянуться на траве, ощущая пятками ее щекочущие стебли, и целый день пялиться в небо, рассматривая плывущие в безбрежной синеве причудливые облака.

— Кхм, — кашлянул Вильямс, привлекая внимание своих спутников. Не заметив как, они уже оказались рядом с домом старейшины. — Прощу в дом, — пригласил он, открыв перед гостями дверь.

Крулу и Делайле пришлось пригнуться, чтобы пройти в дверь — все же это был вход в нормальное человеческое жилище, а не просторные ворота, ведущие в заброшенный коровник, который служил мутантам прибежищем несколько последних дней. Хозяин дома, умудряясь не оказаться зажатым между стенами прихожей и массивными телами мутантов, протиснулся вперед гостей в довольно просторную комнату на первом этаже, игравшую, видимо, роль гостиной. Из комнаты вглубь дома шел короткий коридор, в который выходили две двери, а в тупике была заметна винтовая лестница, поднимавшаяся в мансарду. Еще одна дверь прямо из гостиной, скорее всего, вела в кухню. В центре комнаты стоял низкий деревянный стол — несколько грубовато сделанный, но крепкий и накрытый чистой скатертью. По бокам от него стояли коренастые табуреты и один колченогий стул с высокой спинкой.

Вильямс, пройдя в центр комнаты, дождался, когда мутанты и Майлз рассядутся по табуретам, затем сам уселся на стул. Крул, опять таки, потакая своему любопытству, беспрестанно вертел головой, осматривая убранство комнаты — плотно пригнанные доски стен, ничем не прикрытые, но своей естественной фактурой и узором создававшие особый уют в комнате, который дополнял каменный очаг у дальней стены и почерневшие фотографии в рамках, висящие на стенах. Под потолком в начищенном до блеска медном подлампнике висела масляная лампа, над которой на белой побелке потолка было отчетливо заметно застарелое пятно копоти. Крул чувствовал себя немного великоватым для этого дома. Табуреты оказались на удивление крепкими, чтобы выдержать вес мутантов, и те, поначалу с опаской доверившие им свой вес и готовые при первых признаках поломки вскочить на ноги, наконец с облегчением расслабили ноги и воззрились на хозяина дома, ожидая, что тот начнет разговор. Обычно словоохотливый Майлз на этот раз помалкивал, понимая, что сейчас не время проявлять поспешную инициативу.

— Меня зовут Генри Вильямс. Как вы уже, наверное, догадались, я старейшина этого поселка, — говоря это, Вильямс обращался преимущественно к мутантам, с которыми он виделся впервые.

Старейшина протянул через стол Крулу руку.

— Рядовой Крул, — представился мутант, осторожно пожимая руку старика.

— Мисс? — Вильямс протянул руку Делайле.

— Мастер-лейтенант Делайла, — в свою очередь представилась женщина-мутант, также пожав протянутую руку.

Старик с благодарностью кивнул и продолжил:

— Мистер Майлз, ваш друг, наверное, рассказал вам, что мы ищем защитников от бандитов, — Вильямс водил пальцем по столешнице, опустив глаза, но в конце фразы прямо посмотрел на мутантов. Делайла кивнула, и старейшина продолжил, откинувшись на спинку стула и сцепив кончики пальцев перед собой. — Я был недавно в близлежащем городе, чтобы нанять такого защитника или защитников, но никто не согласился жить здесь длительное время за кров и еду, хотя в городе, как я успел заметить, ошивается множество

бездельников. Но не мне судить об этом. Никому не хочется рисковать своей шкурой ради бедняков. Вы единственные, кто вызвался нам помочь. Я не буду спрашивать, почему вы решили так поступить. Это тоже не мое дело. Мы можем предложить вам в течение всего времени, пока вы будете находиться в поселке и выполнять свои обязанности, кров и сносную еду. Устроит ли вас такое предложение?

— Что будет входить в круг наших обязанностей? — спросила Делайла. — И если уж на то пошло, от кого мы должны защищать поселок? Кто эти бандиты, о которых вы говорите?

— О, ничего такого, что было бы вам не по силам. Обычные оборванцы, которых ровно не любят везде, где есть хоть какой-то порядок. Потому они, сбиваясь в банды, ищут легкой наживы в таких равноудаленных от центров цивилизации местах, как это, где к несчастью находится наш поселок. Их даже не смущает наша бедность. Они готовы обобрать нас до нитки, лишь бы заполучить что-нибудь для продажи в ближайшем городе, где никто не препятствует торговле краденным и где себя вольготно чувствуют гильдии работоторговцев. До сих пор мы не могли постоять за себя, и бандиты безнаказанно воровали наш скот и даже покушались на самих жителей. С вашей же помощью мы надеемся отвести их от нашего поселка. Конечно, мы не будем требовать от вас денно и ночно караулить территорию поселка. Будет достаточно того, что когда эти бандиты заявятся к нам, вы вовремя вмешаетесь в ситуацию и поставите их на место.

— А как насчет оружия? — поинтересовался Крул. — Бандиты наверняка вооружены, и затей мы с ними препирательства, то было бы опрометчиво рассчитывать, что они испугаются нашего внешнего вида. Они могут, не раздумывая, пустить в ход оружие, и тогда будет лишь хуже для всех.

Вильямс тихонько засмеялся, прикрывая беззубый рот ладонью:

— Вы слишком высокого мнения о местных отбросах. Из оружия у них лучшее, что может отыскаться — приличный топор, да и тот украденный из такого же селения, как наше. У местных шаек, как впрочем, и у нас в поселке, не водится огнестрельного оружия, так как боеприпасы к нему слишком дороги и их не сыскать во всей нашей бедной округе, а бандиты не настолько богаты, чтобы тратить целое состояние на пригоршню патронов. С вашей стороны будет достаточно поставить их на место, надавав для порядку несколько тумачков.

Было видно, что мутантов не так-то просто убедить в относительной безобидности местных разбойников, но отказать Вильямсу как будто бы не было особых оснований. Пока Крул и Делайла кумекали над всем услышанным, Майлз, терпевший все это время и не вмешивавшийся в разговор, наконец спросил:

— Мистер Вильямс, вы упоминали, что в оплату защитникам будет предложено что-то еще, о чем вы расскажете, если получите наше согласие. Что же это?

— Все будет зависеть от того, насколько долго вы согласитесь остаться в поселке, — нехотя ответил Вильямс.

— То есть какой-то минимальный срок, по истечении которого вы готовы нам предложить в оплату что-то особенное? — спросила заинтересованная Делайла. — Как долго будет длиться этот срок?

— Поверьте, я не могу об этом сказать сейчас! — уклончиво ответил Вильямс. — Пока я могу предложить вам лишь пищу и крышу над головой.

Своими расплывчатыми ответами Вильямс напустил еще больше тумана, и мутанты переглядывались друг с другом, не решаясь при хозяине обсуждать его предложение. Видимо, поняв это, и не желая стеснять гостей, Вильямс поднялся со стула и направился в

сторону двери, ведущей в кухню.

— Пойду, соберу что-нибудь поесть на обед, — пояснил он. — Как никак, а роль радушного хозяина я должен исполнить до конца вне зависимости, примете вы мое предложение или нет.

С этим Вильямс покинул гостиную, оставив троих гостей одних.

— Что скажете? — немедля спросил Майлз. — Кажется, работенка не пыльная. Что мы теряем?

— Мы? — усмехнулась Делайла. — Подставлять свою шкуру придется нам, Майлз. Тут ты нам не помощник. Хотя ты прав, на первый взгляд ничего сложного в требованиях старика нет. — Делайла задумчиво огляделась, останавливая взгляд на фотографиях, развешанных на стенах. — Единственное, что меня смущает, это его ужимки насчет срока нашего пребывания. Ждет он чего-то?

— Может, откуда-то узнал, что бандиты готовят очередной рейд на поселок? — предположил Крул. — Потому и готов ухватиться за любую возможность нанять защитников!

— Вполне возможно, — кивнула Делайла. — Только вот стоит ли доверять словам старика о том, что бандиты вооружены лишь ножами и топорами? Надо бы поспрашивать Вильямса, не завалилось ли в поселке игрушек посерьезнее, чем вилы...

— Так значит, соглашаемся!? — с надеждой спросил Майлз.

— Т-ссс! — шикнула на него Делайла и едва слышно прошептала, делая вид, что заметила что-то на полу. — Нас подслушивают!

Крул и Майлз дружно посмотрели в сторону плотно притворенной двери в кухню, за которой исчез Вильямс. Оттуда, как и минуту назад, доносилось позвякивание посуды, хлопанье створок шкафчиков и неторопливое шарканье стариковских ног. Поверить в то, что Вильямс одновременно умудряется еще и прикладываться к двери ухом, чтобы подслушать, о чем разговаривают его гости, было сложно.

— Не Вильямс, а там, в конце коридора, на лестнице! — Делайла тихонько кивнула головой в сторону короткого коридорчика, в глубине которого находилась винтовая лестница. Там было темно, и рассмотреть сразу, кто там может прятаться, сразу не представлялось возможным. Крул вспомнил колыхание занавески в окне второго этажа, которое он заметил во время их первой встречи с Вильямсом, и вот теперь предупреждение Делайлы, похоже, подтверждало его догадку, что в доме старейшины находится кто-то еще.

Майлз стал медленно разворачиваться, чтобы незаметно посмотреть, кто же это такой скрывается в тени лестницы, но почти сразу же привстал с табурета и весело крикнул, махнув рукой невидимому наблюдателю:

— Эй, проказница, спускайся сюда! Нечего прятаться на лестнице и подслушивать!

С нижних ступенек лестницы в коридорчик спустилась маленькая девочка примерно лет пяти-шести. На ее круглом лице было видно виноватое выражение, и она не решалась поднять глаза, лишь когда вскидывала голову, чтобы отбросить со лба непослушные кудряшки светлых волос, с любопытством сверкала на гостей большими широко расставленными глазами и задирала курносый, покрытый веснушками нос. На девочке было просторное суконное платье по самые щиколотки с огромным карманом на уровне живота и большим отложным воротником, застегнутым у шеи на пару неровно пришитых пуговиц, из-под края платья выглядывали плетеные сандалеты, одетые на босу ногу. Она остановилась на краю комнаты, не решаясь выйти из коридора и, встав на одну ногу, второй стала

жонглировать сандалетой, подцепляя ее кончиком большого пальца и подкидывая в воздух.

— И ничего я не подслушивала, — тихо ответила она. — Я всего лишь смотрела.

Весь внешний вид этой аккуратной девчушки вкупе с ее наивной непосредственностью даже у мутантов невольно вызвал улыбки. Кончики губ всегда мрачноватой Делайлы поползли вверх, а Крул, боясь резким движением спугнуть ребенка, осторожно поинтересовался:

— И что же, ты совсем нас не боишься?

— Ни сколечко! — девочка неосторожно подбросила сандалет, тот перекувыркнулся в воздухе и шлепнулся на пол чуть дальше, чем обычно. Девочка, неловко балансируя на одной ноге, попыталась дотянуться до него кончиком пальца, одновременно хитро поглядывая на явно разочарованного Крула. — А вы с заброшенной фермы пришли, да? — спросила девочка, наконец справившись со своей непослушной обувкой.

— Откуда ты знаешь, что мы с фермы? — удивленно спросила Делайла.

Девочка отступила от стены, на которую до сих пор опиралась, и, сделав робкий шагок внутрь гостиной, кивнула на Майлза, который умиленно улыбался, наблюдая за ребенком.

— Вот у мистера на башмаке репей! — сказала она, вытянув палец в сторону обуви инженера. — А у вас, — девочка посмотрела на Делайлу, — в волосах солома! Где же еще, как не на заброшенной ферме растет гигантский репей, ну а уж старую солому сейчас в этот сезон можно сыскать только там!

Все это было произнесено с таким серьезным видом, что Делайла даже не решилась на это рассмеяться. Ребенок, как заправский следопыт, в два счета раскрыл место их недавнего базирования. Тут засмеялся Майлз, его смех подхватил Крул, вслед за ними широко улыбнулась Делайла, поздно спохватившись, что подобные улыбки могут и испугать ребенка, и наконец сама девочка залилась переливчатым смехом. Дверь в кухню приоткрылась, и на пороге появился привлеченный смехом Вильямс, сжимавший в руках кастрюлю с чем-то дымящимся.

— Что здесь случилось? — он обвел удивленным взглядом веселую компанию, остановил взгляд на девочке и строго произнес: — Маша, я же сказал тебе, чтобы ты сидела у себя в комнате. А ну марш наверх и не высовывай носа, пока я тебя не позову. Ты мешаешь нашим гостям обсуждать серьезные вещи.

— Но деда! — недовольно произнесла девочка. — Я буду тихонько сидеть!

— Марш наверх, Маша! — оставался непреклонным дед.

Делайла поторопилась вступить за девочку:

— Она ничуть нам не помешала, мистер Вильямс. У вас прелестная внучка. Нам было очень приятно с ней познакомиться. Тем более, что мы уже все решили. — Делайла посмотрела на Крула и, дождавшись от того короткого кивка, продолжила: — Мы согласны на ваше предложение.

— Значит, вы остаетесь у нас, да? — тут же спросила девочка.

— Вот те раз, а кто нам говорил, что не подслушивает? — в шутку пожурил девочку Майлз.

Вильямс строго посмотрел на внучку, и под его взглядом та виновато потупила взор. Старик осуждающе покачал головой, но вместо того чтобы настоять на своем прежнем приказе, смягчился:

— Раз так и наши гости задерживаются у нас, я надеюсь, надолго, то ты, Маша, поможешь мне накрыть обеденный стол, — сказал он.

— Кончено, деда! — девчушка хитро подмигнула Майлзу и прошмыгнула в кухню, едва не выведя из равновесия вовремя успевшего отступить в сторону Вильямса. Будто извиняясь перед гостями за свою непоседливую внучку, Вильямс развел руками, но как только он повернулся лицом в сторону кухни, Маша, пыхтя и с видимым усилием неся объемистую супницу, из которой поднимался пар, прошмыгнула обратно в гостиную. Водрузив супницу на стол, девочка отерла ладошки об великоватый для нее фартук, который, видимо, выудила где-то на кухне, и бегом кинулась обратно, на ходу интересуясь у хмурого деда, что еще ей можно принести на стол. Вскоре на пару с внучкой старейшина накрыл стол, расставив на нем нехитрое угощение, которое, впрочем, после крыс и баланды из дубовой коры для мутантов показалось райской пищей.

Во время обеда Делайла поинтересовалась, где их поселят, и Вильямс тут же ответил, что им будут предоставлена пара комнат в этом вот самом доме. Дом был относительно просторным, и на первом этаже кроме гостиной и кухни были еще две спальни, в которые вели те самые двери в коридоре. Сам же Вильямс решил перебраться в пустовавшую до сих пор комнату в мансарде. Там же, напротив, была комната Маши.

За обедом Крул и Делайла еще раз обговорили ряд второстепенных деталей, а Майлзу досталась роль развлекать заскучавшую от взрослых разговоров Машу. На протяжении всего обеда девочка не переставала таращиться на мутантов, чем немало их смущала. После обеда Вильямс показал новоиспеченным защитникам поселка их комнаты. Одна из комнат была чуть больше, и в ней решили поселиться Крул и Майлз. Спора вокруг того, кому спать на единственной находившейся в комнате кровати не возникло. Габариты Крула все равно не позволяли ему удобно расположиться на ней, и мутант попросил постелить ему на полу, пока Вильямс не найдет попозже в поселке что-нибудь подходящее росту мутанта. Спальня поменьше досталась Делайле. В ней кровати не оказалось, но зато стоял крепкий и, что самое главное, подходящий по размерам диван.

После того, как с жильем вопрос был решен, Вильямс повел знакомить своих постояльцев с поселком, оставив на этот раз рвавшуюся вместе с ними Машу сидеть дома. До самого вечера старейшина показывал, где и что находится в поселке, не упуская случая одновременно знакомить своих спутников с попадавшимися им навстречу жителями. Коровник, старый колодец, впрочем, почему-то заколоченный, баня, небольшая часовня, под сенью которой местный священник и по совместительству учитель поводит скромные службы, небольшая кузница, в которой подслеповатый кузнец умудряется править подковы, востожить ножи и всякую домашнюю утварь, начиная от посуды и заканчивая сельхозинвентарем. Приспособленный под мастерскую гараж, заваленный разным хламом, посреди которого стоит давным-давно разобранный грузовик, который все собирается, да никак не может отремонтировать рассеянный механик, так как вечно занят починкой поселковой мукомольни, находящейся тут же, позади гаража, и приводящейся в движение двигателем все того же лишнего колес грузовика. Все встретившиеся жители поселка отнеслись к Крулу и Делайле не то чтобы радушно, но и без заметного предубеждения, что стало приятной неожиданностью для мутантов. Поначалу немного стесненные ожиданием отрицательной реакции, они наконец расслабились и почувствовали себя свободнее. Крул оказался прав. Эти люди были далеки от тех склок, междоусобиц и дележа власти, которые захлестнули так называемые цивилизованные земли.

Когда вечер стал деликатно выпроваживать солнце за горизонт, мутанты и люди наконец вернулись в дом старейшины. К этому времени пожилая соседка, помогавшая

Вильямсу вести хозяйство, уже накормила Машу и уложила ее спать. Все настолько устали после целого дня на ногах, что решили специально ничего не готовить на ужин, а в гостиной зажгли светильник и, перекусив при его свете тем, что еще оставалось после сравнительно богатого обеда, разошлись по своим комнатам. Впервые за долгое время Майлз и его друзья мутанты спали на пускай грубоватом, но все же чистом белье и чувствовали себя не бродягами с большой дороги, а приличными путешественниками.

На следующий день, встав пораньше, мутанты не стали будить Майлза, а решили без излишнего внимания со стороны селян обойти поселок по периметру и ознакомиться с его окрестностями, чтобы в дальнейшем лучше ориентироваться на местности. Впрочем, совсем незаметно покинуть дом старейшины им не удалось. Едва они сошли с крыльца, как позади них скрипнула дверь и на улицу вышла Маша.

— Эй, ты чего не спишь? — спросил раздосадованный Крул.

— Можно я с вами пойду? — попросила девочка.

Крул пожал плечами и вопросительно посмотрел на Делайлу. Та присела на корточки возле девочки, но все равно ей пришлось немного наклонить голову и согнуть спину, чтобы ее лицо оказалось на уровне лица Маши. Делайла легонько кончиком пальца коснулась вздернутого носика девочки и строго спросила:

— А твой дед не будет ругаться?

— Не-а, — девочка хитро прищурилась.

Врет ведь, маленькая лгунья, догадалась Делайла. Но прогонять Машу обратно в дом и укладывать ее в постель женщине-мутанту не хотелось. И оставлять девочку на улице одну в столь ранний час было бы как-то нехорошо. Делайла решила, что ничего плохого не случится, если девочка с утра составит им компанию в этой ранней прогулке.

— Только не отставай! — строго наказала она, поднимаясь с корточек.

— Может, мне взять ее на руки? — полушутя спросил Крул.

Делайла отнеслась к этому предложению серьезно, но девочка поспешила возразить:

— Нет уж, я уже большая — сама пойду!

Крул сделал большие глаза, посмотрев на Делайлу. Та скрытно улыбнулась в ответ, потешаясь над девочкой, но сказала без тени иронии:

— Ладно, пойдемте.

Девочка немедленно просунула свою ладошку в кисть Делайлы и дернула ее вперед. Делайла вздохнула, встретив веселый взгляд Крула, и пошла следом, приноравливаясь к семенящей рядом Маше. Маша оказалась полезным и словоохотливым попутчиком. Во-первых, не стесненная сдержанностью взрослых, она с детской бесхитростностью рассказывала о поселке то, о чем по каким-либо причинам умолчал Вильямс. Во-вторых, еще накануне заметно присмиревшие собаки тут и вовсе, завидев девочку, принимались вилять хвостами и даже благосклонно позволяли мутантам приблизиться к домам, ни разу не таякнув на пришельцев, что сохраняло в неприкосновенности утреннее спокойствие еще не проснувшегося поселка.

Редкие вставшие спозаранку селяне в знак приветствия неуверенно кивали мутантам головой, пристально смотрели на девочку и, ни слова не говоря, возвращались к своим прерванным занятиям. Сонные брамины похрапывали в стойлах, задевая боками стены хлевов, изредка коротко взреывая, просыпаясь и вновь погружаясь в дрему.

Поселок, как уже накануне выяснили мутанты, был невелик, и его обход по периметру

занял от силы час. К поселку, кроме дороги на севере, которой мутанты и Майлз пришли, с запада и востока подходили еще две проселочных дорожки поменьше, скорее тропинки, протоптанные жителями. Со слов Маши — та, что была на востоке, вела к старому убежищу, в котором, как рассказала девочка, давным-давно прятались предки сегодняшних жителей поселка, о чем Вильямс почему-то забыл упомянуть. Вторая дорожка вела к расположенному неподалеку старому колодезю, из которого до сих пор жители поселка брали пресную воду. Мутанты никак не могли взять в толк, зачем в такую даль ходить за водой, когда в центре поселка уже существовал колодец? Может, этот колодец был вырыт неудачно и пересох, или вода там была какая-то другая, не пригодная к употреблению?

Когда мутанты в сопровождении девочки возвращались к дому старейшины, поселок наконец начал оживать. Кто-то спешил в хлев на утреннюю дойку, кто-то выгонял домашнюю птицу на двор, рассыпая в кормушки пшено, большинство же, распахивая навстречу утреннему солнцу окна, готовилось к завтраку. Поглядывая через окна на проходящих мимо мутантов, они по привычке беззлобно сплетничали о необычных гигантах, вспоминая к слову все, что могли знать или слышали о них от кого-то еще.

На пороге дома их ожидал Вильямс. В глаза мутантам сразу бросилось, что старик нервничает и не находит себе места. Увидев возвращающуюся тройцу, он немедленно бросился им навстречу. Вслед за ним бежал еще не до конца проснувшийся и на ходу трущий глаза Майлз и что-то успокаивающе говорил вдогонку старику. Тот лишь отмахивался.

— Маша, непослушная девчонка! — строго запричитал старик, подойдя к мутантам. — Почему ты без спросу ушла гулять? Я весь поселок обыскал!

— Но деда, я же была не одна! — извиняясь, пролепетала девочка.

— Вижу, что не одна, — Вильямса косо посмотрел на мутантов, заставив их виновато опустить глаза.

Старик взял внучку за руку и, не оборачиваясь, повел к дому. Мутанты поплелись следом, в этот момент чувствуя себе ничуть не лучше провинившихся подростков.

Завтрак прошел в натянутой атмосфере. Маша, надувшись, быстренько очистила свою тарелку, и дед тут же отправил ее наверх. Мутанты ожидали, что сейчас, когда девочка не сможет его услышать, дед устроит им настоящий разнос, но тот так ничего и не сказал, отправившись в поселок по каким-то своим делам. День явно не задался. Сидеть в четырех стенах и ждать, когда наконец проявятся налетчики и представится случай проявить себя в деле, мутантам вовсе не хотелось. В особенности после того, как хозяин дома явно обиделся на них из-за самовольной отлучки Маши. Делайла до этого хотела расспросить Вильямса об убежище, но поняв, что старик сейчас не в настроении, передумала.

Безделье было не лучшим способом загладить свою вину, и Крул предложил обойти жителей поселка и поспрашивать их насчет оружия.

— Но ведь Вильямс сказал, что оружия в поселке нет, — возразил Майлз.

— Мало ли что он сказал, — невозмутимо заявила Делайла. — Что-то ведь должно у них быть. Например, для охоты?

— Ты все еще думаешь, что старейшина относится к нам с предубеждением? — спросил инженер.

Делайла пожала плечами.

— Он ведь не рассказал нам про убежище.

— А вам откуда о нем известно, — поинтересовался Майлз, впервые слышавший про убежище.

— Болтушка Маша выдала секрет, — улыбнулся Крул. — Ребенок, что с нее взять.

— Мне все равно кажется, что Вильямс был искренен с нами, — не сдавался Майлз. —

А про убежище решил не упоминать, потому как посчитал, что это нас не касается.

— Ладно, чего гадать на кофейной гуще. Давайте займемся делом, — попытожил разговор Крул.

Надежды на то, что у кого-то из селян завалялось какое-то серьезное оружие и уж тем более ожидать, что его отдадут мутантом, надежды было мало, но это было хоть какое-то занятие и к тому же неплохой повод поближе познакомиться с местными жителями. Делайла согласилась с этим предложением, а чтобы люди при первой встрече сразу же не закрывали перед их носом дверь, она попросила сопровождать их Майлза, чтобы тот на первых порах помог им завязывать разговор. Инженер с радостью согласился, наверное, впервые почувствовав, что мутанты нуждаются в нем и привлекли его к серьезному делу.

Первый визит они нанесли в мастерскую. По крайней мере, здесь была наибольшая вероятность обнаружить что-то стоящее, если оно вообще имелось в поселке. Другой же причиной был расчет на то, что поселковый механик был человеком технически образованным и его общий уровень кругозора позволял надеяться, что его предубеждение к мутантам и их внешнему виду не проявится так сильно, как может быть у других жителей поселка.

Механик Джим Смит оказался на удивление открытым и добрым человеком. Он сам вышел им навстречу из тени гаража, который по совместительству служил и мастерской, и приветственно махнул им кепкой, зажатой в руке. Затем он пригладил свои белобрысые волосы, размашистым движением нахлобучил кепку на голову и пригласил посетителей с солнцепека внутрь гаража. При этом механик ни взглядом, ни манерами не выказал какого-то неприятия мутантам, и такое начало обещало хорошее продолжение знакомства.

Внутри гаража было прохладно, пахло соляной и нагретым маслом, как во всякой другой мастерской, где бывал Майлз, когда служил в "Ржавой Банке", или оружейной мастерской, где приходилось бывать Крулу.

— Значит, вы нанялись к нам в защитники? — поинтересовался Смит после того, как механик и его гости представились друг другу.

— Да, — сказал Крул, тщательно выверяя тембр голоса, чтобы ненароком не вызвать привычный для мутантов рык.

— Просто отлично, что вы согласились взяться за эту работу, — кивнул Смит и доброжелательно спросил: — Я вам чем-то могу помочь?

— Вот решили поближе познакомиться с поселком, — поспешил объяснить их визит Майлз. — Чтобы получше здесь ориентироваться, и чтобы жители попривыкли к нам, если вы понимаете, о чем я.

— Да, конечно, конечно, — согласился механик, окинув мутантов с ног до головы.

Майлз кивнул на распахнутый кожух двигательного отсека грузовика и со знанием дела заметил:

— Дизельный двигатель? Откуда вы берете для него топливо?

Механик оживился, почуяв в Майлзе человека, разбирающегося в машинах.

— Да, старый грузовик, — подтвердил он. — Говорят, такие перестали выпускать перед самой войной. А этот, вишь ты, пережил даже войну. Мы вымениваем топливо для него в ближайшем городишке на часть урожая. Там неподалеку старое нефтехранилище, и

горожане приспособились гнать из той жижи, что скопилась на дне цистерн, дизельное топливо.

— Наверное, дороговато топливо обходится? — поинтересовалась Делайла.

— Что есть, то есть. Да и топливо, признаться, не ахти какое. Движок от него то и дело отказывается работать, но что делать! Иной возможности привести в действие жернова мельницы у нас нет. Разве что самим впрячься. А мельница для нашего поселка — это заработок и возможность торговать первоклассной мукой, какой вы не сыщете ни у кого в близлежащей округе. — Механик с любовью похлопал кабину грузовика. — Вот я слышал, что перед самой войной стали использовать топливные элементы на трансурановой начинке. Говорят, их даже сейчас на севере в больших городах встретить можно. Вот бы такую штуку раздобыть, да боюсь, всего, что есть ценного в нашем поселке, не хватит, чтобы купить такую замечательную вещь, — покачал головой Смит.

— Это точно, — подтвердил Майлз. — На севере все дорого.

— Движок бы надо при случае перебрать, да кое-какие детали заменить, но в одиночку я опасюсь за это дело браться. Боюсь, не справлюсь, — пожаловался механик.

— Если хотите, я могу помочь вам, — предложил Майлз.

— Заманчивое предложение, — расплылся в широкой улыбке Смит, не ожидавший такого великодушного предложения. — Как насчет того, чтобы прямо сейчас осмотреть движок, если конечно у вас нет никаких неотложных дел?

Майлз покосился на Делайлу, но та не стала возражать.

— Оставайся, Майлз, — кивнула она. — А мы с Крулом пойдем дальше. Кстати, мистер Смит, — как бы мимоходом поинтересовалась она. — Не знаете, у кого-нибудь в поселке есть оружие? Наверняка вам приносили его ремонтировать или чистить?

Смит думал недолго.

— Что-то не припомню. Откуда в поселке оружие? — ответил он с сомнением. — От него ведь одни хлопоты. Боеприпасов не укупишь, да и обращаться с ним мало кто в поселке умеет, а прослышат бандиты, что у нас есть что-то стоящее — будут тут как тут. Разве что у священника Дженкинса есть какая-то старая пукалка...

— У священника? — удивилась Делайла.

Смит ухмыльнулся, понимая ее удивление.

— А вы сходите к нему, поговорите. Он человек радушный, сам вам все и расскажет, — весело подмигнул Смит.

На этом посещение гаража закончилось, и Делайла в сопровождении Крула вышла на улицу, чтобы решить, куда идти дальше. Дом священника, или вернее небольшая неказистая пристройка к часовне, находился на другом конце поселка, и Делайла все же решила по пути туда для очистки совести зайти к некоторым жителям поселка, чтобы окончательно убедиться в правдивости слов Вильямса и Смита, подозрительно твердящих про оружие одно и то же.

К разочарованию Делайлы те жители, с кем удалось поговорить, на ее вопрос об оружии отрицательно качали головой, но к немалому удивлению мутантов не спешили закрыть двери своих скромных жилищ перед их носом, а приглашали внутрь домов и стремились в свою очередь о чем-нибудь порасспросить гостей. Делайла, понимая, что даже неудача в основной цели их визитов, тем не менее, оборачивается хорошим поводом наладить с местными жителями нормальные отношения, поумерила свое пренебрежительное отношение к людям и охотно принимала приглашения, стараясь, как могла в отсутствии

Майлза, поддержать беседу. Были видно, что как ни старались селяне придерживаться нейтральных тем разговора, неизменно вопросы крутились вокруг одних и тех же тем — откуда пришли сами мутанты и правда ли, что они бессмертны, как поговаривают заезжие в эти места торговцы с севера. Делайла где отшучивалась, где откровенно привирала, а где рассказывала занятный случай из своей жизни и как-то вот так завоевывала доверие селян.

Убранство домов, как и ожидала Делайла, было скромным и сугубо утилитарным. Никаких предметов роскоши или чего-то такого, что отдаленно могло служить признаком зажиточности или сверх достатка, она не заметила. Обстановка в домах спартанская, и вполне соответствовала бедному внешнему виду самих домов. Единственное, что привлекло внимание Делайлы — это лежащие на видном месте почти в каждом доме старательно упакованные объемистые тюки. В первый раз Делайла не обратила на такой тюк особого внимания. Мало ли для чего лежит рядом с дверью перевязанный бечевой и ремнями баул из холстины или брезента. Заметив же и в следующем доме в точности такой же, Делайла впервые заинтересовалась его содержимым, но спрашивать об этом у хозяев не стала, боясь показаться неприлично любопытной. В третьем доме она уже целенаправленно искала знакомый сверток и, к своему немалому удивлению обнаружив его, улучила момент, когда хозяин вышел из комнаты приготовить чай гостям, отогнула край холстины и заглянула внутрь тюка. Там не было ничего необычного — повседневная аккуратно сложенная одежда, теплые одеяла, столовые приборы и всякая всячина, присущая нормальному быту. Так бы собирался человек, отправляясь в дальний поход и припасая для этого самое необходимое. Наверное, для одного жителя, например, если бы тот был охотником, покидающим дом на какое-то время, это и было бы нормально, но в каждом доме хранить такие припасы — это показалось Делайле странным. В остальном все было как у нормальных людей, насколько об этом могла судить женщина-мутант. Первоначальная настороженность селян рассеялась, сменившись сдержанным любопытством и самым нормальным желанием простых людей поточить ляды с повидавшими другие места путешественниками — да пускай даже это двухметровая рыжая женщина-мутант с тяжелым взглядом. В общем, до жилища священника мутанты добрались лишь к полудню.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Священник Бенджамин Дженкинс как раз собирался обедать и был только рад приходу гостей. Пока они осматривались в его скромном жилище, состоявшем из небольшой столовой и спальни, Дженкинс снял накрахмаленный воротничок и черную сутану, служившие внешними атрибутами его сана, и, оставшись в домотканой рубашке и старых, наверное, еще довоенных штопаных перештопанных джинсах, пригласил гостей в столовую. Он вовсе не был похож на священника, по крайней мере, такого, какими их описывали и рисовали в старых книгах. Дженкинс был не так молод, но начавшая пробиваться в его волосах седина лишь подчеркивала красоту его густых выющихся волос. Дженкинс был подтянут и жив, а постоянная располагающая улыбка на его лице молодила священника лет на десять, приковывая к себе даже Делайлу, имеющую весьма своеобразное представление о мужской красоте.

По случаю визита гостей священник, ничуть не смущаясь, распечатал бутылочку самодельного шиповенного вина и расставил на столе старомодные стаканы. Делайла поняла, что простым вопросом об оружии здесь не отделаться, но что делать — отказывать священнику было неудобно, да и в желудке уже урчало, подсказывая, что нелишне было бы подкрепиться. Дженкинс галантно отодвинул табурет, предлагая Делайле занять место за

столом, и дождавшись, когда Крул в свою очередь займет свое место, сел сам. Делайла уже было открыла рот, чтобы по привычке взять инициативу ведения разговора на себя, но священник, облокотившись локтями о стол, сложил кончики пальцев перед собой и проникновенно произнес:

— Воздадим же Господу нашему за ниспосланную нам пищу и за благоденствие этих минут. Помолимся, дети мои!

С этим он прикрыл глаза и что-то неразборчиво забормотал, шевеля губами. Мутанты растерянно переглянулись, попав в неловкое положение и не зная, что делать в подобной ситуации. Но священник, закончив молиться, казалось, даже не обратил внимания на замешательство гостей. Взяв бутылочку вина, он разлил оливкового цвета маслянистую жидкость по стаканам, первым подав пример, что можно приступать к трапезе.

— Так что же вас привело ко мне, друзья мои? — благодушно спросил Дженкинс. — Я уже в курсе, что Генри нанял вас для охраны поселка, и я готов вам помочь всем, чем смогу.

В этот момент Делайла стала сомневаться, следует ли ей расспрашивать Дженкинса про оружие. Настолько далеким от подобных вещей ей показался священник. Но Крул сделал это за Делайлу.

— Мистер Смит сказал нам, что у вас может найтись кое-какое старое оружие, — начал он. — Сами понимаете, мы нанялись защищать поселок, и нам было бы нелишне иметь в виду, чем располагают его жители в случае атаки бандитов, если вдруг события повернутся не самым безобидным образом.

— Понимаю, — коротко кивнул Дженкинс. — Вам, наверное, показалось нелепым, что Джим направил вас ко мне?

— Ну, в общем-то, да, — осторожно согласилась Делайла, еще раз припоминая все, что знала о служителях церкви, и лишний раз убеждаясь, что оружие и святость мало совместимы.

Дженкинс кивнул:

— Да, до войны сложно было представить, чтобы священники ходили с оружием. Но сегодняшний мир чем-то схож с девственным континентом, на который на заре его освоения высаживались миссионеры и торговцы, несущие непросвещенным народам образование и дары цивилизации, но вместе с тем готовые отстаивать свои идеи и защищать себя перед варварами и авантюристами силой оружия, — горячо ответил священник. Его глаза загорелись: — Мой далекий предок, живший еще до войны, был историком. От него мне в наследство досталась богатая библиотека. История — занимательная штука. В событиях многовековой давности неожиданно обнаруживаются удивительные параллели с миром сегодняшним и порой в примерах уже свершившихся исторических событий можно отыскать ответы на проблемы сегодняшние. Это удивительно и вместе с тем повергает в шок — ведь выходит, что человечество, будто та белка в колесе, бежит по бесконечному пути и никак не может выбраться из тесного барабана, повторяя свои ошибки вновь и вновь. Прогресс лишь внешний, внутренне человек остался таким же, как и века назад. Но если раньше человек мог глубиной убить в худшем случае нескольких подобных себе, то сейчас одним движением пальца он стер половину населения планеты, вернув нас вновь к началу пути! И что самое прискорбное — мы не можем вписать на страницы истории ничего нового — все уже написано до нас, все пройдено и не раз...

— Э-э..., мистер Дженкинс, все это конечно очень интересно, но как это связано с оружием, которое у вас есть? — осторожно прервал священника Крул.

— Зовите меня просто Бен, — не смутившись, что его прервали, нашелся Дженкинс и к всеобщему разочарованию мутантов продолжил свой пространный монолог с того места, где его остановили: — Так вот, что я хочу сказать. Должны ли мы, получив этот шанс начать летопись нашей цивилизации с нуля, вписать новые страницы, опираясь на опыт истории, или, как и прежде, след в след идти проторенной дорогой наших предков? Чтобы понять это, прикоснуться к истории, недостаточно просто прочесть все, что написано про те времена. Нет! Надо ощутить дыхание времени, почувствовать, что вкладывали люди в свои деяния и творения. Что ими владело, когда они создавали шедевры искусства или... оружие. Да, да, именно оружие! Ничто так не расскажет о страстях и чаяниях, владевших людьми различных эпох, как изготовленные ими орудия убийства. Ни предметы труда или роскоши, не архитектура и искусство. Оружие — вот та вещь, которая безошибочно расскажет нам, как билось сердце человечества. Оружие — это квинтэссенция культуры, нравов, этики и морали своего времени, изваянная в металле и дереве. К сожалению, современное оружие обезличено — оно собиралось на заводах и в нем не чувствуется теплота человеческих рук — конвейер бездушен, и это ведь еще один признак забывчивости уроков истории. Но оружие старых мастеров — это другое дело! Пойдемте, я покажу вам, и вы поймете, что я имею в виду.

Дженкинс встал из-за стола и жестом пригласил гостей последовать за собой в свою спальню. Делайла меньше всего ожидала нарваться в поселке на академическую лекцию по истории, но из уважения к священнику до сих пор терпеливо слушала, как тот увлеченно развивает свою теорию, и вот теперь, похоже, ее долготерпение может быть вознаграждено.

— На самом деле если есть в поселке вещь, достойная называться оружием, то обладаю ей именно я, — не без гордости произнес Дженкинс. — И прошу заметить, мистер Крул, это не старое оружие, как вы выразились, а старинное. В этом большая разница!

С этими словами Дженкинс склонился рядом со стоящим в дальнем углу спальни деревянным сундучком и откинул с него прикрывавший его крышку потертый плед. Со скрипом распахнув крышку, священник прислонил ее к стене и бережно достал из нутра сундучка довольно объемистый удлиненный футляр, оклеенный разноцветным шпоном, видимо, из различных пород дерева, образующим замысловатый узор. Положив футляр на застеленную кровать, Дженкинс отщелкнул пару замков на его боку и раскрыл крышку. Внутри, проложенный мягкой тканью, покоился не то пистолет с толстым дулом, не то укороченное ружье. Необычный ствол, расширяющийся спереди смешным раструбом, был выполнен заподлицо с казенной частью и крепился парой посеребренных хомутов к темному отполированному до блеска деревянному ложу, плавно перетекающему в рукоятку, украшенную резными накладками из желтоватой кости. Сбоку от казенника к ложу был прикреплен, по всей видимости, фитильный запал со специальной полочкой для затравочной порции пороха. В зажиме еще сохранился кусочек фитиля с почерневшим кончиком.

Дженкинс, как маленького ребенка, поднял из футляра этого уродца и осторожно протянул его Делайле. Та также осторожно приняла необычное оружие и стала рассматривать его, побаиваясь свободно вертеть, так как всерьез опасалась, что эта вещь рассыплется у нее в руках, вздумай она попробовать взвести курок.

Разочарованию Делайлы не было предела, хотя она и постаралась не выказать этого внешне, изобразив на лице поддельный интерес. И ради этого стоило слушать лекцию Дженкинса? Такое допотопное оружие Делайла видела впервые.

— Что это такое? — озадаченно спросила она, неловко поворачивая неказистое оружие.

— Это старинная аркебуза, — объяснил Дженкинс. — Она наверняка была свидетельницей знаменательных сражений старого света, — священник мечтательно прикрыл глаза, будто в мыслях перенесся туда. — Сейчас ей нет цены. Конечно, не в том узком смысле, что вы подумали! — спохватился Дженкинс, увидев на лицах мутантов недоверие, смешанное с сомнением. — После того, как война пронеслась опустошительным ураганом по миру, почти все, что хранилось в музеях, бесследно исчезло. Если вещи, считавшиеся до войны самыми обыденными, сейчас в огромной цене, что уж говорить о действительно исторических ценностях, дошедших до нас сквозь века.

Делайла конечно могла поспорить с Дженкинсом насчет ценности предмета, что был у нее в руках. Бесспорно, это было оружие, но его ценность в качестве оружия была практически равна нулю, а оценивать этот предмет как-то иначе было просто глупо. Но Делайла решила не возражать. Дженкинс оказался безобидным простаком, всецело погруженным в свой личный мир иллюзий и исторических фактов, относящих его далеко-далеко от реальности.

Делайла вздохнула и протянула аркебузу священнику:

— Я рассчитывала, что в убежище у вас сохранилось не только это.

— В убежище? — удивленно переспросил Дженкинс и, заметив недоуменные взгляды своих собеседников, спохватившись, ответил. — Ах да. В убежище. Ну конечно, я совсем забыл про нашу наисовременнейшую историю. — Дженкинс бережно взял из рук Делайлы аркебузу, чтобы вновь водрузить ее на прежнее место в футляре. — Вы знаете, людей из того поколения, что когда-то первыми покинули убежище, уже нет в живых, а документы, кроме тех, что достались нам по наследству и хранятся как реликвии в семьях, были утеряны. Теперь сложно выяснить, что изначально хранилось в убежище. И рассказать об этом некому. — Дженкинс убрал аркебузу в футляр, а футляр вновь засунул в сундук, прикрыв его, как и прежде, пледом. — Пойдемте к столу. В бутылке еще осталось вино, и мы продолжим нашу беседу.

За разговором время пролетело быстро, и мутанты заторопились уходить. Дженкинс, найдя в их лице терпеливых слушателей, просил остаться еще, обещая показать старые книги, но гости, пообещав обязательно зайти в другой раз, наконец покинули дом гостеприимного священника и направились к дому старейшины.

На обратном пути они решили зайти в мастерскую Смита. Возможно, Майлз был еще там. Ворота мастерской оказались открыты настежь. Распахнутый капот грузовика открывал зияющий сиротливой пустотой двигательный отсек машины. Находившийся там раньше двигатель теперь в разобранном виде лежал перед грузовиком на разложенных по полу испачканных смазкой тряпках. В центре возвышался блок цилиндров. Снятая с него крышка лежала рядом. В стороне находился топливный насос и располовиненная коробка передач. На верстаке у стены покоился аккумулятор. В промежутках между деталями покрупнее в обилии были разложены детали помельче: вынутые свечи накаливания, заботливо обернутые каждая по отдельности в тряпицы, блок электроники, топливный фильтр, а также разнообразные шестеренки, винты и крепежные гайки. Над всеми этими, казалось, в беспорядке разложенными деталями что-то колдовали сидевшие на корточках Майлз и Смит.

— Я смотрю, вы тут времени даром не теряли, — заметила с порога Делайла, обозревая живописную картину.

— А то! — сказал довольный Майлз. Шмыгнув носом, он провел по подбородку ладонью, стирая капельку пота и одновременно добавляя еще одну полосу сажи на свое и без того уже чумазое лицо. По мнению Делайлы, теперь он был похож на вылитого бойца спецподразделения, подготовленного для ведения боевых действий в лесистой местности. Уж мастер-лейтенант знала в этом толк. Майлз тем временем продолжил: — Завтра попробуем собрать движок и испытать его. Должен работать, как часы.

— Некоторые детали мы заменим, — поддержал его Смит. — Но в целом машинка еще потрудится. Могло быть и хуже. Мистер Майлз оказался незаменимым помощником.

— А вы уверены, что сможете теперь собрать все воедино? — скептически поинтересовался Крул.

— У нас все разложено по системе, — возразил слегка уязвленный замечанием Крула Майлз. — Так что не волнуйся. Все будет о"кей!

О какой системе шла речь, ни Крул, ни Делайла не могли понять, если судить по тому, в какой немыслимой мешанине лежали детали. Но Майлз был инженером, и ему было виднее. В этом с ним трудно было спорить.

— Ну а вы как, нашли то, что искали? — спросил Смит, незаметно подмигнув Майлзу.

Делайла вздохнула и помотала головой.

— Жалкая берданка, которой хвалился мистер Дженкинс, годна разве что на растопку камина, — фыркнула она. — Могли бы нас сразу предупредить. Да к тому же нам пришлось выслушать целую лекцию на историческую тему!

Смит рассмеялся.

— По крайней мере, если вы терпеливо выслушали его, то приобрели в его лице благожелательно настроенного друга, — уже серьезно сказал механик. — Бен хоть и со странностями, но люди уважают и любят его, и его мнение не последнее в поселке. А это немаловажно, если учесть, что люди к таким, как вы, могут отнестись настороженно. И если наш священник будет настроен по отношению к вам по дружески — будьте уверены — все остальные жители очень скоро избавятся от малейших предрассудков, которые у них еще остаются.

Делайла не нашлась, что возразить. Поначалу ей казалось, что Смит просто сыграл с ними глупую шутку, направив к Дженкинсу, и это ее злило, но вдруг оказалось, что Смит не такой уж и пустозвон, способный лишь на развлечение подобного рода. Теперь он предстал в новом свете, оказавшись дальновидным человеком с проницательным умом и большим жизненным опытом. Дружба с ним стоила не меньше, чем с Беном Дженкинсом, справедливо рассудила она.

— Мы возвращаемся в дом Вильямса, — сказала Делайла. — Майлз, ты с нами или еще задержишься здесь?

— Мы продолжим завтра, — покачал головой инженер, — А на сегодня достаточно. Скоро вечер, а при свете масляной лампы сложно работать.

Майлз поднялся с корточек, взял с верстака ветошь и стал, крутясь перед куском зеркала, прикрепленным к стене, яростно оттирать с лица, а затем и с рук пятна смазки. Удалось это ему не слишком хорошо, но выглядеть он стал все же не так неряшливо, как до этого.

Когда все трое вернулись в дом старейшины, тот уже вместе с внучкой поджидал их.

— Куда вы все запропалились!?! — недовольно пробурчал он, но это недовольство

старика было явно напускным. От той размолвки, произошедшей утром по милости Маши, похоже, не осталось и следа, а в словах Вильямса звучала лишь неподдельная забота о своих постояльцах. — И на обед ведь не пришли!

Маша взгромодилась на табурет, оперлась локотками о стол и, уплетая из чашки дикую малину, обронила:

— Мистер Майлз был в мастерской, и миссис Смит носила им в гараж молоко и булочки! — девочка помедлила и добавила: — Я из окна видела.

Вильямс улыбнулся и кивнул мутантам:

— Ну а вы двое. Нашли то, что искали?

Делайла посмотрела в глаза старику и по веселым искоркам в его взгляде поняла, что тот прекрасно осведомлен, чем в поселке занимались мутанты. Все то ты знаешь, старый плут, подумала про себя Делайла. Только притворяешься, что ничего не замечаешь!

Она отрицательно помотала головой. Вильямс кивнул головой, как бы подтверждая то, что и без ответа Делайлы прекрасно знал:

— Не поверили мне, так? Решили все сами проверить, — старик усмехнулся. — Надеюсь, в следующий раз вы прислушаетесь ко мне.

— Вы могли забыть нам рассказать что-нибудь важное, — упрекнула старейшину Делайла. — Вы ведь не рассказали нам про убежище.

Вильямс замолчал, потом открыто рассмеялся и шутливым тоном спросил, как будто речь шла о величайшей тайне, теперь трагическим образом оказавшейся раскрытой:

— Это кто же вам про него разболтал?

Маша опустила глаза, ее щеки зарделись румянцем, и она спрятала глаза в тарелку, сосредоточившись на ягодах. Делайла изогнула бровь и, как ни в чем не бывало, без заминки ответила:

— Услышали в поселке. Уже и не помню, от кого именно.

— Наверняка, Бен Дженкинс выболтал! — уверенно заявил Вильямс. — Когда он находит слушателя, мелет все, что придет на язык. Он хоть покормил вас или так и морил своим псевдонаучным трепом?

— Покормил. И послушать его было очень познавательно, — Крул скосил взгляд на сморщившуюся Делайлу и добавил коротко, — мне, по крайней мере. — Мутант поспешил перевести тему: — Так что насчет убежища?

Вильямс сделался серьезным. Помолчал, пожевывая нижнюю губу. Наконец сказал чуть хриплым голосом:

— Если вы думаете, что там осталось оружие, то его там нет. Наши предки, прятавшиеся там, взяли с собой все, что им могло пригодиться на поверхности. В том числе и оружие, если оно там конечно было. Со временем сложные механизмы пришли в негодность. Оружие, когда кончились боеприпасы, превратилось в бесполезный хлам, и добрая мотыга и нож оказались куда ценнее, чем винтовка или пистолет. Вот вам и ответ на вопрос, куда оно подевалось, — Вильямс вздохнул. — В убежище больше никто не возвращался и оно давным-давно заброшено. От него теперь нет никакой пользы, и его наверняка облюбовали дикие животные.

Было видно, что старику слова об убежище даются с трудом. Возможно, с ним у него были связаны какие-то тяжелые воспоминания, которые всколыхнулись в памяти с новой силой, заставив его снова пережить неприятные минуты. Мутанты поняли это. Наверное, у каждого, кто жил в эту эпоху, где-то в прошлом или в прошлом его родных и близких

затаилась трагедия. Крул и Делайла больше не делали попыток расспросить Вильямса про убежище, так как старик явно не хотел о нем говорить.

Уже после ужина, который старейшина по заведенной традиции, приготовил сам и накрыл на стол при помощи своей внучки, Вильямс и Маша поднялись наверх к себе, а мутанты и Майлз задержались за столом.

— Как вам первый день в поселке? — спросил инженер.

— Слишком спокойно и безмятежно, — ответил Крул. — Никаких признаков бандитов. Может, у старика глаза от страха велики? Чего он так перепугался?

— Нет, ты не прав, Крул, — задумчиво покачала головой Делайла. — Что-то происходит здесь или должно произойти. Только вот что? Под внешним спокойствием чувствуется какое-то напряжение. Вильямс и остальные, с кем мы встречались, пока очень ловко скрывают это.

— С чего это ты взяла, Дел? — спросил заинтересовано Майлз. — Я ничего такого не почувствовал.

— Тюки, которые мы видели в домах у жителей. Они не дают мне покоя, — пояснила Делайла.

— Тюки? Что еще за тюки? — спросил инженер.

За Делайлу ответил Крул:

— В каждом доме, куда мы заходили с Делайлой, приготовлен аккуратный тюк с вещами первой необходимости, — пояснил мутант. — Клянусь Мастером, подобный тюк есть в каждом доме этого поселка. Такое впечатление, что они живут на перекладных и готовы сняться с места в любую минуту!

— Верно! — кивнула Делайла. — Это как минимум подтверждает, что Вильямс и жители поселка чего-то всерьез опасаются.

Майлз почесал кончик носа.

— Может, вы рано делаете выводы? Хотя, знаете..., - инженер призадумался на секунду. — ...у Смита в мастерской я ведь тоже видел нечто похожее. Но там у него был большой рюкзак, под завязку набитый новенькими инструментами. Меня это еще удивило. Мы искали нужный ключ и никак не могли его найти. Я наткнулся на рюкзак и решил поискать в нем — уж больно всего в него было наложено, судя по торчащим из-под клапана рукояткам разнообразных инструментов, но Смит не позволил ничего оттуда вытаскивать. Сам отыскал потерявшийся инструмент, и мы продолжили заниматься прерванным делом.

— Ты не спросил, для чего он приготовил рюкзак? — спросила Делайла, с надеждой взглянув на Майлза, а в душе пожалев, что сама не решилась проделать то же самое.

— Конечно, спросил, — ответил Майлз. — Он отшутился: мол, приготовил инструменты на случай, если сломается мельница и придется покупать в городе что-нибудь дорогостоящее для ремонта, а в городе хорошие инструменты — ходовой товар.

— Все это странно, — проговорила Делайла. — Никаких признаков банд и, тем не менее, в поселке явно чего-то опасаются, раз держат наготове вещи. Не люблю действовать в безызначности.

— Может, спросим Вильямса напрямик? — предложил Крул.

Делайла покачала головой.

— Нет, этот старый лис снова вывернется, сочинив какую-нибудь новую байку, а то и выпроводит нас вон, чтобы мы не совали нос, куда не следует. А ссориться с ним я не хочу. Как ни крути, но к нам здесь отнеслись лучше, чем где бы то ни было.

— Тогда что будем делать? — спросил Майлз.

— Пока ничего. Подождем, что будет дальше.

— Лично я иду завтра к Смиуту. Завершим с ним начатую работу, — сказал Майлз, поднимаясь со своего места, и скрывая ладонью зевоту. — А вы чем займетесь?

Так и не дождавшись от мутантов ответа, разочарованный Майлз направился в свою спальню. Крул задержался, нутром чуя, что у Делайлы созрел какой-то план, но она не хочет распространяться о нем при человеке.

— Так что мы будем делать завтра? — спросил он, когда за инженером закрылась дверь в спальню.

Делайла как бы невзначай повернулась к лестнице, пристально вглядываясь в тени на ней и настороженно прислушиваясь. Удостоверившись, что их никто не подслушивает, она наклонилась над столом к Крулу и негромко сказала:

— Есть еще одна вещь, говорить о которой в этом поселке все старательно избегают!

— Убежище, — также тихо сказал Крул.

— Точно! — кивнула Делайла. — Уж больно с напускным безразличием они о нем говорят. А ведь капитальная постройка, какой является убежище, насколько я знаю, способно защитить этих людей от любой банды, если грамотно этим распорядиться! А они сидят в этом убогом поселке, дома в котором, кроме жилища самого Вильямса, того и гляди развалятся от дуновения ветра.

— Думаешь, как раз в убежище они и наострили лыжи, приготовив тюки с вещами? — догадался Крул. — Держат его законсервированным до худших времен?

— Вполне возможно, — кивнула Делайла. — И если это так, то кто знает, может все то оружие, о которого так старательно открещивается Вильямс, находится именно там!

— Но почему Вильямс скрывает это от нас? — с сомнением произнес Крул. — Ведь он же понимает, что чем лучше мы оснащены, тем эффективнее сможем защищать поселок, и никому не придется никуда убегать или прятаться.

Делайла усмехнулась, снисходительно посмотрев на Крула.

— Ты расслабился, Крул. Вспомни, чему нас учили синие капюшоны в храме. Это психология людей. Не забывай, какими коварными и изворотливыми они могут быть. Даже если мы помогаем им, они ни за что не будут доверять нам до конца. Вильямс не хочет, чтобы чужаки разнюхали правду об убежище. Бойтся, что мы заграбастаем его себе, и тогда селянам не видать его, как своих ушей.

Но Крула эти слова явно не убедили.

— Может, ты и права, но я не почувствовал в Вильямсе и остальных предвзятого к нам отношения. Ладно, это всего лишь мое мнение и я могу ошибаться. Так что же ты предлагаешь?

— Я предлагаю завтра кому-нибудь из нас тайком посетить это убежище. Осторожно посмотреть, что там и к чему. В поселке за нами наверняка наблюдают, — Крул удивленно вскинул брови, и Делайла поторопилась объяснить: — Нет, конечно, никто специально этим не занимается, но я думаю, что Вильямс предупредил всех в поселке, чтобы кто-нибудь обязательно посматривал за нами в пол глаза. Хочет всегда знать, где мы находимся и чем занимаемся.

— У тебя паранойя, Дел, — улыбнулся Крул. — Нас никто здесь не держит, и один из нас может свободно уйти из поселка, когда ему заблагорассудится, и никто нам и полслова не скажет. Обоим нам, конечно, вряд ли стоит оставлять поселок — мы же договорились,

что охраняем его, и случись что — как минимум один из нас должен быть на стреме под рукой у Вильямса. Ну а для отлучки второго можно что-нибудь придумать правдоподобное.

— Ладно, завтра решим, как лучше поступить, — не стала спорить Делайла. — А теперь пойдем спать. Засиделись уже.

На утро размышлять над тем, как бы половчее ускользнуть из-под ненавязчивой опеки Вильямса и селян, не пришлось. То, чего с таким нетерпением ожидали мутанты, таки произошло. Когда мутанты и люди сидели за завтраком, в дом без приглашения вбежал мальчишка и сбивчиво проговорил, глотая слова и с любопытством посматривая на сидящих за столом мутантов:

— Дядя Вильямс... Джарвис пришел...

Вильямс изменился в лице, мельком посмотрев почему-то на Машу. Делайла, обратившая на это внимание, заметила, что девочка вдруг побледнела, как полотно, и напряглась, готовая вскочить из-за стола. Не доев, Вильямс порывисто встал со своего места, но жестом остановил начавших подниматься вслед за ним мутантов и Майлза.

— Мистер Майлз и вы, мистер Крул, пожалуйста, останьтесь здесь и не отлучайтесь из дома ни под каким предлогом, пока я не вернусь. — Вильямс подошел к внучке, ласково положил ладони на ее хрупкие плечи, и Делайла заметила, как девочка заметно расслабилась, поддавшись этому мягкому прикосновению. — Маша, поднимись к себе.

— Хорошо, деда, — девочка покорно встала и стремглав бросилась к лестнице. Было слышно, как ее сандалеты выбивают дробь из ступеней.

Вильямс пристально посмотрел ей в след и на секунду закрыл глаза, затем повернулся к Делайле.

— Вас, мисс Делайла, я попрошу сопровождать меня.

— Кто такой это Джарвис? — спросила Делайла, выходя из-за стола.

Вильямс отвел глаза в сторону.

— Он один из нас. Жил в поселке, пока не спутался с бандитами.

— Это их вы имели в виду, когда искали защитников?

— И их тоже, — кивнул Вильямс. — Пойдемте.

Делайла хотела спросить что-то еще, но Вильямс повернулся к двери и стремительно направился следом за принесшим новость мальчишкой. Делайле ничего не оставалось, как пойти за старейшиной. Напоследок обернувшись, прежде чем закрыть дверь, она бросила Крулу:

— Делайте все, как сказал старик. Не отлучайтесь отсюда, чтобы не случилось!

Еще издалека Делайла заметила толпящихся на противоположной окраине поселка жителей. Пока было неясно, что их привлекло туда, но если причиной был упомянутый мальчишкой Джарвис, то он, похоже, пользовался большой популярностью у жителей поселка. Вильямс шествовал, не оборачиваясь, по главной улице поселка, удивительно твердо для своего преклонного возраста чеканя шаг. Мальчишка убежал вперед, видимо, стремясь побыстрее вернуться в гущу событий, творящихся на окраине поселка. И хотя Делайле было нетрудно поспевать за Вильямсом, она решила обставить свое появление на поселковом собрании более драматичным образом.

Похоже, Вильямс в своем целеустремленном желании поскорее добраться до места сборища совсем позабыл, что его сопровождает женщина-мутант. Уверившись, что старейшина таки не обернется, чтобы убедиться, что она следует за ним, Делайла на пол

пути свернула в сторону и скользнула за угол ближайшего домика. Пробежав вдоль его стены, она легко перемахнула через хлипкую ограду, которая жалобно прогнулась под ее весом, и, едва не растоптав какие-то посадки и распутав цыплят на заднем дворе, пробежала позади дома. Выбравшаяся ей навстречу из конуры собака проводила мастера-лейтенанта неодобрительным взглядом, и Делайла взмолилась, чтобы эта шавка не подняла своим гавканьем всех поселковых собак. Но пес, удивительное дело, отчего-то признав Делайлу за свою, вывалил язык и неуверенно завилял хвостом, после чего, зевнув в полную пасть, потерял к женщине-мутанту всякий интерес и свернулся клубком на пороге своей конуры. Делайла облегченно выдохнула и продолжила свой путь. Выглянув из-за угла и убедившись, что ее вряд ли заметят с дороги, она быстро миновала еще два дома и уже за приземистым хлевом, которым заканчивался поселок, перевела дух и стала медленно подбираться к углу строения. За щелью между досками появилась влажная морда брамина. Шевелящиеся ноздри выдыхали теплый воздух, обратно втягивая незнакомый запах притаившейся у стены Делайлы. Брамин, похоже, норовил высадить стенку хлева, желая познакомиться с Делайлой поближе, и та, чтобы как-то успокоить животное, просунула пальцы в щель и потерела браминий нос.

— Тихо ты, бестолочь рогатая! — прищипнула она на любопытного брамина. — Я не твоя доярка!

Брамин вроде бы понял, разочарованно промычал и отвалил вглубь загона, тихо шумя сухой соломой и глухо постукивая копытами об утрамбованный земляной пол.

С того места, откуда наблюдала Делайла, было прекрасно видно, что происходит на окраине поселка. Понять, кто из собравшихся — Джарвис, было несложно. Он выделялся среди остальных не столько своей внешностью, сколько несвойственным окружавшим его селянам поведением. На нем была кожаная куртка со стоячим воротником и обрезанными рукавами, потертые джинсы и требовавшие срочного ремонта старые кроссовки. Джарвис был среднего роста, стройный, но явно не слабак. К Делайле он стоял в профиль. Неаккуратно стриженные выгоревшие на солнце соломенного цвета волосы оттеняли его неестественно красное, как это часто бывает у блондинов, лицо, на котором резко выделялись совершенно бесцветные брови. Джарвис, как успела подметить Делайла, пришел не один. Одетые под стать ему, немного в стороне скучали двое молодых парней. Видимо, такой поддержки хватало на то, чтобы Джарвис мог безнаказанно орать на стоявшего перед ним Дженкинса, и никто из собравшихся селян даже не делал попытки урезонить грубияна.

До Делайлы донеслись слова:

— Тебя, Дженкинс, это вообще не касается! — орал покрасневший Джарвис.

— Это касается всех нас, Джарвис, — ответил спокойно священник. — Уймись и больше не приходи сюда.

— А то что? — навис над священником Джарвис. — Остановишь меня?

Дженкинс заметно побледнел, но с места не сдвинулся. Делайла невольно прониклась уважением к священнику.

— Если понадобится, то и остановлю! — глухо ответил Дженкинс.

Джарвис позеленел от злости и шумно втянул через нос воздух. Делайла запоздало спохватилась, пожалев, что не пошла к сборищу напрямик вместе с Вильямсом. Ведь старейшина был еще только на подходе, а сама Делайла не успевала со своего места вмешаться в накалившуюся до предела ситуацию. Джарвис размахнулся и ударил наотмашь Дженкинса полицу. Священник, не устояв на ногах, полетел под ноги жителям поселка.

Напарники Джарвиса сдвинулись со своих мест, готовые, в случае чего, прийти на помощь своему товарищу. Один положил ладонь на рукоять ножа, торчащего из укрепленных на поясе ножен, второй схватился за древко пики, втиснутой в чехол, притороченный на спине у парня. Люди вокруг бандитов всколыхнулись, но никто так и не решился заступить дорогу разъяренному Джарвису, когда тот, шагнув к пытавшемуся подняться с земли священнику, надменно произнес:

— Не стой у меня на дороге, жалкий святоша! — Джарвис оторвал от земли ногу, намереваясь ударом сбить Дженкинса обратно на землю, но тут, продравшись через толпу, подоспел Вильямс.

— Остановись, Джарвис! — крикнул старик. — Что ты делаешь! Так ты ничего не добьешься!

Джарвис замер, подняв лицо к Вильямсу. Старейшина был спокоен и не опустил взгляд. Джарвис отступил на шаг назад, давая возможность селянам помочь Дженкинсу подняться. Вильямс выступил вперед, загораживая собой помятого священника. Ярости Джарвиса поубавилось. Какая-то толика влияния у Вильямса на него, видимо, еще сохранилась.

— А как я могу добиться своего? — насмешливо спросил Джарвис. — Вы же отобрали ее у меня!

— Ты прекрасно знаешь, что это было справедливое решение, — все также спокойно возразил Вильямс. — Возвращайся в поселок и докажи своим поведением, что тебе можно доверять. Тогда и поговорим.

— Ну уж нет! Вы же выжили меня из поселка! — замотал головой Джарвис. Он вновь начал заводиться. — Вы сейчас же отдадите мне девочку или я разнесу ваш поселок на части и заберу ее силой! И ты, Вильямс, мне не помешаешь!

Вильямс посмотрел куда-то мимо Джарвиса и невозмутимо ответил:

— Я тебе не помешаю, а вот она помешает.

Джарвис непонимающе смотрел на старика. Наконец сообразив, что тот смотрит куда-то ему за спину, Джарвис повернулся и уперся взглядом в затянутую кожей широкую грудь Делайлы. Джарвис вынужден был задрать голову, чтобы рассмотреть лицо рослой женщины-мутанта, и по мере того, как ему приходилось все выше поднимать взгляд, с его лица постепенно сползала самоуверенность.

— Ты идиот, Вильямс! — воскликнул Джарвис. — Зачем ты связался с мутантами!?

— Я знаю, что делаю, Джарвис, — жестко сказал Вильямс. — Если ты еще раз появишься здесь с угрозами, она и ее друг оторвут тебе и твоим подельникам головы. — Вильямс посмотрел на Делайлу. — Я правильно излагаю нашу позицию, мисс Делайла?

Делайла усмехнулась, услышав в речи Вильямса столь не свойственный ему агрессивный оборот:

— Совершенно верно, мистер Вильямс, — кивнула она, уничижающим взглядом буравя побледневшего Джарвиса. — Если мы заметим этих скотов ближе, чем в миле от поселка, то оторвем им их дурные бошки и будем играть ими в крикет!

Джарвис натянуто рассмеялся, но под конец, обернувшись к Вильямсу, зло процедил сквозь зубы:

— Что же, старейшина, не захотел по-хорошему, значит, будет по-плохому!

Делайла шагнула к Джарвису и уже вытянула руку, чтобы раз и навсегда пресечь всякие попытки с его стороны как-либо угрожать в будущем, но Вильямс, заметив это, крикнул:

— Не надо, Делайла! Пускай уходят.

На лицах напарников Джарвиса появилось заметное облегчение. Шутка ли — схватиться с мутантом. Тут может не хватить даже численного превосходства и хорошего владения холодным оружием. Даже если мутанта удастся, в конце концов, убить, все равно кто-нибудь из нападавших обязательно поплатится за это своей жизнью. А умирать бандитам ой как не хотелось.

Делайла посторонилась, и Джарвис, с опаской поглядывая в ее сторону, прошел мимо, затем обернулся и, пятясь, бросил своим перетрухнувшим напарникам:

— Пойдемте ребята! Наше время еще придет.

Троица, сопровождаемая взглядами собравшихся на окраине поселка людей, прошествовала по вившейся от поселка дорожке, пока не скрылась за ближайшим холмом. Жители стали расходиться, с уважением поглядывая на Делайлу и кивая ей в знак признательности, а Вильямс с задумчивым видом, так ничего и не сказав ей, пошел назад к дому. Делайла нагнала его.

— Этот Джарвис, чего он хотел? — спросила она.

— Он хотел забрать Машу, — чуть помедлив, устало ответил Вильямс. — Она его дочь.

На секунду Делайла замерла на месте, переваривая новость. Ну да, у Маши ведь должны быть родители. Вильямс не рассказывал ничего о них, а Делайле как-то не пришло в голову расспрашивать его об этом. Как оказалось, зря. Теперь ей стала понятна та реакция Вильямса, когда они на второй день пребывания в поселке взяли Машу с собой на прогулку.

— Почему вы не предупредили нас об этом, — недовольно спросила Делайла, вновь нагнав ушедшего немного вперед Вильямса. — Вам следовало рассказать нам все с самого сначала.

— Не думал, что Джарвис решится пойти на открытый конфликт, — покачал головой Вильямс. — Если честно, я даже не ожидал, что он вернется. О нем не было никаких известий больше года. И вот он появился и требует вернуть дочь.

— Как так получилось, что Маша осталась на вашем попечении, а ее отец превратился в бандита? — спросила Делайла.

Старик помялся, явно не желая отвечать на этот вопрос.

— Не подумайте, что я вам не доверяю... — Вильямс слегка покраснел от натуги, не зная, что сказать. — К чему вам наши семейные дразги? Вышло так, как вышло и теперь уже ничего не вернуть. Маша теперь единственный человек, ради которого я живу...

— Понимаю, — вздохнула Делайла. Конечно, ей было немного обидно, что Вильямс не доверил ей всего до конца. Но его, призналась она себе, можно было понять. Кто она такая, чтобы ее следовало посвящать в тайны личной жизни обитателей поселка? Достаточно того, что теперь как минимум одна угроза для поселка обрела конкретное лицо, и суть этой угрозы тоже была вполне объяснима.

Казалось, с тех пор, как Делайла и Вильямс покинули дом старейшины, Крул и Майлз не сдвинулись со своих мест. Едва Вильямс ступил на порог, Майлз вскочил из-за стола и нетерпеливо спросил:

— Ну, что там?

— Все обошлось на этот раз, — ответил старейшина.

Делайла, вошедшая в комнату следом за Вильямсом и слышавшая его ответ, покачала головой:

— Не думаю, что Джарвис так просто успокоится. Я бы на его месте ни за что бы не успокоилась.

— Вы!? — раздраженно отозвался Вильямс, повернувшись к Делайле. — У вас есть дети? Откуда вам, мутанту, что-то знать об этом?

Делайла дернулась, как от пощечины. Ее лицо побледнело.

— Почему вы считаете, что мне не ведомо материнское чувство? — холодно спросила она.

— У мутантов ведь не может быть детей! — неуверенно ответил Вильямс, сообразивший, что чем-то задел женщину-мутанта.

Делайла горько усмехнулась:

— Расхожее заблуждение. Но даже если так...

Крул кашлянул, привлекая к себе внимание.

— Мистер Вильямс, до того, как стать мутантами, мы были самыми обычными людьми, и Делайла... В общем, у нее был ребенок до того, как она стала тем, кем является сейчас. Она знает, о чем говорит. Извини, Дел, что я рассказал.

Вильямс покраснел от стыда.

— Ради бога, мисс Делайла, извините старого дурака. Если бы я знал... Да даже если бы и не знал. Черт меня дернул за язык говорить всякие глупости... Сами понимаете, в каком я нахожусь состоянии...

— Ничего, — грустно улыбнулась Делайла. — Забудем. Надо решить, как нам оградит Машу от Джарвиса.

— Извините, может, я что-то упустил, — встрепнулся Майлз. — Но как связаны Маша и этот бандит Джарвис? Кто он такой вообще?

— Мог бы и сам догадаться, что Джарвис отец Маши, — буркнул Крул. — Я прав?

— Да, — кивнул Вильямс. — И он хочет забрать ее с собой.

— Кто-нибудь из нас будет обязательно находиться поблизости, — предложила Делайла. — Постараемся не оставлять Машу одну. Я также предлагаю выяснить, где у Джарвиса лежка. Наверняка, она недалеко от поселка. Хорошо бы знать, где он приземлился, и держать его и его банду в поле зрения.

— Бесполезная затея, — махнул рукой Вильямс. — Ищи ветра в поле. Он может быть где угодно.

Крул расчесал пятерней свою великолепную гриву волос и расправил плечи, как он это делал всякий раз, когда чувал, что наклеывается серьезное дело.

— Не думаю, что этот Джарвис будет ночевать в чистом поле, если задумал что-то серьезное и решил к этому как следует подготовиться. Скорее всего, он поищет пещеру или заброшенное строение. И я даже знаю, где с большой долей вероятности его можно отыскать.

— И где же? — скептически спросил Вильямс.

— На той самой ферме, на которой недавно обитали мы сами. По крайней мере, проверить это будет нелишне.

— Делайте, как считаете нужным, — сдался Вильямс. — Только прошу вас об одном. Ограничьтесь только наблюдением. Не причиняйте ему вреда. Обещаете?

Крул и Делайла многозначительно переглянулись.

— Обещаем, — нехотя согласилась Делайла.

— Тогда договорились, — кивнул Вильямс. — Пойду поднимусь к Маше и успокою ее.

Старик поднялся по лестнице на второй этаж, а оставшиеся в гостиной ненадолго замолчали. Вот уж не ожидали они, что будут защищать ребенка от его родного отца.

— Пожалуй, я пойду к Смиту, — нарушив молчание, сказал Майлз, поднявшись с табурета. — Он, поди, меня уже заждался. Я ведь ему обещал.

— Не волнуйся, — успокоила его Делайла. — Смит был вместе со всеми на окраине поселка и только сейчас, наверное, вернулся в мастерскую.

Когда Майлз ушел, Крул облокотился на стол, поигрывая от нечего делать огромными бицепсами:

— Как будем дальше действовать, Дел? Может, выследить этих гадов и тихо прихлопнуть, а трупы закопать на заброшенной ферме? Там их никто не хватится. А то гадай теперь, какую пакость эти уроды планируют устроить.

— Я уже думала об этом, — ответила Делайла. — Нет, Крул, без согласия старика мы этого делать не будем. А он, похоже, все еще надеется, что Джарвис одумается. Так что пока с этим придется повременить. На повестке все равно остается вопрос об оружии. Надо предпринять вылазку в убежище, пока ситуация вокруг поселка не поменялась в худшую сторону. Твоя идея с поиском логова Джарвиса пришлась как нельзя кстати. Это хороший повод отлучиться одному из нас из поселка. Сделаем так. Я останусь здесь, как и обещала. Присмотрю за Вильямсом и Машей, а то мало ли что. А ты, как и говорил, для очистки совести заглянешь на ферму, чтобы проверить свое предположение насчет убежища Джарвиса, но следить за ними не станешь, если они даже там, а вернешься и, обойдя поселок стороной, заглянешь в убежище. Выйти лучше ближе к вечеру. Хотя в этой местности безлюдно, но так будет лучше — темнота поможет избежать лишних глаз. Вильямс ни о чем не будет подозревать. Я скажу ему, что ты, как и предлагал, пошел на поиски Джарвиса, и это будет почти правдой.

— Хорошо бы где-то раздобыть фонарик, — заметил Крул. — Конечно, в темноте я вижу прилично, но с фонариком было бы проще. Тем более, если придется лезть внутрь обесточенного убежища.

Делайла на секунду задумалась.

— Боюсь, в поселке не отыщется ничего сложнее масляной лампы. Здесь такие штучки, как электрический фонарик, большая редкость, как я заметила. Наверное, найдется несколько осветительных трубок, да еще у Смита в мастерской я видела небольшой масляный фонарь. Попроси Майлза, чтобы тот на время позаимствовал его у механика.

Когда Крул собрался уходить, он заглянул, как и предложила Делайла, в мастерскую Смита. По всему было видно, что дело в мастерской спорилось. Двигатель оказался уже наполовину собранным, а раскиданных на полу деталей заметно поубавилось. Для порядка поинтересовавшись у мастеров, как идут дела, мутант попросил Майлза выйти на улицу. Выслушав просьбу Крула, инженер без лишних вопросов вынес мутанту фонарь и пригоршню осветительных трубок, которые также очень кстати отыскиались в мастерской.

Сгущались сумерки, но Крул безошибочно отыскивал дорогу к заброшенной ферме. Закатившееся солнце не оставило заросшей ферме ни толики света, но ее темный силуэт отчетливо выделялся на фоне серо-бурой степи. Подходя ближе к ферме, Крул предпринял все необходимые меры предосторожности, чтобы его не заметили бандиты, если те вдруг находились на ферме и вздумали выставить дежурного на ночь. Мутант пригнулся и старался держаться так, чтобы его всегда скрывал высокий бурьян. Спрятаться в густых зарослях репья человеку при всем желании было попросту невозможно, а с внешней стороны забора фермы Крул никого не заметил. Прежде чем воспользоваться той самой лазейкой в ограде,

через которую они совсем недавно выбирались на пустырь, мутант на протяжении нескольких минут прислушивался, не происходит ли чего на ферме. Слух у него был прекрасный, и находясь на ферме люди, он обязательно бы уловил характерный скрип половиц под их ногами, шорох сена и, конечно же, голоса. Но все было тихо. Крул был даже немного разочарован. Он то был уверен, что правильно угадал местонахождение Джарвиса и его компании, но, видимо, тому удалось найти другое место для ночлега. Это слегка настораживало, и Крул даже подумал вернуться в поселок, но все же убедил себя, что Делайла и в одиночку способна справиться с тремя обычными людьми, пускай даже те вооружены холодным оружием. Чтобы окончательно убедиться, что ферма пуста, Крул настолько тихо, насколько мог, пролез через прореху в ограде, затем продрался сквозь заросли репья и, добравшись до стены фермы, осторожно заглянул внутрь через окно. Никого. Пусто.

Крула слегка передернуло. Он никогда не боялся темноты, но брошенное строение в ночи, пустое и лишенное людей, навевало тягучую тоску и зябкое одиночество. Темнота внутри комнат, где еще совсем недавно ночевал сам Крул вместе с Майлзом и Делайлой, была похожа на притаившееся животное, в любой момент готовое кинуться к окну, окутать холодной липкой влагой лицо мутанта и утащить его в могильное безмолвие пустующего дома.

Крул встрепенулся, сбрасывая с себя на мгновение охватившее его оцепенение, и сплюнул себе под ноги, выгоняя прочь неприятное чувство холода из груди, затем машинально растер плевком ботинком. Откуда это во мне, подумал с удивлением мутант. Он уже давно не тот маленький ребенок, которого в его родном убежище пугали старшие дети, а он после этого плакал и бежал под защиту матери. Крул вдруг понял, что если останется рядом с фермой дольше, то старые воспоминания заставят его вновь пережить те давние горечь и унижения. Он решительно шагнул в бурьян и, не замечая царапающих кожу рук и лица колючих шаров, поспешно продрался к ограде и с облегчением вырвался за пределы фермы. В конце это уже было похоже на бегство. Не оборачиваясь, мутант быстро зашагал в сторону поселка. Детские воспоминания улеглись и, казалось, покинули его вместе с оставшейся позади фермой.

Сбежал, признался себе Крул. Интересно, долго ему удастся так вот бегать от самого себя? Крул постарался думать о Делайле, и что ты будешь делать, в мыслях он опять оказывался там, где вырос. Ох, Делайла! Рыжеволосая красавица Делайла... Для юного паренька она была недостижимой богиней. И звали ее тогда вовсе не так, как сейчас. Потаенный уголок его памяти услужливо нашептал ее прежнее имя, и напор юношеских переживаний вновь захлестнул его сознание, заставив мыслями вернуться в прошлое. Он сох по той, прежней Делайле, прекрасно осознавая, что она даже не взглянет на долговязого, стеснительного паренька, каким тогда был Крул, и не удостоит его даже мимолетной улыбки. Но убежище было слишком тесным для того, чтобы они разминулись в коридорах... Она была всегда на виду, он не мог спрятаться от ее красоты, и ему оставалось лишь, замкнувшись в себе, страдать и лелеять призрачные мечты. Невыносимой пыткой было видеть, как вокруг нее увиваются прекрасно сложенные парни, как она одаривает их улыбками, демонстрируя им свою благосклонность... Те самые парни, что издевались над ним, унижали его. Судьба жестока и несправедлива, думал тогда Крул. Одним она дает все, другим ничего. И он ничего не мог с этим поделать. Что толку, что она наделила его, как он считал, настоящим, большим чувством? Судьба, как непоседливая фея, раздала свои подарки

невпопад. Оно, это чувство, нерастраченное, так и останется внутри него до самого конца, служа постоянным источником душевной пытки и страданий...

Погруженный в воспоминания, Крул не заметил, как оказался почти у самого поселка. Он был рад, что хоть что-то отвлекло его от грустных мыслей. Ориентируясь на поблескивающий в сумраке огоньками освещенных окон темный силуэт поселка, мутант обошел его стороной, пока не пересек едва различимую тропинку, ведущую в сторону убежища. Прежде чем двинуться по ней, Крул обернулся и еще раз пристально посмотрел на поселок. Тепло огоньков в окнах манило уютом, соблазняло плюнуть на поход к убежищу и вернуться в дом старейшины, где можно было расположиться возле зажженного камина, чтобы выгнать из сердца ощущение зябкого вечера, который сейчас прокрадывался прохладным ветерком и ледяными иголочками звезд под куртку мутанта. Соврать что-нибудь Делайле, чтобы та не брюзжала, погреться у огня, а потом завалиться спать, а к убежищу сходить днем, когда солнце будет добрым спутником, напоминая о себе ежеминутно деликатным прикосновением теплых лучей. Мутант поежился, затем в последний раз удостоверившись, что поселок умиротворенный, готовится ко сну, повернулся к нему спиной и не спеша потопал по тропинке, не забывая осматриваться по сторонам.

Путь до убежища оказался не столь близким, как надеялся Крул. Тропинка то и дело терялась в траве, а то и вовсе выводила на обширную россыпь невесть откуда взявшегося здесь гравия, и мутанту приходилось искать ее продолжение, терпеливо обходя гравийное пятно по периметру. Затем трава постепенно стала исчезать, сначала изъязвленная темными проплешинами, а потом совсем сойдя на нет, уступив место будто выжженной поверхности. Под ногами Крула как будто захрустело битое стекло, и он впервые решился зажечь фонарь, чтобы понять, что же это такое. Трепещущий свет фонаря раздвинул темноту вокруг небольшого пространства, и мутант смог рассмотреть, что у него находится под ногами. Присев на корточки, он зачерпнул ладонью горсть спекшейся стекловидной пемзы, в которую от ужасной температуры превратилась почва. Крул повидал таких следов достаточно, чтобы понять, какой опасности он может подвергнуться, следуя дальше этой дорогой. Сомнений не было — где-то рядом находился эпицентр ядерного взрыва. Счетчика радиации у мутанта под рукой не было, а возвращаться в поселок было далековато, да к тому же что-то подсказывало ему, что повторится история с оружием, и в поселке просто не окажется столь полезного для всякого уважающего себя путешественника приборчика.

Крул поднялся, затушил фонарь и в нерешительности замер, вновь привыкая к темноте после яркого света. Как же поступить? Сам факт того, что убежище находится если и не в эпицентре взрыва, то в опасной близости от него, говорило о многом. Каково здесь было несколько десятков лет назад, если даже сейчас неумная природа не смогла завоевать этот клочок земли, и он по-прежнему мертв? Неужели предки тех, кто сейчас населял поселок, проделали свой путь из убежища, шествуя буквально по горячей земле, и выжили после этого? Мутант разрывался между здоровым чувством самосохранения и любопытством: что же стало в таком случае с самим убежищем?

Любопытство победило, и Крул медленно пошел вглубь выжженной земли. В конце концов, он был мутантом, а не обычным человеком, и там, где повышенный уровень радиации обычному человеку может причинить непоправимый вред, модифицированный организм мутанта мог справиться с последствиями агрессивного воздействия жесткого излучения. И потом, ведь, как минимум, один раз люди уже прошли этой тропой, когда покидали убежище, и остались живы. То, что поселок не вымер на протяжении последующих

поколений, лишь доказывало, что вышедшие из убежища люди не испытали на себе сколько-нибудь серьезного губительного воздействия радиации. Подобный вывод немного успокоил Крула, и он продолжил свой путь.

Теперь тропу на совершенно черной поверхности высматривать было бессмысленно, и мутант шагал наугад, примерно выдерживая направление, в котором шел ранее по тропе, когда ту еще можно было различить. Чувство направления не подвело его, и он вышел на край возвышения, у подножия которого простиралась пологая долина. Взошедшая луна серебрила склон, сверкающей дорожкой играя на оплавленной земле и резко очерчивая вдалеке мрачный силуэт того, что повсеместно служило надгробным памятником некогда существовавшей на Земле великой человеческой цивилизации. Вот значит, откуда родом Вильямс и его люди. Из этого самого города, который не пощадила война, уничтожив его целиком, не дав ни малейшего шанса выжить тем, кто не успел, не смог или не захотел по каким-то причинам укрыться в убежище. Наверное, при свете дня разрушенный город выглядел не так ужасно, но сейчас он был похож на самое настоящее кладбище с рухнувшими надгробиями-домами и покосившимися крестами-сваями.

Искать где-то в городе среди куч мусора вход в убежище — бесперспективное занятие. Тут не хватило бы и целой поисковой группы. Сотни квадратных километров, заполненных мусором, битым кирпичом и обрушившимися бетонными конструкциями, не позволяли даже надеяться самостоятельно отыскать вход в автономное бомбоубежище. А где-то там, в глубине города, может быть, притаилась все еще горячая ловушка — точка, где когда-то раскрылись врата ада, из которых на город извергся всепожирающий ядерный огонь.

Крул вздохнул, понимая, что будет вынужден вернуться ни с чем. Надежда на то, что тропа приведет его прямехонько к входу в убежище, испарилась, и теперь единственным способом выяснить, где на самом деле оно находится, оставалось лишь спросить у самого Вильямса. А тот по понятным причинам может и не раскрыть этого секрета. Мертвый город надежно хранил его получше любой специально организованной охраны. И как они с Делайлой раньше об этом не подумали!?

Крул уже собрался уходить, но тут заметил краем глаза пологий спуск, ведущий вниз. Он был чуть светлее окружающей земли. Мутант подошел ближе и ступней попробовал этот кусок поверхности. Поверхность оказалась твердой и ровной в отличие от хрупкой, поддающейся под ступнями спекшейся пемзы. Крул в очередной раз зажег фонарь и присмотрелся к тому, что у него на этот раз было под ногами. Бетон. Самый обыкновенный бетон. Старый, потрескавшийся там, где его поверхность, наверное, жарилась в огне, но в целом все еще твердый. Крул осветил края пятна. Участок бетона был небольшим, и казалось, что это была часть не сохранившейся дороги. Видимо, склон здесь был не всегда, а образовался в результате более позднего оползня, и некогда плавный спуск от воздействия эрозии съехал вместе с участком дороги вниз. Мутант подошел к краю и заглянул туда, где по идее должно было быть продолжение дороги или хотя бы то, что от нее осталось. Его внимание тут же привлек край угловатой конструкции, торчащий из осыпавшегося склона. Интересно, что бы это могло быть?

Мутант погасил лампу и прицепил ее обратно себе на пояс. Еще не отдавая себе отчета в мелькнувшей догадке, он, рискуя сломать себе шею, прыгнул с края небольшого обрыва и заскользил по осыпи вниз, иногда, чтобы не упасть, быстро перебирая ногами. Оказавшись у подножия склона, он, переведя дух, оценил взглядом высоту проделанного спуска. Только затем он пошел в направлении замеченного сверху сооружения. Отсюда, снизу, край

неизвестной конструкции казался огромным. Эта штука когда-то целиком была зарыта в склон, и чтобы добраться до ее основания, мутанту пришлось проявить немалую ловкость, чтобы преодолеть несколько метров сползающей под ногами почвы.

Наконец, оказавшись рядом, Крул запоздало подумал, что, спускаясь со склона, мог запросто привести в негодность фонарь, притороченный к поясу. Балансируя на осыпи, он поспешно взял его в руки и попробовал зажечь. К немалому облегчению мутанта, с фонарем все было в порядке. В его свете он смог разглядеть ноздреватую поверхность бетонной конструкции, армированную тронутым ржавчиной металлом. Крул продвинулся вдоль бетонной стенки дальше, пока не оказался на сравнительно твердой площадке. Поведя фонарем вокруг, мутант наконец смог оценить истинные масштабы сооружения. Это был наполовину погребенный под осыпью гигантский портал. Когда-то он почти полностью был заглублен в более пологий склон и с обеих сторон от осыпей его защищали специально выстроенные подпорные стенки. Теперь они развалились, и земля свободно осыпалась, обнажив верх портала и засыпав его основание. Посередине массивных бетонных краев такой же бетонной крышки, положенной сверху, зиял непроглядной темнотой провал широкого входа. Крул был уверен, что нашел то, что искал. Скорее всего, это и был вход в убежище.

Держа перед собой фонарь, Крул взобрался на земляную насыпь, которая по его оценкам, похоронила половину высоты портала, и с опаской стал спускаться в темный зев. Неяркий свет фонаря выхватывал лишь осыпавшуюся под его ногами землю. Комочки земли, скатываясь вниз, вскоре известили мутанта характерными шлепками, что внизу его ждет лужа скопившейся там воды. В надежде оказаться на сухом месте Крул наугад сделал в конце спуска широкий шаг вперед, но громкий всплеск подсказал мутанту, что миновать лужу, не замочив ног, ему не удалось. Впрочем, лужа оказалась не очень глубокой, но зато заполняла коридор целиком от стены до стены и скрывала бетонный пол, уходя вперед аж на несколько метров вглубь тоннеля. Крул поднял фонарь повыше, осматривая бетонный свод и стены, теряющиеся в темноте впереди. Стены поросли какой-то сиреневой плесенью, а выщербинки в бетоне у самой воды были заполнены зеленоватым мхом. Крул двинулся дальше, стараясь внимательней смотреть себе под ноги и осторожней ставить ступни. Под водой могла скрываться яма или что-то, обо что можно было споткнуться. Из лужи торчали крупные комки глины, а на поверхности воды плавали пучки сухой травы, возможно занесенные сюда ветром или животными. Чуть дальше, когда Крул наконец выбрался на сухое место, он заметил на бетонном полу помет каких-то животных, наверное, приспособивших этот тоннель для своего прибежища. Тоннель слегка изгибался, уводя мутанта все дальше и дальше вглубь подземелья. В какой-то момент он обернулся и увидел позади себя в неярком свете фонаря точно такой же кусок бетонного коридора, который только что видел перед собой. Так и нетрудно запутаться, в какую сторону ты шел, подумал про себя Крул.

Впереди показалась забранная крупноячеистой металлической сеткой загородка, не достигающая до самого потолка. В нее была встроена решетчатая дверь, оказавшаяся чуть приоткрытой. Металл был изъязвлен ржавчиной настолько, что когда Крул толкнул дверь, распахивая ее, вся загородка вместе с дверью опасно заколебалась, роняя на пол пушистые хлопья ржавчины. Дзенькнула, свалившись на пол, погнутая алюминиевая табличка, до этого прикрепленная с обратной стороны загородки. Крул наклонился и поднял табличку с пола. Краска сделанной по трафарету надписи кое-где осыпалась, но угадать смысл слов все еще

можно было: "Аварийный портал Б. Внимание! Впереди незащищенная зона!". Крул швырнул табличку за спину и задрал голову к потолку, повыше подняв лампу. Под потолком висел одинокий кабель, один конец которого уходил дальше вглубь тоннеля, а другой оканчивался на цоколе болтающейся под потолком разбитой лампы, спрятавшейся в образованном металлическими прутьями плафоне. Параллельно кабелю в потолочном блоке змеилась постепенно расширяющаяся трещина. Это слегка насторожило Крула. Пройдя еще с десятков метров, он наконец оказался у входа непосредственно в убежище.

Он ожидал увидеть задраенную наглухо массивную дверь основного переходного тамбура или, если повезет, что менее вероятно, ее же, но распаханную настежь, но все выглядело совсем иначе, поставив мутанта в тупик. Та самая трещина, которую он заметил раньше на потолке, у самого входа раздалась вширь, расколов бетонную плиту пополам. Половина плиты осела вниз, и внутрь коридора торчали вывороченные из второй половины толстые прутья арматуры. Массивное основание тамбура, служащее составной частью собственно защитного объема убежища, под воздействием какой-то невероятной силы было перекошено, и гигантский люк, закрывавший вход в убежище, был словно выдавлен из углубления, в котором должен был находиться. Запорные механизмы лопнули, и даже сейчас в свете фонаря нержавеющей сплав на месте разрыва блестел, как новый. Люк, зацепившись за нижние направляющие, нависал в наклонном положении над Крулом. Мутант с опаской подумал, что люк может держаться на честном слове, и чихни Крул — люк тут же грохнется на пол.

Крул шагнул к стене и заглянул в открывавшееся за вывернутым люком пространство тамбура. Свет фонаря выхватил вздыбленный пол, вздувшиеся панели стен и лопнувший потолок, из прорехи в котором на пол высыпалась целая куча гравия. Крул прикинул, что может попытаться протиснуться внутрь, но пока решил отложить эту затею и повернулся к стене, отыскав взглядом панель внешнего управления тамбуром. Устройство выглядело неповрежденным, но было явно обесточено. Это значило, по меньшей мере, то, что внутренний энергогенератор убежища был остановлен или вовсе вышел из строя. Что же здесь произошло? Ответ мог скрываться за приоткрытым люком. Мутант повернулся и, схватившись за край тамбурного проема, оперся одной ногой на накренившийся люк, затем толчком оторвался от пола, проверяя устойчивость нынешнего положения люка. Массивная стальная конструкция даже не шелохнулась. Крул осмелел и, изловчившись, умудрился протиснуться внутрь тамбура.

Он всякое повидал в убежищах на своем веку, но подобные разрушения видел впервые. Удлиненный коридорчик основного тамбура, где находились дезактивационные механизмы, был словно пережеван каким-то гигантским зверем — настолько он был перекошен и помят. Стыки бетонных блоков разошлись, и несущий каркас грозил сложиться под давлением внешнего грунта. Внутренняя дверь тамбура, так же как и внешний люк, из-за перекоса дверного проема была погнута посередине и торчала, как доньшко не до конца вскрытой консервной банки. Проникнуть за нее оказалось труднее, чем пролезть через внешний проход. Механизмы отпирания заело, а щель между полотном двери и краем дверного проема была слишком мала, чтобы в нее мог протиснуться массивный Крул. Мутант поставил фонарь на пол в безопасном отдалении от двери — сейчас свет был не столь важен. Затем он крепче ухватился за торчащий край двери, уперся одной ногой в косяк и что есть силы дернул дверь на себя. Казалось, сухожилия на руках и ноге мутанта сейчас порвутся от невероятных усилий, но дверь лишь едва шелохнулась. Крул сделал еще несколько попыток,

пытаясь упираться в косяк и браться за дверь разными способами, но все было тщетно. Дверь так и не поддавалась. Будь у него при себе взрывчатка, можно было бы подорвать дверь, но, поразмыслив, мутант решил, что применять ее здесь было бы опасно. Силовая коробка тамбура держалась на честном слове и любой, даже не очень сильный взрыв грозил разрушить ее окончательно.

Крул выругался и со злостью пнул неподатливую дверь ногой. От удара край двери вопреки здравому смыслу сдвинулся внутрь, что-то щелкнуло над головой мутанта и еще даже не осознавая, что происходит, Крул живо отскочил назад. На то место, где он только что стоял, грохнулась часть перекрытия, а через образовавшуюся в потолке прореху в коридор вывернулся громадный кусок сланца. Загромыхало сильнее, в коридор посыпались камни помельче, и сквозь грохот мутант слышал тяжелый металлический стук. Коридор заполнился пылью, которая лениво извивалась в воздухе серебристыми вихрями в свете чудом уцелевшего фонаря. Крул замер на минуту, ожидая, не получит ли дальнейшего продолжения спровоцированный им катаклизм, но похоже все вновь вернулось к шаткому равновесию. Мутант отряхнул от пыли куртку, поднял фонарь и осторожно взобрался на кучу щебня, выросшую напротив дверного проема.

Вот так сюрприз! Дверь, послужившая причиной вспышки гнева мутанта, теперь валялась на полу, выдавленная массой камней внутрь убежища. Путь был открыт. Крулу определенно везло.

Воздух внутри убежища был влажным и затхлым. Мутант уловил стойкий запах гари и, посветив вокруг, увидел на стенах и потолке следы когда-то бушевавшего здесь пожара. Оказывается, убежище не только лопнуло по швам по какой-то причине, но к тому же еще и выгорело изнутри дотла. Чем дальше Крул углублялся по коридорам внутрь убежища, тем более катастрофические последствия пожара открывались перед ним. Пластиковые панели, некогда прикрывавшие железобетонные стены убежища, от огня взбухли и, полопавшись огромными пузырями, свернулись гигантскими лохмотьями, свисающими до самого пола. Они оказались достаточно жесткими, чтобы Крул умудрился порвать о них штанину. От декоративного фальш-потолка не осталось и следа, и под несущими перекрытиями тянулись сплавившиеся с бетоном уже никуда не годные силовые кабели.

Первый коридор, который Крул выбрал для исследования, привел его в тупик. Завал из обрушившихся сквозь дыру в потолке камней наглухо преграждал дорогу. Единственная дверь, оставшаяся не засыпанной в этом коридоре, вела в контрольный пост. Консоли компьютерных терминалов внутри выгорели до такой степени, что сплавились в невообразимые оплывшие монолиты из пластика, стекла и меди. Сама дверь, похоже, вырванная из косяка взрывом, покореженная валялась в коридоре. Застоявшийся запах гари здесь был просто невыносим. В центре контрольной комнаты на полу темнело огромное пятно. В слабом свете фонаря Крул принял его по ошибке за остатки какого-то сгоревшего оборудования, но когда он, подходя ближе, случайно пнул ногой валявшуюся железку, та скользнула к пятну и исчезла, а вскоре мутант слышал звук ее падения где-то глубоко внизу.

На самом деле в полу зияла огромная дыра. Крул осторожно подошел к ее краю и заглянул вниз. В свете фонаря невозможно было что-либо рассмотреть. Мутант достал осветительную трубку, затем, улегшись на живот возле края дыры, резко тряхнул рукой, активируя флюоресцентный состав, и бросил вспыхнувшую зеленым огнем пластиковую колбу вниз. Одной осветительной трубки оказалось недостаточно. Будто ее искусственный свет тут же впитывала изголодавшаяся по свету черная тьма, царившая на дне пролома. Крул

вытащил еще одну трубку и кинул ее вслед первой. Теперь можно было кое-что разглядеть. К разочарованию мутанта смотреть, в общем-то, было не на что. Он даже пожалел, что потратил две осветительные трубки, чтобы увидеть развороченную взрывом и выжженную огнем каверну. Разрушения, царившие внизу, были еще масштабнее, чем там, где сейчас находился Крул. В заваленном осколками камней едва угадывающемся ответвлении можно было с трудом узнать часть коридора нижнего уровня.

Возможно, если ему не удастся найти более удобного пути вниз, Крул может и воспользуется этой дырой, но не сейчас. Он встал на ноги, подхватил с пола фонарь и вернулся к тому месту, где вошел в убежище через тамбур. Что-то подсказывало мутанту, что чем глубже он будет забираться внутрь, тем ужасней будет картина разрушений. Вряд ли в этом убежище что-то сохранилось нетронутым. Но сейчас Крула мучил один вопрос: когда на самом деле в убежище произошла катастрофа, послужившая причиной столь масштабных разрушений? Складывалось впечатление, что все это мертво уже очень давно, и единственная мысль, на которую наводило все увиденное, — это близкий взрыв ядерной бомбы, приведший к катастрофе. Но тогда как в таком убежище, фактически полностью выведенном из строя, удалось выжить предкам Вильямса? Тут одно из двух — либо старик и все остальные врут, говоря, что они выходцы из этого убежища, либо разрушения, постигшие убежище, произошли уже после того, как люди покинули его. С одной стороны, зачем старику, да и остальным врать? В этом не было никакого смысла. Но с другой стороны подобные разрушения могло спровоцировать только что-то очень серьезное, и произошедший поблизости ядерный взрыв, следы которого Крул встретил далеко на подступах к мертвому городу, подходил на эту роль как нельзя лучше. Существовала еще вероятность, что предки Вильямса укрывались в другом убежище, и Крул просто ищет не там. В пользу этой версии говорило хотя бы и то, что куда-то ведь жители поселка собирались уходить, приготовив вещи. А в разрушенное убежище они уж точно не пошли бы. В нынешнем состоянии оно было просто непригодно для длительного обитания. Да, сплошные загадки...

Побродив еще какое-то время по выжженным коридорам, Крул убедился, что большинство помещений на нулевом горизонте либо выгорели дотла, либо не содержат внутри ничего интересного. Содержимое редких уцелевших стальных ящиков превратилось в пепел. Коробки с медикаментами, приборы, все то, что находил мутант, превратилось в бесполезную спекшуюся массу. Если здесь и хранилось когда-то оружие, то пожар уничтожил его или, как минимум, привел в негодность. Возможно, на нижних уровнях в особо защищенных комнатах, что-то и сохранилось, но, судя по разрушениям, замеченным мутантом внизу, до этих помещений будет нелегко добраться, если вообще возможно. Для себя Крул решил, что сейчас он этим точно не будет заниматься. Он же не землеройная машина, в конце-то концов.

Часто он натыкался на тупики, образованные рухнувшими стенами. Лифт, ведущий на нижние горизонты, ему так и не удалось отыскать. Похоже, он был погребен за завалами в одном из тупиковых коридоров. Крул уже отчаялся найти легкий путь вниз и раздумывал, не вернуться ли ему к дыре и не воспользоваться ли ей для спуска, когда наткнулся в одном из редких тупиков, являвшихся не результатом катастрофы, а задуманной строителями конструктивной особенностью убежища, на сервисный колодец, ведущий вниз и оказавшийся не заваленным камнями. Мутант прикинул, что с трудом, но сможет протиснуться в узкое отверстие. Фонарь он затушил и повесил себе на пояс, затем бросил в колодец

осветительную трубку. Та упала не на развороченные взрывом вздыбленные полы, а на ровные металлопластиковые панели. Хотя какой-то обнадеживающий признак.

Крул спустил ноги в круглую горловину и нащупал ступнями металлические скобы лесенки, вмонтированные в стену. Попробовав их на прочность, мутант решил, что его вес они выдержат. Он ухватился за точно такие же скобы, вделанные в стену выше среза колодца, и стал медленно спускаться вниз, следя, чтобы своим массивным телом случайно не сплющить о край горловины фонарь. Скобы хоть и держались крепко, но мутант испытал несколько неприятных мгновений, когда они стали заметно прогибаться под его весом и, казалось, готовы были выскочить из бетона. Впрочем, спуск оказался недолгим и, встав на твердую поверхность пола, Крул вновь зажег фонарь и осмотрел помещение, в котором оказался.

Это было тесный технический закуток. К удивлению мутанта разрушающее воздействие пламени не коснулось стоящего у стены пульта. На панели была заметна копоть, но каких-то серьезных повреждений он не заметил. Пульт, скорее всего, контролировал какие-то системы кондиционирования, а может энергоснабжения от резервного генератора, но теперь был бесполезен, так как эта комната, наверное, была единственной, уцелевшей во всем убежище. Стоявший у дальней стены рядом с пультом металлический шкафчик к разочарованию Крула оказался пуст. В тишине его дверца так жалобно скрипнула, вогнав в дрожь мутанта, что он поостерегся закрывать ее обратно, так и оставив распахнутой настежь.

Подъемная дверь, встроенная в боковую стенку закутка, была наполовину поднята. Крул, осмотрев ее, пришел к выводу, что она, в отличие от других подобных дверей, не перекошена взрывом и не оплавлена. Конечно же, пульт активации сервоприводов двери не работал. Магнитный запор наверняка вышел из строя, так что непонятно было, что удерживает дверь в подобном положении. Наверное, энергия вырубилась как раз в тот момент, когда дверь открывалась или наоборот закрывалась, и сервомеханизмы застопорили ее в таком положении. Мутант согнулся в три погибели и протиснулся под дверью, выставив вперед руку с зажатым в ней фонарем. Перед ним уходили в темноту покрытые пластиковыми панелями стены широкого коридора. Так и должно быть. Сервисная комната располагалась в тупике основного коридора. Раз здесь стены не были повреждены огнем, был шанс отыскать и другие помещения, не тронутые пожаром, а в них, естественно, что-то достойное внимания.

Крул двинулся вперед, освещая себе путь фонарем. Под ногами валялся всевозможный мусор, который уцелел, наверное, только здесь: какие-то пожелтевшие бумаги, пластиковая шариковая ручка, зубная щетка, раздавленные склянки, кусок комбинезона и тому подобная мелочевка. Будто люди впопыхах миновали этот коридор, роняя на пол наскоро прихваченные вещи. Встретился даже одинокий явно детский башмачок. По сторонам коридора уже должны были появиться двери, и Крул поднял фонарь выше, боясь пропустить дверные проемы.

Как только свет поднялся выше, впереди послышался угрожающий рык. Какая-то зверюга притаилась в темном конце коридора, до этого момента насторожено следившая за приближающимся мутантом и ничем не выдававшая своего присутствия. Крул замер, прикидывая, кто бы это мог быть? Рычание то умолкало, то возобновлялось вновь. Мутант напрягся, как сжатая пружина, готовый моментально отреагировать на нападение притаившегося зверя, но никакого нападения не последовало. Похоже, зверь лишь

предупреждал непрошеного гостя, чтобы тот не приближался, но атаковать не собирался. Крул чуть отвел фонарь в сторону и спустя минуту, пообвыкнув к мраку, различил на уровне полуметра от пола блеск пары глаз. Очертания головы и тела существа подсказали мутанту, что перед ним самая обыкновенная собака. Интересно, как она сюда попала? Крул был уверен, что другого пути, кроме того технического колодца, которым воспользовался он сам, не было. В само убежище пес, наверное, проник, как и сам Крул, через центральный тамбур. Внутренняя дверь хоть и была тогда прикрыта, щель была достаточной, чтобы в нее смогла пролезть собака. Скорее всего, пес забрел сюда, чтобы поживиться крысой, погнался за ней по коридорам и свалился вниз через колодец, и теперь находится здесь в заточении, не имея возможности выбраться наверх. Даже если пес не был диким, то в лице мутанта он видел незнакомое существо и вот теперь храбрился перед огромным противником, не решаясь напасть.

Мутант сделать еще один осторожный шаг вперед и повыше поднял фонарь, выставив его на руке далеко вперед. Его догадка подтвердилась. Это действительно был самый обычный пес. Крулу стало жалко беднягу, даже не смотря на то, что тот устроил ему не слишком теплый прием. Собака явно оголодала за время своего заточения. Бока пса, покрытые свалившейся сырой шерстью, тяжело поднимались, сквозь синеватую кожу проступали ребра. Пес оказался к тому же еще и старым, что к чести собаки не умаляло ее бойцовского настроения. Пес явно намеревался если и не закусить мутантом, то уж точно оттяпать от него порядочный шмат мяса. Он не сдвинулся от мутанта ни на сантиметр вглубь коридора, хотя явно пасовал перед гигантом, и причина этому объяснялась очень просто. Позади пса был тупик. Завал из камней. Наверное, там, за этой горой камней как раз и была та самая пещера из развороченных стен и полостей, которую Крул видел через дыру сверху.

Кроме этого несчастного пса мутанту так и не удалось ничего отыскать. Пора было выбираться отсюда и возвращаться назад, в поселок и рассказать все Делайле.

Пес теперь не рычал, а лишь изредка скалился, показывая желтые клыки. Может, все же признал в мутанте подобие человека, но подпускать ближе все же не решался. Крул вздохнул. Не оставлять же беднягу здесь подыхать! Но и отведать его зубов тоже как-то не хотелось. Крул присел на достаточном расстоянии от пса на корточки так, чтобы можно было вовремя отскочить, если тот вдруг решит кинуться на мутанта, и, удерживая в одной руке фонарь, стал не торопясь осматривать пса. Тут главное терпение и еще голос — ровный и негромкий:

— Что, дружок, одиноко тебе здесь? — обратился к псу мутант. — Жрать, наверное, хочешь? А у меня при себе ничегошеньки нет.

Пес перестал скалиться, с подозрением поглядывая на мутанта. Уже кое-что. Окрыленный достигнутым успехом, Крул стал медленно вытягивать свободную руку к псу. Как только до собачьей морды осталось несколько десятков сантиметров, пес глухо зарычал. Крул также медленно отвел руку назад, переборов естественное желание резко отдернуть ее.

— Слушай, старичок! Если ты меня покусает сейчас, то я развернусь и уйду! — мутант решился наконец посмотреть в глаза псу, вложив в слова максимум уверенности. — Так что выбирай. Или ты остаешься или подружишься со мной.

Пес, кажется, внял словам, а может, просто рассмотрел в глазах Крула обычного человека, скрывавшегося где-то на дне глаз. Не зря же говорят, что глаза — это зеркало души, а собаки к таким вещам чувствительней, чем человек. Так или иначе, но пес сомкнул

пасть и потянулся носом к пальцам мутанта, впервые решив обнюхать незнакомца. Крул сделал встречное движение, коснулся морды пса, протянул рук дальше и осторожно почесал собаку за обвислым ухом. Хвост псины слабо шевельнулся, показывая если и не реакцию щенячьей радости, то какую-то толику возникшего доверия. Теперь с собакой было проще наладить отношение. Мутант встал с корточек и хлопнул ладонью по своему бедру, всем своим видом показывая, что собирается уходить:

— Пойдем за мной, дружок! Давай, быстрее.

Крул шагнул обратно к двери, ведущей из коридора в сервисную комнату, краем глаза наблюдая за собакой. Пес нерешительно двинулся вслед за мутантом, потом на середине дороги остановился, оглянулся куда-то назад в погрузившийся в темноту тупик, потом вновь повернул к мутанту морду, гавкнул призывно, после чего развернулся и канул в темноте. Из мрака послышалось тоскливое подвывание, перешедшее в хрип, и пес замолк, не выдавая себя ничем, как это и было, когда Крул только проник в коридор.

Что за чертовщина, подумал разочарованно мутант! Ему что там, медом намазано! Крулу стало по настоящему любопытно, что там такое понадобилось псу. Мутанту вдруг подумалось, что пес совсем не случайно оказался здесь.

Крул вернулся в тупик и теперь, не опасаясь собаки, стал внимательнее осматривать завал из камней. Пес в свою очередь следил за мутантом скорбными глазами, не имея возможности сказать, что же он тут такое забыл. Он посторонился, когда Крул опустил фонарь к самому полу и вновь гавкнул, привлекая внимание мутанта к чему-то очевидному ему одному. Крул присмотрелся повнимательней. Среди камешков помельче что-то белело. Мутант протянул руку и смахнул горсть каменной крошки. Из-под завала торчала человеческая кисть. Вернее все, что от нее осталось — побелевшие кости и край рукава комбинезона. Теперь зная, что искать, Крул сдвинул в сторону один из лежащих рядом камней. За ним потянулись светлые пряди истончившихся сухих волос, и на Крула глянул пустыми глазницами человеческий череп. Можно было предположить по длине оставшихся волос, что когда-то это была женщина. Видимо, обвал застал ее врасплох, и ее целиком завалило камнями.

Еще раз обежав глазами кости, мутант обратил внимание, что под кистью руки что-то есть. Он попытался аккуратно отвести фаланги пальцев, и они тут же рассыпались на части. Пес в ответ на это жалостливо заскулил. Под кистью обнаружился скомканный кусок плотного пластика. Вернее, это оказался плоский чехольчик из гибкого прозрачного целлулоида, внутри которого находилась герметично закрытая фотография. Крул расправил чехольчик вместе с фотографией и поднес его ближе к глазам.

На фотографии были изображены сидящие рядышком молодые мужчина и женщина. Мужчина был рыжеволосым, конопатым и широко улыбался, женщина была белокурой и безумно красивой. На руках у женщины был ребенок примерно года или двух. Так сразу нельзя было понять, девочка это или мальчик, но Крул склонялся к тому, что это была все же девочка. В ногах у мужчины, положив ему на колени голову, сидел вислоухий пес. Крул перевернул чехольчик, чтобы взглянуть на оборот фотографии. На обратной стороне значилась датировка снимка. За пол года до начала войны — прикинул в уме мутант.

Он повернулся к псу:

— Значит, вот кого ты здесь сторожишь, дружище? — сочувственно спросил он у собаки. Пес наклонил голову набок и гавкнул, будто отвечая "Да". Мутант кивнул: — Понимаю. Но что толку здесь сидеть. Ее уже не вернешь. — Крул почему то про себя сразу

же решил, что останки, обнаруженные им под завалом, принадлежат изображенной на снимке женщине, хотя длинные светлые волосы погибшей могли просто со временем потерять свой прижизненный цвет и под камнями вовсе была не та женщина. Но если под завалом именно она, то догадка Крула о причине разрушений в убежище в результате близкого ядерного взрыва получает лишнее подтверждение судя по датировке снимка. Погибшая не казалось посторонним человеком, забредшим сюда уже много позднее. На ней был комбинезон персонала убежища. Но тогда пес никак не мог застать эту женщину живой! Он хоть и был стар, но не мог же он прожить столько лет, чтобы когда-то знать эту женщину, погибшую здесь в тот момент, когда в убежище произошла авария. Собаки так долго не живут. Даже собаки-мутанты! А в то, что пес ни с того ни с сего вспылал преданностью к давно истлевшему труп, Крулу верилось слабо.

Мутант опять вернулся к размышлению, когда же произошел катаклизм. Все запуталось окончательно. Он машинально сунул чехол с фотографией в карман куртки и на это раз решительно с жесткими нотками в голосе заявил собаке:

— Я ухожу! И возвращаться за тобой не буду. Хочешь остаться здесь — оставайся!

Крул повернулся и решительно направился по коридору. У самой двери он задержался и, не оборачиваясь, прислушался. Негромкий топот собачьих лап подтвердил, что пес следует за ним в некотором отдалении. Крул усмехнулся и протиснулся в сервисную комнату. Встав подле скоб лестницы, он стал дожидаться, когда в комнату пролезет вслед за ним пес. Собака появилась через пару секунд, подошла к мутанту и, усевшись подле его ног, доверчиво уставилась ему в лицо, закинув морду кверху. Крул прикинул, как бы ему сподручнее выбраться вместе с псом наружу. Скобы, как он заметил при спуске, были хлипковаты, но другого выхода отсюда не было. Мутант опустился перед собакой на одно колено и обеими руками обхватил морду пса, почесывая его за ушами.

— Теперь не дергайся и не кусайся, — строго наказал он собаке, надеясь, что та его понимает.

Осторожно примерившись, Крул взял одной рукой пса под брюхо и тот стал свисать с согнутого локтя, как старое, протертое до дыр, замызганное махровое полотенце. Во взгляде собаки читалась покорность. Крул затушил фонарь и пристегнул его к поясу, предварительно подготовив осветительную трубку, которую зажал в зубах. Ухватившись свободной рукой за скобу, он подтянулся, поставил ногу на нижнюю скобу. Продолжая удерживать пса, он рывком перехватил рукой следующую скобу, опять поднялся и так, рискуя свалиться вниз, добрался до горловины люка. Пес все это время вел себя смирно. Наконец Крул с облегчением оперся затылком о край лаза и позволил себе расслабиться. Подтянув пса вверх, он, продолжая упираться затылком, поднял собаку на вытянутых руках в люк и слегка подтолкнул ее в сторону. Пес, оказавшись наверху, стал нетерпеливо бегать кругами вокруг люка, то и дело опуская вниз свою морду.

— Эй, не мешайся! — прикрикнул на него Крул. — Сейчас я вылезу.

Выбраться наверх для мутанта оказалось делом пары секунд. Отряхнувшись, он вновь зажег фонарь и уже знакомой дорогой пошел к выходу из убежища. Пес покорно следовал за ним, иногда забегая вперед, иногда скрываясь в темных ответвлениях, что-то вынюхивая там, а может, по собачьей привычке метя территорию. Когда они вышли через тамбур в тоннель портала, пес остановился и обернулся на проход в убежище. Тело собаки подрагивало, и было видно, что она готова вновь сорваться обратно.

— Послушай, как там тебя! Если снова сиганешь в люк, я тебя больше доставать не буду.

Пойдем!

Пес опустил голову и покорно поплелся за мутантом. На поверхность они выбрались без приключений и вскоре уже шагали на пару по вновь появившейся из выжженного пятна тропинке по направлению к поселку. Пес крутился поблизости, то исчезая во мраке, то вновь появляясь подле мутанта. Сначала Крул боялся, что пес отстанет или потеряется, или того хуже, все же решит вернуться в убежище — все-таки за то короткое время, что пес был с ним, мутант привык к этой незадачливой псине и чувствовал себя в ее компании значительно уютней, — но его опасения оказались напрасны. Пес не потерялся и не отстал, и Крул стал подозревать, что тот знает дорогу к поселку так же хорошо, как и сам мутант, если не лучше. Так вместе они и вошли в погруженный в темноту спящий поселок.

Делайла никак не могла заснуть и ворочалась с одного бока на другой. Мыслями она постоянно возвращалась к сказанным сегодня днем словам Вильямса. Где-то на периферии ее сознания затронутые этими словами воспоминания стучались с задворок памяти, настойчиво пытаясь привлечь к себе внимание. Делайла сопротивлялась, как могла, но, в конце концов, сдалась, погрузившись в омут давних переживаний. Может, до этого у нее не было времени поразмышлять над этим или условия не позволяли сделать это. Сейчас же за долгое время сносный кров и чистая постель заставили ее наконец пристальней заглянуть внутрь себя.

Едва Делайла позволила коснуться этим мыслям своего сознания, как уже не могла от них отделаться. Прошрое, отряхивая тлен, вставало перед ее глазами, будто все это случилось только вчера, и теперь, не до конца понятое тогда, с удвоенной силой накатило на нее, режа сознание обостренными чувствами, впечатлениями и пережитым горем.

Делайла и Крул были выходцами из одного убежища. В те времена, когда они были нормальными людьми, они не знали друг друга так, как сейчас. И имена их были совсем другими. Ее звали Джина. Его — Ник. Они виделись мельком в коридорах убежища, но и только. Вряд ли тогда Джина обращала внимание на долговязого парнишку, каким был Ник. И не мудрено — ведь она была одной из немногих красивых девушек в убежище, и от парней, обладавших привлекательной внешностью, не было отбоя. Когда ты молод и полон сил — немного иначе смотришь на вещи. Даже в самых стесненных условиях и при строгих порядках ты ищешь возможности радоваться жизни, преодолевая на своем пути все возникающие трудности. А жизнь в убежище была суровой. Режим строжайшей экономии, распространявшийся буквально на все, заставлял утилизировать все вплоть до мелочей, начиная от естественных отходов жизнедеятельности и заканчивая изношенной одеждой. Все шло в замкнутый цикл переработки и регенерации. Сегодняшний питательный бульон, которым кормили в столовой, вчера мог быть чем угодно. Химический конвертер и чаны с бактериями превращали всевозможные отходы в питательную среду для растений, выращиваемых в гидропонной оранжерее, пищевые добавки, соль, витамины и все то, что необходимо человеку для жизни. Количество проживающих в убежище людей имело ту критическую численность, когда неизбежно возникает проблема перенаселенности. Старики еще продолжают жить, а молодые уже рожают детей, требующих пищи, одежды и воздуха. Да-да, самого обычного воздуха. Пока регенеративные системы не заработали на полную мощность, убежище питалось из резервуаров сжиженного кислорода, захороненных на самом дне убежища в специально оборудованных криогенных хранилищах. Но с того момента, как его запасы иссякли, и убежище перешло на замкнутый цикл, контроль за

возобновлением кислорода, как, впрочем, за всем остальным, превратился в своего рода религию, а техники вдруг выделились в привилегированную касту, возглавляемую старейшиной убежища. В замкнутом мире, где все ограничено, где все подконтрольно, рассчитано и учтено, в мире, где жесткий порядок — это насущная необходимость, тоталитарный контроль иногда приобретает самые крайние проявления. И контроль над рождаемостью не был исключением. Чтобы родился ребенок, этого надо было заслужить. Надо было пройти пристрастный генетический отбор, доказать, что твой будущий отпрыск будет идеальным образчиком соединения безукоризненных генов своих родителей, чтобы каста техников разрешила выделить на него кислород, пищу и пространство для жизни. Если родители, пожелавшие иметь ребенка, не обладали подобными выдающимися качествами, им приходилось дожидаться, когда община потеряет одного из своих престарелых членов, выстаивая унизительную очередь. Старикам же наблюдать, с каким нетерпением молодые ожидают их смерти, было просто невыносимо. Но Джине тогда повезло. Она была идеальна со всех точек зрения. Она любила и была любима и в любви все преграды казались ей незначительными. О ребенке она не помышляла, но как это обычно бывает с беззаботной юностью, природа отнеслась к невинной шалости со всей серьезностью. Когда стало известно, что она беременна, ее родителям намекнули, что им следует избавиться от ребенка, пока это не стало слишком заметно. Мог разразиться скандал и последовать жестокие санкции вплоть до казни провинившейся в конвертере. За неразрешенную беременность карали строго. Беременная женщина — это лишняя толика израсходованного кислорода, лишняя порция пищи. Но родители Джина, бывшие не последними людьми в убежище, рискнули пойти до конца. С помощью связей в касте техников, подкупа и лести разрешение на рождение ребенка было получено. Джина и ее парень, готовившийся стать молодым отцом, прошли целую серию унизительных тестов, призванных оценить качество плода, и наконец был вынесен вердикт: беременность не прерывать и позволить состояться родам.

Поначалу Джина не совсем осознавала, что значит вынашивать ребенка. Но постепенно, когда новая жизнь стала расти в ее чреве, она стала понимать те тоскливые взгляды, которые бросали на ее округлившийся живот бездетные женщины. Это было настоящее счастье, перед ним отступает в тень все. Ближе твоего ребенка нет никого. Отдаляется все: родители, любимый человек, все, что интересовало тебя раньше, и ты живешь только этим малышом, прислушиваешься к его движениям, дышишь с ним в унисон и мечтаешь о том миге, когда он наконец появится на свет, и ты услышишь его голос, сможешь поцеловать его, обнять и прижать к томящейся от молока груди. На протяжении всего срока беременности Джина регулярно проходила тщательные обследования, при помощи которых врачи пытались на ранних стадиях выявить неправильное развитие плода. Ее постоянно тестировали, брали у нее анализы, но все это не могло омрачить того сладкого чувства ожидания рождения новой жизни.

И вот момент, ожидаемый долгие месяцы, наконец настал. Роды для женщины, а в особенности первые — это огромное физическое и моральное испытание. Джина думала, что готова к нему, но она не ожидала, насколько ужасной будет физическая боль, сколько душевной энергии придется растратить до того момента, как она с облегчением сможет услышать первый крик своего ребенка. Отец ребенка пожелал присутствовать при родах, и Джина была благодарна ему за такую поддержку. Когда после изнуряющих часов родившийся наконец ребенок закричал, у нее уже не было сил оторвать голову от подушки и

взглянуть на него. Сил хватило лишь на то, чтобы глухо прошептать вопрос: "Как он? Здоров?" В ответ тишина. Она заметила застывшее лицо отца ребенка, и, не понимая, что происходит, с трудом подняла голову и посмотрела на врача-акушера. Тот стоял в пол оборота, скрывая от нее новорожденного. "С ним все в порядке, доктор?" — настойчивей спросила Джина и вновь, не дождавшись ответа, перевела глаза с акушера на стоявшую рядом сестру. Женщина старательно прятала глаза, не решаясь встретиться с ней взглядом. Врач повернул голову, и как бы оправдываясь перед молодой матерью, сказал: "Мы ошиблись. Это случается иногда...". Джина не дослушала его и что есть мочи закричала: "Что с ним!?". Ее муж осуждающе смотрел на нее. Но Джине было наплевать на него. Она сверлила глазами съездившегося под ее взглядом доктора.

В этот момент в акушерскую вошли двое из технической службы. Они следили за родами через тонированное стекло — это Джина знала с самого начала. Как раз на такой вот случай, чтобы засвидетельствовать здоровье ребенка и закрепить за ним право на жизнь. На этот раз все оказалось совсем наоборот. Если Джине врач боялся ответить, то этим двоим он должен был подчиниться беспрекословно. "С ребенком какие-то проблемы, доктор? Ваш диагноз!?" — потребовал один из техников. Джина умоляюще смотрела на доктора. Ведь от его слов сейчас зависело, будет ли ее ребенок жить или... Об ином Джина даже не хотела думать. Глаза доктора бегали, как у загнанной в угол крысы. Вместо него вдруг ответила сестра. Будь проклята эта женская зависть... Эта стерва завидовала тому, что Джине вне очереди разрешили родить ребенка, в то время как ей самой приходилось ловить свой шанс в унизительной лотерее, и вот теперь она жестоко отомстила. "Синдром Дауна вследствие редко встречающегося хромосомного нарушения, сэр" — отчеканила сестра с каменным лицом.

Тень отвращения мелькнула на лицах ее мужа и двух техников. Доктор осуждающе посмотрел на сестру, и Джина поняла, что тот готов был скрыть факт ущербности ее ребенка, дать ему шанс выжить, вверив его судьбу в руки матери, но фортуна распорядилась иначе. Жестокость замкнутого мира убежища со всей отчетливостью и бесцеремонностью вдруг смыла радужные представления юности о счастливой жизни. Джина еще не осознавала, что с ней будет дальше, но прежней она уже никогда не станет. Она повзрослела. Ее муж смотрел на нее, как на монстра, породившего чудовище. Ну как же! Это ведь только женщина ответственна за то, что ребенок родился ненормальным. Какая мелкая душонка!

Сцепив зубы, чтобы не видеть их всех, она закрыла глаза, роняя на подушку слезы, и ожидая неумолимого приговора. "Это так, доктор?" — резко спросил один из техников. "Да. Такая форма обычно не диагностируется в течение срока беременности." — подтвердил акушер. "Подготовьте плод к переработке, доктор. А мы заполним все необходимые документы на утилизацию." — бесцветным голосом отозвался второй из техников. Джина только сейчас осознала, что означают эти произнесенные так буднично слова. Узаконенное убийство! Неполноценный ребенок был обузой для общества убежища. Он не мог с полной отдачей работать, а значит не мог оправдать своим трудом пищу и кислород, затрачиваемые на него. В иное, более благополучное время и в ином месте его бы пожалели, а мать получила бы моральную поддержку, и никому бы и в голову не пришло покушаться на его право жить. Но не в замкнутом мире убежища. Милосердие, жестокость, мораль — эти понятия не имели никакого значения для касты техников, которые сами с недавних пор превратились в бездушные машины, перед которыми преклонялись и которые обслуживали.

Джина невыдержала, широко раскрыла глаза, и, вскинувшись с постели, закричала:

"Нет!!!" Ребенок тоже закричал, терзая душу матери. Скатившись с постели, она с трудом встала на колени, держась за край кровати, на трясущихся ногах поднялась в полный рост и бросилась к доктору, все еще держащему на руках ребенка. Ее муж отпрыгнул от нее, как от прокаженной. Дорогу заступил один из техников и без замаха ударил ее в лицо. Лампа под потолком вспыхнула ослепительной вспышкой, замешанной на дикой боли, палата завертелась вокруг нее, и лампа над ней стал тухнуть, вытягивая последний свет из ее глаз. Сознание скользнуло следом, возносясь под самый потолок, и Джина оттуда, сверху, захотела наконец увидеть своего ребенка, пытаюсь заглянуть через плечо доктора, но темный занавес обморока упал перед ней, так и не дав ей этого сделать, и вместе с невыносимым разочарованием забытие принесло долгожданный покой.

Она очнулась, услышав крик своего ребенка. В ней всколыхнулось радостное чувство надежды на чудо. Каким бы он ни был, она все равно будет его любить. Она будет работать за двоих, она сделает так, что никто не сможет упрекнуть его в бессмысленности существования. Неужели над ним все же сжалились и оставили жить! Джина открыла глаза, ища взглядом ребенка, но она была одна в палате. Боль от осознания одиночества заставила спазмом сжаться сердце. Только сейчас она осознала, что крик звучал лишь у нее в голове, навечно поселившись в ее памяти. Джина обхватила голову ладонями, закрыла уши и зажмурила глаза, пытаюсь заглушить его, но все было бесполезно. Она поняла, что этот крик будет преследовать ее вечно. Она сидела на кровати и плакала, но слезы не приносили облегчения. Через них уходила надежда. Надежда на людей, вера в них, вера в себя. Оставалось только холодное ожесточение и ненависть ко всем окружающим. Джина поняла, что не сможет больше выйти в коридоры убежища. Она не сможет посмотреть в глаза прохожим. И не потому, что ее будут считать ущербной, а потому, что в коридорах ее будет преследовать детский крик, постоянно напоминая о ребенке, а на лицах людей она будет видеть лишь холодное безразличие.

Муж не пришел к ней приободрить ее. Даже родители заметно стеснялись навещать ее. Джина остро это чувствовала и ощущала, как растет пропасть между ней и ими. Она решила сбежать из убежища. Эта мысль овладела ей сразу и без остатка. Возможно, это был бы опрометчивый поступок. Говорили, что снаружи все еще опасно, и радиация смертельна для человека. Другие наоборот шепотом утверждали, что по слухам снаружи не так уж и плохо, и техники давно об этом знают, да только не хотят говорить, так как не готовы потерять власть над теми, кто живет в убежище. Ведь оказавшись снаружи, людям больше не нужно будет следить за расходом кислорода и воды, а растения, дающие пищу, можно будет выращивать не в замкнутой оранжерее с искусственным кремнеземом, а на настоящей почве, которой сколько угодно вокруг. И тогда каста техников с их законами, сводом правил и многочисленными запретами никому не будет нужна. Они опять превратятся в обычных технарей, уделом которых будет чинить сломавшиеся механизмы. И Джина решила рискнуть, поставить на кон свою жизнь и сбросить с плеч давящую тесноту стен убежища, попробовать начать жизнь с чистого листа. Ведь альтернативой было сойти с ума здесь, в подземелье, где каждый будет считать тебя неполноценной и, в конце концов, останется только покончить с собой.

Если раньше Джина была беззаботна и рассеяна, то теперь она была собрана и расчетлива. Она не перечила докторам. Она была покорной даже тогда, когда внутри у нее клокотала ненависть, и она готова была задушить всех этих докторов, техников и медсестер голыми руками. Она убедила их, что здорова. Ее отпустили из госпиталя раньше срока.

Этому были даже рады, — ведь никому не хотелось кормить бездельников, валяющихся на больничной койке. Болеть — это тоже означало совершать преступление.

Она не пыталась вновь сблизиться с родителями, когда те отгородились от нее, поселив в отдельной тесной комнатке. Теперь они были для нее чужаками, как и все остальные в убежище. Она покорно согласилась работать в швейном цехе, хотя до этого всегда мечтала получить работу в вычислительном центре. Она игнорировала косые взгляды, ухмылки, отвращение и брезгливость по отношению к себе соседок по цеху, их перешептывания и жестокое хихиканье у себя за спиной, хотя это давалось ей с большим трудом. Она планомерно и хладнокровно воплощала свой план, снося все, что выдалось на ее счет. Она была все еще неотразима, и не слишком щепетильные мужчины, которым раньше и не стоило надеяться иметь отношения с такой девчонкой, как она, теперь снисходили до того, чтобы оказать ей ответную услугу за пять минут удовольствия, вырванных у нее впопыхах в ближайшем темном углу. Так она раздобыла медикаменты, запасы консервов, кое-какие инструменты, фонарь и самое главное — приобрела нужные знакомства и общие секреты, за сохранность которых кое-кто вынужден был делать то, что попросит Джина, даже если это было нарушением законов убежища.

Долговязый черноволосый паренек по имени Ник тоже оказался среди тех, кто должен был помочь ей выбраться наружу. Он был молодым техником, мышление которого еще не заострено от промывания мозгов руководителями его касты. Техники контролировали все жизненно важные элементы убежища: генераторы, компьютеры, конвертеры, оранжереи, но самое главное — это выходы из убежища наружу. Посторонних туда не подпускали, а старые техники не обращали внимания на красоту Джин, и Ник был единственным, кто еще мог поддаться на ее чары. Ходили слухи, что кто-то когда-то пытался бежать из убежища, но никто не слышал, чтобы кому-нибудь из тех беглецов на самом деле удалось выбраться наружу. Наивный Ник, которому начальство доверило контроль на одном из выходов, был ее единственным шансом.

Джина не испытывала угрызений совести, когда охмуряла этого неискушенного парня. Он наивно полагал, что она, умело разыгрывавшая перед ним романтический спектакль, воспыкала к нему серьезным чувством, принимая за чистую монету знаки внимания с ее стороны, а она хладнокровно сводила парнишку с ума. Время покинуть убежище близилось, и Джина торопилась. Впервые Нику доверили заступить вместе с более опытным напарником в ночную смену, и это был такой долгожданный шанс для Джин, наконец осуществить свой план побега. Она торопилась и чуть не совершила ошибку. Слишком быстро, слишком напористо развивались ее отношения с Ником, и когда Джина, основываясь на своем горьком опыте, что мужчины ради секса готовы на все, неосторожно озвучила парню условия сделки, тот оттолкнул ее. Неужели он и вправду думал, что она всерьез влюблена в него, с удивлением думала тогда Джина. Ему что, недостаточно, что она готова переспать с ним? Но Ник тоскливо смотрел на девушку, и впервые в ее душе шевельнулось чувство презрения к самой себе. Стыд пожирал ее, и она не смогла открыто смотреть ему в глаза. Она понимала, что все испортила. Ее твердости не хватило до конца. Она не смогла поломать чужую душу ради своих целей и одновременно ругала себя и сожалела о содеянном.

Ник нашел ее сам накануне своего дежурства. Он предложил Джине помощь. Просто так, не объясняя причин и без всяких условий. Он помог ей собрать вещи, рассказал, что надо делать и когда подойти к тамбуру. Джина находилась в замешательстве, полагая, что

Ник презирает ее. Может, он решил отомстить ей, и как только она появится возле тамбура, техники схватят ее с поличным? Но почему-то она не верила, что Ник способен на такую подлость. В назначенное время, переборов подозрения и страх, с рюкзаком за плечами, набитым всем необходимым для существования вне убежища, она тайно пробралась к запасному тамбуру и стала ждать условленного знака от дежурившего парня. Когда напарник Ника ненадолго отлучился, он подал Джине сигнал, и она быстро подошла к тамбуру. Джина понимала, что, помогая ей, Ник сильно рискует, так как все операции шлюзования и активация переходной камеры фиксировались в памяти центрального компьютера убежища, и если как-то не избавиться от этих отметок, техники без труда выяснят, кто, когда и кого выпустил наружу. Но оказалось, Ник подготовил в точности такой же рюкзак, как и сама Джина, намереваясь покинуть убежище вместе с ней. Поняв это, Джина запротестовала, но Ник неожиданно по-взрослому настоял на своем: он будет ее сопровождать и точка. Если у нее есть причина покинуть убежище, сказал он, то у него самого и подавно. Он умолчал, что это за причина, но тогда Джина не стала настаивать, чтобы он раскрыл ее.

Все прошло без помех. Наверное, их хватились, когда они были уже далеко от убежища. Теперь их это не волновало. Вряд ли за ними бросятся в погоню. Им выпал счастливый билет. На поверхности была летняя ночь. На земле не лежал пепел, а луну не застилал смог, и она своим бледным светом освещала им путь, когда они молча уходили от убежища все дальше и дальше. Неизвестно, как у Ника, а у самой Джины не возникло даже тени сожаления оттого, что она покинула место, где родилась и провела всю свою жизнь. Она искренне надеялась, что перед ней открывается дорога к свободной жизни, не стесненная строгими правилами убежища, и смело смотрела вперед. Но, увы, как жестоко она ошибалась тогда.

Да, на поверхности жили люди. Может те, кто раньше выбрался из своих убежищ, а может и те, кто умудрился как-то пережить войну снаружи, приспособившись существовать на руинах. Наверное, этим объяснялась жестокость, царившая в тех редких поселениях, на которые набредали Ник и Джина. На второй же день их ограбили, а с тем, что у них сохранилось, они не смогли даже согреться ночью у костра, вынужденные ночевать в чистом поле, так как в поселке, в который они имели несчастье заявиться, хозяйничали работоторговцы, вылавливая всех мало-мальски здоровых мужчин и женщин. Вскоре Ник и Джина уже ничем не отличались от полуголодных оборванцев, населявших эти редкие поселения. Но не это было самое удручающее. Люди на поверхности были еще более невежественны, чем там, в убежище. Так же, как и в убежище, здесь, на поверхности, готовы были убить за уцелевшую довоенную вещь. Суды Линча, гонения на изувеченных радиацией несчастных и всевозможные культы в сочетании с первобытной дикостью и упадком нравственности заставили Джину разочароваться в жизни окончательно. Какой смысл было бежать из убежища, если снаружи царил настоящий хаос и ад.

Они держались вместе с Ником, поддерживая друг друга, и Джина часто задавалась вопросом, почему этот парень так предан ей. Возможно, если бы не он, она бы давно сломалась и решила бы вернуться назад в убежище. Потихоньку, день за днем, к ней подбиралось безумие. Прятаться, обманывать, воровать — все это постепенно входило в привычку, а в иссушенной душе сохранилось лишь одно чувство — это ненависть ко всем людям без исключения, и даже к самой себе, подогреваемая все громче звучащим в глубине ее воспаленного сознания детским криком. Человек в таком состоянии, обозленный на всех, на весь мир и не имеющий отдушины, становится легкой добычей для сектантов и

мошенников всех мастей. Ник, как мог, пытался помочь Джине преодолеть кризис, но уберечь ее от шага, перевернувшего всю их жизнь, так и не смог.

Откуда-то с юга пришли черные проповедники. Их избивали и убивали. Грабили и высмеивали, но они смиренно сносили все это, тихо и незаметно нашептывая свои проповеди тем, кто снисходил до того, чтобы их послушать. Большинство отмахивалось от них, не желая выслушивать всякий бред, кое-кто пинал незадачливых храмовников в бок ради смеха, а те редкие, кто все же внимали им, потом открыто потешались над странными речами горе-проповедников. Но ради одного золотого руна, как считали сами монахи, стоило просеять сотню паршивых овец. Им не нужны были бандиты или убийцы, им нужны были такие, как Джина — готовые слушать и находить в их речах ответы на все свои несчастья. Семена их вкрадчивых слов падали на благодатную почву, и с первой же встречи Джина ходила за монахом, как собачка на привязи. Он обещал ей отмщение, он увещевал ее, что ей будет дарован величайший шанс расквитаться со всеми, и наконец обрести столь вожделенную свободу, избавившись от насквозь развращенной человеческой оболочки. Перед Мастером будут все равны, говорили он, — и люди, и нелюди, уроды и нормальные. Он любит всех своих детей. Он не убивает только потому, что кто-то не похож на другого. Он есть все они. Он единение их всех. Он будет в каждом из них, и она забудет о своем горе, так как Он возьмет его тяжесть на себя.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Ник пытался отговорить Джину якшаться с монахом, понимая, что с девушкой творится что-то неладное, но она лишь злилась на него. А однажды она исчезла. Ушла вслед за монахом, которого назад позвал колокол далекого храма. Ник последовал за ними и, выдав себя за посвященного, проник вслед за Джиной в храм. Дальше произошло то, что разделило жизнь Джины на до и после. Вместе с Ником они прошли страшный и мучительный обряд инициации. Джина до сих пор испытывала вину за то, что Ник из-за нее пошел на это. Чтс крылось за его безоговорочной преданностью? Настоящая любовь? Должно быть так, если он согласился превратиться в мутанта только ради того, чтобы оставаться рядом с ней. Так Джина стала мастером-лейтенантом Делайлой, а Ник попал к ней в подчинение и стал рядовым Крулом. Вместо настоящих имен — клички и еще кодовый номер генетической модификации. Кто бы мог предположить, что из Ника получится настоящий гигант? Может быть, правы были монахи — и генетическая трансформация реализует скрытые желания человека, запертые в жалкую человеческую оболочку. Наверное, это было единственное, о чем монахи не лгали.

Их воля теперь была подчинена великому разуму Мастера. Но тот не спешил избавить Джину от страданий. Ее ненависть дала ему в руки великолепный образчик воина. Следовало лишь закалить это оружие в бою, погрузив жаждущее крови чувство ненависти в питательную среду, и тогда, наконец, родится величайший воин, не знающий страха и сожаления. И Джину бросали в бой бесчисленное число раз. И тот, кого когда-то звали Ником, по-прежнему всегда был подле нее, не раз прикрывая ей спину. Они дрались отчаянно, как, наверное, никакие воины в истории Земли. Они сеяли смерть и разрушения, не зная жалости к побежденным. Джина надеялась, что крики умирающих от ее руки людей заглушат тот детский крик, до сих пор звучащий в ее сознании, но этого не произошло. Она пыталась выжечь его огнем напалма, лучами лазеров, едким запахом порохового дыма. Но все было напрасно. Он лишь сильнее звучал укором ей, приумноженный криками ее жертв, став их гласом из преисподней, ежечасно сводя ее с ума, заставляя ожесточаться все больше и

больше. До самого конца войны. Все. Тупик. Дальше нет пути. Все оказалось враньем, пустотой, жалкой декорацией на величие. Даже смерть Мастера не прибавила опустошения в ее душе, так как та была давным-давно пуста до самого дна. В последней своей битве она сражалась уже не за своего повелителя, а просто потому, что хотела умереть в бою. Думала ли она тогда о Нике? Нет. Он давно и окончательно превратился из друга, когда-то покинувшего вместе с ней убежище, лишь в преданного солдата, беспрекословно выполняющего приказы, и готового погибнуть ради нее.

Их взяли в плен воины Братства. Налет цивилизованности не мог обмануть Джину. Это были все те же отвратительные люди, не менее жестокие, чем мутанты. Они напоминали тех самых техников, что убили ее ребенка и с ней они поступили не менее жестоко. Круг замкнулся, сначала ее дитя, теперь она сама. Чем была лучше консервационная камера, в которую их с Ником поместили, конвертера убежища, в котором переработали тело ее ребенка? Ничем. Результат все равно один. Смерть на благо Человека. В качестве нескольких литров питательной биомассы или горы плоти, пригодной для анатомического исследования. Какая разница? Никакой! Наверное, она заслужила это.

Что сейчас осталось с ней после всего пережитого? Крул? Теперь Делайла, наконец, осознала, насколько он дорог ей и насколько важен. Как же бездушно и жестоко она обходилась с ним. Оказалось вдруг, что все это время он был тем утесом, незыблемым кусочком суши, за который она всегда цеплялась, и который не давал ей утонуть окончательно в безбрежном океане безумия. И еще с ней был тот детский плач. Он не оставлял ее и преследовал ее до сих пор, взывая к чему-то, что Делайла до конца не смогла разгадать. Он звучал негромко в ушах, заставляя вновь возвращаться мыслями в прошлое. Когда же он отпустит ее или будет преследовать до конца ее дней?

Делайла встрепенулась, пытаясь уверит себя, что это только иллюзия, но плач звучал и звучал, перемежаясь негромкими всхлипами, и тогда она внезапно с облегчением поняла, что слышит этот плач в реальности. Где-то наверху, в комнате Маши. Делайла уселась на диване и прислушалась. Так и есть. Она встала, накинула куртку и выглянула в коридор. Затем тихонько прошла до лестницы и осторожно, чтобы не скрипеть ступенями, стала подниматься вверх. Оказавшись на втором этаже, она сориентировалась по плачу, едва доносящемуся из-за одной из дверей, подошла к ней и, предварительно легонько постучав костяшками пальцев, приоткрыла дверь и заглянула в комнату.

В темноте на постели сидела Маша, обхватив руками подогнутые под одеялом колени, и тихонько плакала. В комнату заглядывала луна, расчерчивая одеяло на четыре белых квадрата. Девочка замолчала и повернула голову в сторону приоткрытой двери. Делайла поторопилась открыть дверь шире, чтобы девочка могла узнать ее, и тихонько спросила:

— Можно к тебе?

Девочка, не произнеся ни слова, только коротко кивнула головой, блеснув в темноте влажными глазами. Делайла прошла к кровати и, усевшись на ее краешек, осторожно поинтересовалась:

— Ты это из-за отца?

Девочка опять молча кивнула.

— Успокойся, он тебя больше не обидит, — наугад пообещала Делайла, осторожно коснувшись плеча девочки. — Теперь я всегда буду рядом с тобой. Спи и ничего не бойся.

Маша послушно откинулась на подушку и Делайла натянула ей до подбородка краешек одеяла. Затем она встала, собираясь уходить, но девочка робко попросила:

— Не уходи. Посиди со мной еще немного.

— Хорошо.

Делайла уселась на прежнее место, молча всматриваясь в едва различимое в сумраке лицо девочки. Маша закрыла глаза, и Делайле вдруг подумалось, что вот такой могла бы быть ее дочь или сын. Она ведь так и не узнала, кто у нее тогда родился. Странно, но вот сейчас, когда она глядела на эту маленькую девочку, чувствуя ее близость, на Делайлу впервые за долгие годы снизошло умиротворение. Впервые ее страшные воспоминания отодвинулись на второй план и стали постепенно тонуть в поволоке давно минувших времен. Впервые она искренне не испытывала к людям отвращения и ненависти. Может, оттого, что повстречала в этом поселке людей, не испорченных ужасами послевоенного времени? Хотя как такое могло случиться? Как эти люди могли сохранить простоту, наивность и добросердечие, живя в окружении хаоса и зла долгое время? Но так было! И Вильямс, и священник Дженкинс и эта маленькая девочка, и все остальные — она видела в них настоящих людей, отнесшихся к мутантам без предубеждения. Прокручивая назад свою память, нет, не затем, чтобы вновь погрузиться в кошмар воспоминаний, а сравнивая свой опыт общения с людьми, она с ужасом поняла, что на ее пути редко встречались настоящие люди. Такие, какими быть может, они были только до войны. Разве что Крул и Майлз, и еще Джок? Ее до недавнего времени единственные друзья. Вот теперь еще Маша, заставившая Делайлу почувствовать себя хоть чуть-чуть матерью.

Девочка уже заснула. Во сне она повернулась набок, подтянув под себя ноги, и Делайла заботливо поправила краешек сползшего с ее плеча одеяла. Душа Дейлайлы сейчас отдыхала. Она не заметила, как сама задремала и стала клевать носом. Внезапно из дремы ее вывел послышавшийся совсем рядом скрип. Не то чтобы этот звук был слишком громок для того, чтобы разбудить крепко спящего человека. Не громче, чем стрекот сверчка за окном или топоток мыши, отправившейся на сбор крошек. Делайла очнулась моментально потому, что этот звук был необычен. Ее натренированный мозг на уровне инстинктов независимо от сознания постоянно анализировал окружающую обстановку, и теперь подсказывал, что этому звуку здесь и сейчас не место. Делайла, не поднимая склоненной головы, раскрыла глаза и наострила уши. Возможно, это была ложная тревога. Может, ветка высохшего дерева, росшего рядом с домом, от ветра задела стекло и издала тот самый странный звук, а может, старый дом решил слегка размять свои косточки, выбрав столь неудачное для этого время. Но что-то подсказывало Делайле, что подобный звук уникален для этого места. Она скосила глаза к окну. Луна давно скрылась из виду, и рассмотреть что-то за стеклом было сложно. Но там явно творилось что-то ненормальное. Внезапно Делайла поняла, что в стекле зияет аккуратно вырезанное круглое отверстие. Еще даже не осознав, что это может означать, она порывисто вскочила с постели, намереваясь перекрыть доступ в комнату со стороны окна, но что-то едва слышно зашипело, и шею Делайлы обжег укол. Она вскинула руку к шее, и нащупав пальцами оперение дротика, вырвала его, но шипение раздалось вновь. Второй дротик, пробив кожу штанов, вонзился ей в бедро, еще один сразу же за вторым воткнулся чуть ниже ключицы. Делайла в ярости отбросила первый дротик, ощутив на пальцах влагу от содержимого раздавленной капсулы, потянулась ко второму, но мышцы уже не слушались ее. Ноги задеревенели, руки скрутила судорога. Делайла почувствовала, как готовые лопнуть от напряжения мышцы груди с трудом позволяют ей сделать очередной вдох. Она раскрыла рот, как рыба, выброшенная на берег, ловя последний глоток воздуха, и, так и не издав ни единого звука, осела на пол.

Делайла не потеряла сознание и могла видеть все, что происходит в комнате. Она с трудом дышала, заставляя онемевшие мышцы груди слабо сокращаться, но и только. Она даже не могла моргнуть, так как веки вместе с застывшими жесткой маской мышцами лица заморозили на нем выражение ужаса. Она видела, как через отверстие в стекле протиснулась рука в перчатке, повернула запор, и окно открылось. В комнату скользнула фигура, полностью, с ног до головы, затянутая в угольно черный костюм, гладко обтягивающий тело. Человек был похож на плоскую тень — ни блика на черной коже, ни звука от металлической пряжки. На поясе у незнакомца болталась кобура с дротиковым пистолетом. Он пристально посмотрел на Делайлу, — по крайней мере, она так решила, потому что с точностью сказать этого не могла — на человеке была глухая маска с опущенным на лицо прибором ночного видения. Удостоверившись, что женщина-мутант неподвижна, незнакомец поднял руки и сдвинул блок окуляров на лоб, открыв часть лица. Затем он и вовсе снял маску и пристегнул ее к поясу. Делайла узнала его. Это был Джарвис собственной персоной. Он повернулся к постели с мирно спящей Машей, и Делайла от бессилия напрягла все свои мышцы, пытаясь разорвать связывающие ее оковы, но тщетно. Она могла лишь безучастно наблюдать за действиями отца девочки. Даже волна ярости — верная спутница Делайлы, здесь оказалась бессильна.

Джарвис наклонился над постелью дочери, медленно протянул руку к лицу девочки, затем потряс Машу за плечо другой рукой, будя ее, и как только девочка проснулась, быстро зажал ей рот, затем, сбросив с нее одеяло, перехватил за талию и, подняв с постели, прижал к себе. Перепуганная Маша, не понимающая, что происходит, пыталась кричать сквозь зажимавшую ей рот ладонь, но выходило лишь глухое мычание, которое вряд ли кто в доме кроме беспомощной Делайлы мог услышать. Девочка брыкалась, дергала ногами, но Джарвис держал ее крепко.

— Перестань, Маша! — приглушенно потребовал он. — Будь паинькой, малышка. Я же твой отец и не причиню тебе вреда. Не вынуждай меня прибегать к силе!

Джарвис повернулся к окну, и Маша наконец увидела лежащую на полу Делайлу. Глаза девочки округлились от ужаса, и она еще сильнее задергалась в руках отца. Тот встряхнул ее и прошипел:

— Прекрати, непослушная девчонка, если не хочешь, чтобы я вконец разделался с твоей громадной сиделкой. — Маша заметно присмирела, вняв угрозе отца. — Так то! — сказал он, косо посмотрев в сторону недвижимой женщины-мутанта.

Он подошел к раскрытому окну, встал на колени возле него и негромко позвал.

— Эй, держите девчонку!

Снизу послышался такой же приглушенный ответ:

— Нет, Джав, ты уж сам как-нибудь. И завяжи ей чем-нибудь рот, иначе она поднимет на ноги весь поселок!

— Нет, не поднимет, иначе она знает, что я сделаю с ее подружкой. Ты меня понимаешь, Маша?

Девочка поспешно кивнула.

— Вот так. Держите ее. А я сейчас спущусь. Хочу тут побеседовать с нашей большой леди.

Кто-то внизу принял Машу, и Джарвис, отойдя от окна, наклонился над Делайлой, внимательно ее разглядывая. Делайле пришлось приложить гигантское усилие, чтобы хоть чуть-чуть скосить глазные яблоки в его сторону.

— Я мог бы тебя убить сейчас же! — сказал Джарвис. — Если честно, я не ожидал, что ты выживешь после нейроботика. Обычного человека давно бы скрутило в узел, и все его кишки выдавили бы наружу через глотку и задницу собственные мышцы. А ты еще трепыхаешься. Что же, тебе повезло. Пойми, лично на тебя я не держу зла. Ты честно делаешь свою работу. Поэтому я оставляю тебя жить, но запомни — если ты не хочешь, чтобы пострадала Маша, — не ищи нас!

Джарвис развернулся, подошел к окну и исчез так же, как и проник сюда — быстро и совершенно беззвучно.

Через раскрытое окно прохладный ветерок стал обдувать лицо Делайлы. Она лежала неподвижно еще минут десять, не чувствуя его касания на своем одеревеневшем лице, когда наконец ощутила долгожданное покалывание в мочках ушей и коже лба. Ее сильный организм стал справляться с отравой, очищая от нее кровь. Все-таки не зря старались генетики Мастера, наделяя таких, как Делайла и Крул, сверх способностями адаптироваться к окружающей среде, выживать в условиях, которые не мог бы перенести обычный человек, и оставаться живыми тогда, когда обычный человек давно бы погиб. Сначала чувствительность обрели кончики пальцев рук и ног. Делайла моментально стала яростно шевелить ими, ускоряя ток крови и заставляя через боль сокращаться еще онемевшие мышцы. Наконец, когда она смогла закрыть глаза и с болью в горле сглотнуть горечь, скопившуюся во рту, женщина-мутант сделала первую попытку закричать. Громкого крика не вышло. Все еще сдавленное спазмом горло беспомощно дергалось, исторгая лишь жалкий хрип, но Делайла не сдавалась, заставляя грудь вновь и вновь исторгать наружу с таким трудом втянутый в легкие воздух, пока ей не удалось воспроизвести звук, достаточный, чтобы его смогли услышать в доме.

Крул взялся за ручку входной двери, раздумывая, как бы ему так постучать в дом, чтобы не разбудить Вильямса и Машу, спящих на втором этаже, но в то же время привлечь внимание Делайлы или Майлза, чтобы те впустили его внутрь. Возможно, кто-то из них сейчас не спит, дожидаясь его, и негромкого постукивания в дверь будет достаточно. Ну а если они дрыхнут? Крулу даже стало немного обидно от этой мысли. Он тут шляется по ночам, а они дрыхнут!

Пес все это время нетерпеливо переминался возле ног мутанта, готовый немедленно просунуть морду в дверь, как только та начнет открываться. Крул все же поднял руку, чтобы постучать, решив, что если никто не откроет на его негромкий стук, он попробует побарабанить в окно комнаты Делайлы. Но едва пальцы мутанта уже готовы были опуститься на шершавое дерево двери, как где-то на втором этаже дома раздался хриплый, полный невыносимой муки и печали стон. Именно стон, какой-то странный и вымученный. Крул поначалу ошеломился, соображая, что бы это могло быть, но когда стон, уже чем-то напоминающий крик, раздался вновь, он, не раздумывая ни секунды, ухватившись за ручку и с места толкнул дверь плечом. Та крякнула, рассыпав по полу прихожей содержимое взломанного замка, и с треском распахнулась, сама чуть не развалившись пополам. Распахнулась она недостаточно быстро и спешащий мутант, не обративший внимания на столь слабое препятствие на своем пути, снес ее окончательно с петель. Дверь немного постояла в сторонке, а затем стала медленно падать и грохнулась поперек коридора, издав оглушительный грохот.

Крул тем временем, только что не проламывая ногами половицы, пронесся мимо

опалевшего Майлза, также разбуженного необычными стопами наверху и в этот момент вышедшего из своей комнаты. Мутант затопал вверх по лестнице и инженер бросился следом ним, не понимая, что же это за ночное представление разыгрывается перед ним.

Крул влетел на второй этаж и тут же увидел распахнутые двери двух находящихся напротив друг друга комнат. Он немного замешкался, соображая в какую же заглянуть в первую очередь. Из одной комнаты лился слабый свет, видимо от зажженной свечи или лампы. Из нее же послышался отчаянный крик Вильямса:

— Что с вами!? Где Маша!?

В ответ раздался тот самый стон, перемежающийся с бессвязными попытками что-то сказать. Теперь Крул узнал его. Это был странно искаженный голос Делайлы. Моментально оказавшись на пороге комнаты, мутант увидел лежащую на полу Делайлу и стоящего возле нее на коленях Вильямса. Лицо старейшины было искажено от ужаса, смешанного с отчаянием. Делайла попыталась как-то неловко встать, и подскочивший Крул, бережно подхватив ее под голову и талию, помог сесть и привалиться к краю кровати. Он стал лихорадочно ощупывать Делайлу, с тревогой всматриваясь в ее слезящиеся глаза, пытаясь обнаружить ранение или иную причину ее теперешнего состояния.

— Что с ней? — спросил Вильямс.

— Что здесь произошло?! — вместо ответа спросил мутант.

— Спросите у нее! — Вильямс обвиняющим жестом показал на Делайлу.

Крул взял странно холодное лицо Делайлы в свои ладони и внимательно взгляделся в него. Слезы прочертили влажные дорожки по ее сухой коже, а глаза покраснели, выделяясь темными пятнами на странно бледном лице. На Делайлу было жутко смотреть.

— Что с тобой, Дел? Ответь мне.

Делайла зажмурилась, выдавив на щеки очередную порцию влаги и, сглотнув, скосила глаза куда-то в сторону. Вбежавший в комнату пес закружил вокруг чего-то на полу и, усевшись рядом, негромко гавкнул, привлекая внимание людей. Вошедший вслед за псом Майлз нагнулся рядом с собакой и подобрал с пола раздавленный дротик. Понюхал его, сморщился, и с опаской отодвинув от себя на вытянутой руке, сказал.

— Ее накачали нейроботиком. Наверное, ее сейчас ломает, как сухую травинку на ветру. Не позавидуешь. — Майлз подошел вплотную к окну и, отворив створку, кивнул на аккуратную дыру, прорезанную в стекле, — Забрались через окно. Тихо и аккуратно открыли его через дырку, прорезанную в стекле.

Теперь Крул знал, что надо делать.

— Сейчас тебе будет легче, — сказал он плачущей Делайле. — Успокойся и не пытайся шевелиться и говорить. Если можешь — закрой глаза.

Делайла подчинилась и попыталась смежить веки.

Первым делом Крул осмотрел Делайлу, ища другие дротик, могущие еще оставаться в ее теле. Таковых не нашлось, а те дротик, что нашел пес, скорее всего, выпали, когда Делайла ворочалась на полу, пытаясь совладать со своим взбунтовавшимся телом. Крул подхватил Делайлу на руки, и осторожно подняв, уложил на кровать. Кровать была маловата для нее, но сейчас это было не столь важно. Вильямс стоял в стороне и молча наблюдал за мутантом. Похоже, он находился в не меньшем шоке, чем Делайла, но скорее не от ее состояния, а от исчезновения Маши, которая должна была спать как раз на этой самой кровати, где сейчас лежала женщина-мутант.

Стянув с безвольной Делайлы куртку и штаны, Крул стал осторожно, но в то же время с

необходимой силой массировать ее тело, как его учили когда-то в храме. Сначала грудь в области сердца, затем все более по кругу вокруг этого условного центра, постепенно расширяя волновыми движениями массаж, заставляя кровь интенсивней циркулировать по сосудам, помогая тем самым сердцу донести ее до обездвиженных мышц. Потом шею и основание черепа, плечи и наконец руки и ноги. И так несколько раз, пока напряженное, как камень, тело Делайлы не стало постепенно расслабляться. Мышцы вновь приобретали эластичность, а на бледном лице женщины-мутанта появился едва заметный румянец. Наконец Крул решил, что этого пока достаточно, и усевшись на колени рядом с кроватью, так как кровать вряд ли бы выдержала еще и его вес, сядь он на ее краешек, спросил Делайлу:

— Можешь говорить?

Делайла сглотнула и неуверенно кивнула головой. Вильямс и Майлз, как по команде, вплотную подошли к кровати, до предела сжав освещаемое лампой пространство.

— Пускай сначала ответит, где Маша! — тут же воскликнул Вильямс.

Крул гневно повернулся к нему.

— Не кричите на нее! Ей и так досталось. Лучше помолчите пока, иначе я вышвырну вас вон из комнаты!

Вильямс заткнулся, пождав губы, и вместе со всеми стал с нетерпением ждать, что наконец скажет Делайла. Даже пес смиренно уселся подле кровати и, положив свою неопрятную морду на ее край, жалобно поглядывал в лицо мастера-лейтенанта.

— Джар... вис... — выдавила Делайла, еще не до конца владея своим языком и губами. — Он заб... рал д...дев. очку...

— Джарвис?! — нахмурился Вильямс. — Но как! Как он умудрился незаметно проникнуть в поселок, чтобы ни одна собака его не учуяла! И потом, откуда у него транквилизатор!?

Делайла сморщилась, словно от внезапно попавшей в рот желчи, потом, старательно выговаривая слова, уже почти нормально ответила:

— Он был в спец... костюме развед... чиков Братства...

— О чем она говорит? — спросил недоуменно Вильямс.

Крул задумался, оставив без внимания вопрос старика. За него ответил Майлз:

— Человека в таком костюме очень трудно обнаружить обычными средствами. Он малозаметен и бесшумен. Встроенный в ткань костюма гибкий экзоскелет позволяет его владельцу без всяких усилий взобраться на высокое дерево, перемахнуть через двухметровый забор или забраться в окно второго этажа, как это произошло в нашем случае. Этими костюмами, если конечно Делайла не ошиблась, экипируются разведчики Братства Стали. Достать его обычному смертному практически невозможно, если ты не состоишь в рядах ордена. Но и тогда не всякому доверяют такую экипировку. Разведчики — это войсковая элита наравне с паладинами. Даже не знаю, как к Джарвису мог попасть такой костюм!

— А ты уверена, что это был именно Джарвис, — с сомнением спросил Крул. — Был же темно, и ты могла ошибиться.

— Нет..., - Делайла покачала головой. — Он разго... варивал со мной, преж... де чем уйти, и его го... лос я ни с ке... м другим не спу... таю.

— Что он сказал? — нетерпеливо спросил Вильямс.

— Только... при... грозил..., что если мы будем искать девочку, то она мо... жет пострадать.

Вильямс громко вздохнул.

— Господи, и вы не смогли ее защитить! — он повернулся к Крулу. — Вы же хотели выследить его! Найти его нору, чтобы присматривать за ним! И что же? Пока вы пропадаете неизвестно где, он беспрепятственно проникает в поселок, с легкостью выводит из строя вашу напарницу и похищает девочку! Я боялся, что в защитниках не будет никакого смысла, и так и вышло на самом деле, — горько пожаловался старик.

— Я не нашел их, где ожидал, — виновато ответил Крул. — Старая ферма оказалась пуста. Их там не было.

— Так где же вы были все это время!? — резко спросил Вильямс.

Крул опустил глаза, но промолчал. Повисла неловкая пауза.

— Я послала его исследовать убежище, — медленно сказала Делайла.

— Зачем вы послали его туда!? — раздраженно взорвался старик. — Что вам там понадобилось!? А-ааа, знаю, это ваша навязчивая идея о том, что мы где-то скрываем оружие! И вот к чему это привело! — укоряющим тоном заявил Вильямс.

— Вы правы, мистер Вильямс, — холодно обронил Крул. — Я не нашел там оружия, хотя искал именно его. — Мутант прищурился и также холодно продолжил. — Я там вообще ничего не нашел. Там совершенно пусто. И это очень странно, мистер Вильямс. А знаете, что в этом странного!? Ведь убежище не просто опустошено, оно почти полностью разрушено! Как ваши предки могли пережить в его стенах войну и последовавшие за ней годы, если оно совершенно непригодно для защиты от радиации и автономного обитания в нем людей! Вы лгали нам! Зачем!?

Вильямс нахмурился, но смолчал.

— Неужели ты там ничего не нашел? — с недоверием в голосе спросила Делайла.

Крул покачал головой. Отыскал глазами пса и кивнул в его сторону.

— Вот его нашел, — мутант порылся в кармане и вытащил фотографию. — И еще это. Настоящие обитатели убежища, которые там погибли, а не эти лжецы, водившие нас за нос все это время.

Казалось, на Вильямса обвинения Крула не произвели никакого впечатления. Сложив руки на груди, он пристально посмотрел сначала на пса, который неожиданно дружелюбно уместился в ногах старика, а затем перевел взгляд на фотографию, которую мутант передал Делайле. Та с интересом рассматривала фотографию, вертя ее так и эдак, чтобы свет от лампы лучше высветил изображение под пластиком чехла. Внезапно Делайла подалась с постели, и растерянно произнесла, показывая на рыжеволосого мужчину, запечатленного на снимке.

— Это же Джарвис! — она перевернула снимок, и ее лицо на этот раз сделалось крайне удивленным. — Но... Как такое возможно! — Делайла повернулась к старейшине. — Мистер Вильямс, что здесь происходит!? Как Джарвис мог быть запечатлен на снимке, датированным довоенным временем!? Сначала убежище, в котором ваши предки якобы пережили войну, оказалось на самом деле разрушено, теперь это. Как такое вообще возможно? Что все это значит, черт возьми!?

— Тьфу ты, опять этот Джарвис! — ударил по колену себе кулаком рассерженный Крул. — Может это не он, а его предок?

Делайла покачала головой.

— Нет, это он. Я уверена в этом.

Теперь центром всеобщего внимания стал Вильямс. По его непроницаемому лицу

невозможно было понять, о чем тот думает.

— Я ничего вам не скажу, пока вы не вернете девочку назад! — наконец сказал он.

Крул поднялся во весь свой гигантский рост и, нависая над стариком, глухо заговорил:

— Хватит водить нас за нос. Объясните нам, в чем здесь дело. Это в ваших же интересах! Если это поможет нам освободить девочку, то вы не можете молчать. Кто такой Джарвис на самом деле!? Зачем ему понадобилась Маша? Мы же не знаем, где их искать. Если вы все нам объясните, может быть, мы отыщем какую-то зацепку, откуда нам следует начинать поиски!

Вильямс покачал головой, оставшись непреклонным.

— Нет. Это все равно не поможет вам в их поисках. Обещаю, я все вам объясню, но только когда Маша окажется здесь.

Крул сдался и разочарованный вновь опустился на корточки возле Делайлы. Ну не пытаться же старика в самом деле! Хотя Делайла, будь она в лучшем состоянии, наверное, всерьез рассмотрела бы подобную идею. Взгляд мутанта блуждал по комнате, пока не остановился на псе.

— Кажется, я знаю, кто нам сможет помочь!

Крул поднялся и шагнул к собаке. Пес доверчиво потянулся мордой к мутанту, завиляв хвостом. Потрепав пса за ухом, Крул спросил:

— Как его зовут, Вильямс? Хоть это то вы нам можете сказать?

— Пират, — нехотя ответил старейшина.

Крул усмехнулся, до конца все же не веривший, что старик ответит.

— А девочка на фотографии? — попробовал вытянуть и Вильямса еще одно признание Крул. — Это не...?

Вильямс отвернулся, не дослушав вопрос, всем своим видом показывая, что больше ничего не собирается говорить.

— Ты всерьез думаешь, что это собака Джарвиса? Та, что изображена на снимке рядом с ним? — догадалась Делайла. — Невероятно! Этого не может быть!

— Знаю, что звучит, как бред сумасшедшего, но если я прав, то думаю, Пират знает, где находится логово Джарвиса. Пес, наверное, сбежал от него, чтобы вернуться в убежище и навестить ту самую женщину, которая изображена на фотографии, — Крул помедлил. — Вернее то, что от нее осталось, погребенное под обвалом. Да так и застрял там внизу, бедняга, не имея возможности выбраться. Я его вытащил и теперь надеюсь, он выведет нас на Джарвиса.

Морщась, Делайла спустила ноги на пол и, едва сдерживая стон, стала подниматься с кровати.

— Дел, лежи! — запротестовал Крул. — Я справлюсь один.

— Нет уж, — покачала головой Делайла. — Я эту кашу заварила, мне и расхлебывать. Да к тому же пешие прогулки на свежем воздухе пойдут мне только на пользу.

Крул помог ей встать, и заметив, что Делайла нетвердо стоит на ногах, с готовностью подставил плечо, но она жестом остановила его:

— Нет. Я сама.

Крул отошел в сторону, повернулся к собаке и негромко скомандовал, похлопав себя по бедру ладонью.

— Пират, за мной!

Пес неуверенно посмотрел сначала на Вильямса, потом снова на Крула, поднял свою

мохнатую задницу с пола и затрусил вслед за мутантом.

Над поселком занимался рассвет. Утро выдалось хмурым и зябким. Поначалу пес не мог понять, что от него хотят. Он, позевывая в полную пасть и вывалив наружу язык, лениво махал хвостом и явно предпочел бы мягкую подстилку где-нибудь в теплом и сухом месте этому промозглому утру. Крул, присев на корточки, хлопнул в ладоши перед самым носом пса и громко скомандовал:

— Эй, дружок, давай домой! К хозяину!

Пес наклонил голову набок и посмотрел на мутанта, как на чокнутого. Позади стояла все еще не отошедшая от воздействия нейроботика Делайла, странное дело, слегка опиравшаяся на плечо стоявшего рядом Майлза. Чуть в стороне стоял Вильямс.

— Может, ты ошибаешься, Крул, и этот пес никакого отношения к Джарвису не имеет? — спросила Делайла.

— Я тоже уже начинаю сомневаться в этом, — разочарованно согласился Крул. — Дурацкая была идея.

— Может, он привязался к тебе? — предположил Майлз. — Джарвис, наверное, плохо с ним обошелся, вот пес и убежал от него, а ты его подобрал. Неужели ты думаешь, что теперь он по собственной воле вернется к прежнему хозяину?

К псу подошел Вильямс.

— Может, это поможет.

С этими словами он присел рядом с Пиратом, поднес к его морде одну из сандалет Маши и негромко сказал, погладив пса по голове:

— Ищи, Пират, ищи малышку...

— Как же я сам не догадался! — хлопнул себя по лбу Крул. — Дурья моя башка!

Пес, обнюхав сандалет, весело завилял хвостом, помялся на месте, затем пробежал пару раз вдоль стены дома под самыми окнами мансарды. Потом отбежал на несколько метров в сторону дороги, вернулся, потрусил к углу дома, остановился там и призывно посмотрел на Крула и остальных, как бы предлагая следовать за собой. Крул пошел к собаке, Делайла и Майлз следом, а Вильямс остался стоять на прежнем месте.

— Останься здесь, Майлз, — обернувшись к инженеру, сказала Делайла. — Там ты нам только помешаешь. Сходи к Дженкинсу и упроси его дать нам во временное пользование его допотопное оружие. За неимением другого сгодится и это. Попробуйте со Смитом снарядить его. Кто знает, как будут развиваться события дальше и нам может пригодиться все, что окажется в нашем распоряжении.

Майлз был разочарован, но спорить не стал, лишь кивнул в ответ. Вильямс за все это время не проронил больше ни слова, и мутанты, махнув на прощание руками, двинулись вслед за приплясывающей от нетерпения собакой. Как только Пират завидел, что наконец-то возглавил шествие, он стремглав кинулся вперед, и мутантам пришлось поторапливаться, чтобы не отстать от него.

Пес вилял, иногда останавливался, принохиваясь к земле, что говорило о том, что след, по которому он шел, был едва уловим, но в целом не слишком отклонялся от направления на восток, куда, видимо, скрылись похитители. Поначалу мутанты поспевали за ним шагом, так как пес часто подолгу искал продолжение следа, давая возможность без усилий нагнать себя, и Крул внутренне радовался этому, замечая, с каким трудом Делайле дается быстрая ходьба. Но постепенно пес стал увереннее выбирать дорогу, перестав отклоняться от одной ему

ведомой тропинки, и вскоре припустил бегом, будто следовал давно знакомому маршруту. Может быть, Крул был прав, и пес вел их в уже известное ему логово Джарвиса, так как был там до этого?

У мутантов хоть и был широкий шаг, но пес, несмотря на свой преклонный возраст, бежал так, что мутанты стали отставать от него. Перейти на бег Крул не решался, понимая, что Делайле, которая несомненно последует его примеру, будет очень трудно держаться рядом. Мутант пожалел, что не захватил ошейник для пса, но возвращаться в поселок было уже поздно. Вскоре мутанты все же вынуждены были бежать, и Крул убедился, что Делайла, хоть и морщится от боли, но прилагает все усилия, чтобы не отстать, и это ей с успехом удается. Впрочем, пес все же иногда останавливался и садился на землю, отмахиваясь хвостом от назойливых насекомых и терпеливо дожидаясь своих спутников, но когда мутанты нагоняли его в надежде на минуту отдыха, пес тут же вскакивал и несся дальше.

Поначалу их путь пролегал по местности, не слишком отличавшейся от той, что окружала поселок. Но постепенно степной ландшафт сменился невысокими холмами, из которых стали прорезаться верхушки гранитных глыб, потом от холмов остались лишь покрытые землей склоны торчащих из травы скал и в итоге обломки камней высотой в два человеческих роста обступили следопытов со всех сторон. Под ногами захрустел гравий, и Крул стал опасаться, что когда они наконец приблизятся к логову Джарвиса, тот сможет их услышать задолго до того, как им удастся его обнаружить. Пес как будто сообразил, в чем кроется причина ставших вдруг осторожными шагов его спутников, и тоже сбавил бег, перемещаясь короткими перебежками от скалы к скале, каждый раз дожидаясь, когда мутанты окажутся рядом. К тому времени Делайла окончательно оправилась от действия яда и передвигалась так же мягко и неслышно, как это делал Крул.

Вскоре пес вывел их к неширокому входу в пещеру, прятавшемуся между двумя торчащими из земли, словно зубы гигантского зверя, каменными столбами. Над входом в пещеру нависал тяжелый каменный козырек, сверху покрытый толстым слоем земли и густо заросший бурьяном. Улучив момент, Крул перехватил вознамерившегося двинуться напрямик к пещере пса и силой удержал подле себя, поглаживая собаку по голове и тихо приговаривая:

— Ты свою работу сделал, дружок, теперь наша очередь сунуть голову в пасть льва.

Делайла как-то странно посмотрела на Крула. Вот уж она не ожидала от него столь образного выражения, да к тому же пришедшегося так кстати с похожим на звериную пасть входом в пещеру. Притаившись за скалой, они наблюдали за пещерой около двух минут. Поблизости никого не было, и если даже предположить, что где-то рядом прятался часовой, хотя спрятаться ему было, в общем-то, негде, то он либо спит, не шевелясь, либо является гением по части маскировки, во что Крул не верил, не без основания считая, что человеку от мутанта не укрыться. Отсутствие часового на подступах к пещере могло говорить либо о полной уверенности Джарвиса, что их никто не станет искать в этом месте, либо наоборот об опасении, что выставленный снаружи человек лишь привлечет излишнее внимание к этой конкретной пещере. Последнее имело смысл, если учесть, что в этой каменистой местности наверняка подобных дыр пруд пруди, и возмись кто-то исследовать их все подряд, у него ушла бы на это уйма времени. Из самой пещеры не доносилось ни единого звука. Крул даже засомневался, а есть ли вообще кто-то внутри, но справедливо рассудил, что Пират ведь не зря привел их сюда. В любом случае пещеру надо было исследовать. Крул обернулся к Делайле и шепотом попросил:

— Попридержи пса, Дел, чтобы он ненароком не предупредил Джарвиса своим появлением, а я двинусь вперед.

Делайла кивнула и присев рядом с Пиратом на корточки, мягко обхватила его за шею, не давая последовать за Крулом, который пошел к пещере. Пес нервничал, сделал попытку броситься следом, но Делайла опять же мягко, но настойчиво удержала его. Когда Крул скрылся в пещере, она поднялась с корточек и двинулась следом, стараясь держаться впереди пса и готовая, если понадобится, закрыть ему путь в пещеру. Проход оказался достаточным, чтобы мутанты могли пройти в него, не пригибаясь, но они все равно инстинктивно пригнулись, не столько боясь задеть макушкой потолок, сколько для того, чтобы всегда быть готовыми прыгнуть вперед на врага, если тот появится у них на пути. Пес послушно трусил за Делайлой, больше не предпринимая попыток выбежать вперед, и мастер-лейтенант теперь была полностью поглощена тем, чтобы не потерять из виду шедшего впереди Крула.

Каменный коридор шел немного под уклон, слегка изгибаясь, и потому рассмотреть издалека, что там находится дальше, не представлялось возможным. С одной стороны спускающихся мутантов не могли сразу же увидеть те, кто, возможно, скрывался внизу, а с другой стороны мутанты могли неожиданно наткнуться на оставленного в коридоре часового и тогда не избежать лишнего шума. В коридоре постепенно становилось темнее по мере того, как вход скрывался за уже приличным поворотом и бледный рассеянный свет переставал проникать в пещеру. Но крошечная тьма сомкнулась вокруг мутантов и шедшего вслед за ними пса лишь на короткое время. Внизу по ходу их движения, едва позади исчез последний отблеск солнца, забрезжил слегка помигивающий желтоватый свет. Похоже на отсветы пламени масляной или керосиновой лампы, подумал Крул. Значит пещера, находящаяся внизу, все же обитаема.

Оставалось только решить, как себя вести дальше. Остановиться и посоветоваться с Делайлой не было времени, так же как и на то, чтобы осторожно подобраться к порогу пещеры и заглянуть внутрь. Велика вероятность, что Джарвис и его поделщики почуют что-то неладное и успеют подготовиться. Самым верным было сейчас застать их врасплох, и Крул решил рискнуть. Он обернулся и сделал соответствующий знак Делайле, предупреждая ее, что собирается предпринять, как это было принято в штурмовых подразделениях мутантов, и, не дожидаясь одобрения своего командира, рванулся вперед, на свет лампы, преодолев за считанные мгновения последний десяток метров, отделявший его от входа в пещеру. Нога мутанта во время широкого прыжка лишь раз коснулась гравия, покрывавшего дно пещеры, и Крул уже стоял на ее пороге, моментально схватывая взглядом все, что находилось внутри.

Как это обычно бывает, когда прилив адреналина скачком обостряет восприятие и позволяет в кратчайший промежуток времени охватить взглядом сразу всю обстановку в мельчайших подробностях, давая возможность за долю секунды сориентироваться в незнакомой ситуации, так и у мутанта моментально возник план его движения через пещеру, который следовало лишь выполнить с автоматизмом робота.

Пещера была невелика. Так, по крайней мере, показалось Крулу. Возможно, такое впечатление создалось из-за того, что ее дальние уголки терялись во мраке, который не в силах был разогнать слабый свет лампы, стоявшей на перевернутой вверх дном бочке в центре пещеры. Справа от бочки, почти скрываясь в темноте, развалился на прохудившемся матрасе, разложенном поверх деревянного топчана, худощавый мужчина, пуская в потолок

пещеры серебристую струйку дыма, слабо светящуюся в темноте. С противоположной стороны, усевшись на ящик, второй мужчина сдавал колоду карт на ящик побольше, служивший, видимо, столом за неимением настоящего. В глубине пещеры напротив входа, сложив руки на груди и прислонившись к стене спиной, стоял сам Джарвис. При скудном свете Крул узнал его по соломенным волосам и осунувшемуся лицу. Все трое, как успел заметить Крул, были одеты в защитные костюмы разведчиков Братства Стали, как и утверждала Делайла. В этом не было никаких сомнений. Тусклые поверхности усилительных наголенников, обтекаемых наплечников и гибкого чешуйчатого нагрудника спутать с чем-то другим трудно, так как мутант был прекрасно знаком с амуницией разведчиков Братства. Единственное, чего не доставало в экипировке — это неотъемлемой части таких костюмов — мультифункциональных шлемов, которые тоже, наверное, были где-то здесь, в пещере.

— Как думаешь, скоро они появятся? — как раз спрашивал тот, что сдавал карты.

Джарвис пожал плечами и начал отвечать:

— Обеща... — слова застыли у него в горле, когда он различил загораживающий вход в пещеру огромный силуэт. В первое мгновение, когда Крул, делая второй прыжок, уже неслись напрямик на Джарвиса, мутанту почему-то показалось, что человек не отнесся к его появлению, как к чему-то неожиданному. Может, Джарвис принял неясный силуэт гиганта за того другого, кого похитители на самом деле ожидали? Впрочем, эта небольшая неразбериха, давшая Крулу лишнюю секунду времени, закончилась очень быстро, как только мутант оказался в свете лампы и человек наконец разобрался, кто на самом деле пожаловал в пещеру.

Надо отдать должное Джарвису, он не впал в ступор, как это обычно происходит с необученными гражданскими, видящими несущегося на них огромного мутанта. Рука Джарвиса стремглав метнулась к поясу, и через мгновение в сторону Крула уже уставилось рыло дротикомета. Видимо, того самого, из которого была обездвижена Делайла. Мутант не стал уклоняться, а сходу пнул ящик, на котором были разложены карты, и тот, едва не развалившись в воздухе на отдельные дощечки от столь мощного пинка, полетел прямо в Джарвиса, а его ошарашенный напарник так и остался сидеть в облаке взорвавшейся бумажным листопадом колоды карт. Тот же, что курил травку в другом углу пещеры, видимо, соображал получше, и его хватило на то, чтобы проворно сверзиться с топчана и на четвереньках попробовать заползти в самый дальний угол пещеры.

Джарвис вынужден был уклониться от летящего ящика, но все же успел выстрелить, и оперение дротика чиркнуло по щеке Крула. В следующее мгновение Крул уже стоял возле Джарвиса. Увесистая оплеуха мутанта оторвала человека от земли и послала его в темный угол пещеры. Дротикомет полетел в сторону, а сам Джарвис, тяжело шлепнувшись на каменный пол, попытался тут же вскочить — благо на нем был защитный костюм, иначе подобный удар мутанта в два счета переломал бы ему все кости. Теперь Крул не спешил. О двоих напарниках Джарвиса он не волновался. По крайней мере, глухой удар и промелькнувшее мимо безвольное тело, шмякнувшееся о стену пещеры, подтвердило, что Делайла надежно прикрывает тылы. Крул нагнулся к сидящему подняться Джарвису, бесцеремонно ухватил его за шкуру, вздернул вверх и, оторвав от пола, мощно встряхнул, утрамбовывая тело бедняги внутри защитного костюма.

— Где девочка, гаденыш? — спросил мутант не предвещающим ничего хорошего голосом.

Даже в эту секунду к невольному уважению Крула Джарвис не потерял самообладания.

— Идиот тупоголовый! — прорычал он. — Ты не знаешь, во что вляпался! Мы все погибнем из-за вас. Я же предупрежд...

Крул не был расположен выслушивать подобные заявления в свой адрес. Он с силой впечатал Джарвиса в стену, от чего тот закатил глаза и застонал, испытывая боль во всем теле.

— Отвечай, придурок, где Маша! — вновь потребовал Крул.

В этот момент пес, обежав чудом устоявшую в потасовке бочку с лампой, метнулся вглубь пещеры и, усевшись там, призывно гавкнул. Крул, не отпуская Джарвиса, обернулся. Делайла без слов кинулась к собаке. Почти сразу же она обнаружила перекрывавший часть пещеры малозаметный полог, скроенный из грубой материи. Делайла не мешкая отдернула материю. Да что там отдернула! Она просто выдрала ее вместе с перекладиной, на которой была натянута эта перегородка, и выкинула ее в сторону.

— Старый блохастый предатель! — только и проскулил Джарвис.

Делайла скрылась в нише и вскоре вышла оттуда, держа на руках Машу. Рот у девочки был завязан куском материи, ноги и руки стянуты веревками. По округлившимся глазам девочки было видно, как она взволнована и в то же время рада появлению Делайлы. Крул считал за благо опустить отца Маши на землю, но покрепче перехватил его куртку, чтобы тот не вздумал выкинуть какой-нибудь фокус. Делайла поторопилась снять с девочки путы и вынуть изо рта кляп. Как только рот девочки оказался свободен, она, обхватив Делайлу за шею худыми ручонками, уткнулась той в плечо и заплакала.

— Я же сказала, что не оставлю тебя, — шептала Делайла, осторожно глядя девочку по спине. — Успокойся. Все закончилось.

Девочка всхлипнула, отстранилась от Делайлы и прошептала в ответ:

— А я верила, что ты придешь. С самого начала в вас верила. Еще тогда, когда вы первый раз пришли в поселок. И упросила деда, чтобы он попросил вас остаться.

— Вот как? — приятно удивилась Делайла.

Девочка посмотрела по сторонам и только тут заметила радостно скачущего у ног Делайлы пса.

— Пират! Ты жив! Ты вернулся! — закричала радостно девочка.

Делайла опустила ее на пол, и Маша стала гладить поскуливающего, словно щенка, старого пса. Тот встал на задние лапы, передними оперся девочке в грудь, став одного с ней роста, и стал облизывать ей подбородок и щеки, выражая свою радость. Конечно, все расслабились, наблюдая за этой умильной сценой. Сначала чудесное спасение, затем такая теплая встреча старых знакомых.

Скрипучий голос, послышавшийся от входа в пещеру, прозвучал как гром среди ясного неба:

— Джарвис, ты не предупреждал, что устроишь нам встречу с мутантами!

Джарвис испуганно дернулся, косясь на вход пещеры. Ошибиться насчет тех, кто на этот раз явился в пещеру, было попросту невозможно. Даже в слабом свете лампы тусклое сияние отполированных до блеска огромных доспехов выдавало принадлежность вошедших с головой. По краям входа в пещеру стояли два облаченных в энергодоспехи паладина Братства Стали. Ростом они могли соперничать даже с Крулом, что уж говорить о мощи, заключенной в сервоприводах, скрывавшихся под их силовой броней. Шлемы на паладинах отсутствовали, и торчащие из доспехов человеческие головы напоминали, что внутри стальных оболочек на самом деле находятся обычные люди. Великолепие паладинов лишь

оттеняло неброскую внешность стоявшего между ними закутанного в длиннополый плащ человека. И хотя он ни ростом, ни шириной плеч ни в какое сравнение не шел с паладинами, именно от него почему-то в первую очередь веяло угрозой и значимостью. Незнакомец был стар и седовлас. Козлиная бородка агрессивно торчала вперед на его худом подбородке, а тонкая шея терялась в складках балахона. Тяжелый капюшон, откинутый за спину, казалось, исполнял роль своеобразной подушки, поддерживающей старческую голову в вертикальном положении. Прищуренные, с поволокой, глаза, презрительно обводили взглядом пещеру. Паладины, как будто читая мысли старика, синхронно с его взглядом поводили стволами взятых на изготовление автоматических скорострельных пушек, готовые по малейшей его команде открыть огонь.

Крул понял, что в данной ситуации они с Делайлой не смогут оказать достойного сопротивления воинам Братства Стали. Кинуться сейчас на паладинов и старика было равносильно самоубийству. Оставалось только ждать дальнейшего развития событий. Старик тем временем остановил свой взгляд на девочке и с отвращением спросил:

— Это она, Джарвис?

Маша под тяжелым взглядом старика отошла к Делайле, отыскала огромную ладонь женщины-мутанта и протиснула в нее свою маленькую ладошку. Делайла ответила девочке мягким рукопожатием. Маша, не отпуская руку Делайлы, потянулась в сторону Крула и коснулась того свободной рукой. Крул посмотрел на девочку и, отпустив Джарвиса, позволил ей взять себя за ладонь. Пес прижался к ногам Маши и, оскалившись, глухо зарычал в сторону воинов Братства.

Джарвис, оказавшись на свободе, поспешил навстречу старику.

— Я все вам объясню! — торопливо заговорил он.

— И так все ясно, Джарвис! — брезгливо сморщился старик. — Она такое же проклятое мутантское отродье, как и эти двое! — гаркнул старик и вскинул руку: — А с мутантами у нас один разговор, — проскрежетал он зловеще и рубанул рукой вниз.

Джарвис, понимая, что сейчас должно произойти, кинулся к паладинам с криком:

— Нет! Только не ее! Это же моя дочь!

Но было поздно. Делайла, беспомощная что-либо сделать, понимала, что пули разорвут из всех на части, даже если она попытается закрыть девочку своим телом, и единственное, что она могла сделать для ребенка, это прикрыть ей глаза, чтобы та не видела смерти своего отца. Роторы пушек взвизгнули, раскручиваясь до рабочих оборотов, механизмы подачи ленты дернули медные змеи боеприпасов из заплочных рундуков, и своды пещеры наполнил грохот выстрелов, покотившийся гулким эхом все дальше и дальше из пещеры, отражаясь от стен, множась, снова складываясь и звуча все оглушительней. Тело Джарвиса подлетело в воздух, и в стороны полетели куски защитного костюма, который при всем желании не мог уберечь своего владельца. Преодолев жалкую плоть Джарвиса, свинцовые снаряды вырвались из огромных дыр в его теле и понеслись к стоящим у дальней стены мутантам и девочке.

Делайла заворожено смотрела, как тело Джарвиса вопреки всяким законам физики, будто повисло посреди пещеры. С каким-то отстраненным интересом она вдруг осознала, что может рассмотреть каждую проделанную снарядами дырочку в изуродованном теле человека, а в следующее мгновение Делайла вдруг поняла, что видит и сами снаряды, неподвижно повисшие между ней и телом Джарвиса. Затем и вовсе стало твориться что-то невообразимое. Стены пещеры неуловимо изменились. Свет лампы померк, паладины

сьежились во мраке и вдруг вместе со стариком исчезли. Делайлу обступила крошечная тьма. Вот, значит, какова смерть — отстранено подумала она. Но ведь Делайла даже не помнила, как умерла! Это что — подарок судьбы: не запомнить, как тебя кромсали пули, прежде чем умереть? Если так — то правы те, кто утверждает, что смерть — это лишь полное забвение своей прошлой жизни.

Но тут Делайлу внезапно кто-то нетерпеливо дернул за руку и голосом Маши произнес: — Скорее, бежим отсюда! Мы должны вернуться в поселок.

Делайла вздрогнула от неожиданности и прямо таки обомлела на месте, только сейчас сообразив, что продолжает сжимать руку девочки и та усиленно тянет ее куда-то вперед. Не задумываясь, как такое возможно, Делайла безропотно подчинилась.

— Крул, ты здесь!? — лишь позвала она.

— Здесь! — тут же откликнулся мутант.

По мере того, как она шла за девочкой в темноту, впереди забрезжил серый свет, и вскоре можно уже было различить знакомые по спуску в пещеру стены каменного коридора. Как оказалось, Маша умудрялась тянуть за собой не только Делайлу но и столь же растерянного Крула. Впереди, негромко поскуливая, бежал пес, то и дело оборачиваясь на мутантов и девочку. Паладины, старик и Джарвис со своими подельниками исчезли без следа, будто их никогда и не было в пещере. Делайла подхватила Машу на руки и бросилась вверх по коридору вслед за собакой. Выяснить, сон это или явь, они будут потом.

Перед самым выходом из пещеры Маша вдруг закричала:

— Стойте! Мы должны вернуться, иначе мы не сможем найти дорогу в поселок!

— Что значит вернуться? Куда? Назад в пещеру? — опешила Делайла.

Вместо этого девочка, извиваясь, заставила поставить себя на пол коридора и, как и ранее, насильно взяла мутантов за руки.

— Пират, ко мне! — закричала Маша.

Пес послушно подбежал и прижался к ногам девочки, преданно смотря ей в лицо. Поглощенные сосредоточенным личиком Маши и ее странным поведением, мутанты не заметили, как стены пещеры вновь неуловимо изменились, а впереди скачком потускнел свет. Крул и Делайла не успели опомниться, как Маша вновь потянула их вверх вслед за несущимся на всех парах псом. И было ведь отчего убегать! Где-то позади в пещере внезапно послышалось гроыхание тяжелых шагов и раздраженная ругань старика, пробирающего растерянных паладинов:

— Куда они могли подеваться, я вас спрашиваю, олухи!

— Не могу знать сэр, — бубнил, видимо, один из паладинов. — Наверное, где-то в пещере есть скрытый проход...

— Мы ищем этот проход уже целый день! Вызовите подкрепление и обыщите здесь все. Два огромных мутанта — это же не иголка в стоге сена!

По мере того, как мутанты поднимались к выходу из пещеры, голоса отдалились и смолкли. Как такое могло произойти и как им удалось миновать паладинов, незаметно для них оказавшись в коридоре, ни Крул, ни Делайла не могли взять в толк. Чудеса да и только. Видимо, только Маша знала, что произошло на самом деле, но расспрашивать ее сейчас об этом не было времени. Нужно было как можно скорее убираться из этого места.

Оказавшись на поверхности, они совсем неожиданно для себя выбежали в ночь. Иглы скал готовы были проколоть раздутый шар полной луны, повисший на звездном небе, а прохладный ночной ветер после душного воздуха пещеры заставил мутантов поежиться от

холода.

Внезапно из мрака перед входом в пещеру им в глаза ударил ослепительный свет. Послышался лязг металла и скрип амуниции. Крул среагировал мгновенно, оттолкнув Делайлу и девочку за пределы освещенного пространства, а сам бросился напрямик на свет. Напротив входа в пещеру оказалась припаркована машина Братства. Видимо, водитель до сих пор сидел в салоне, потушив фары и ожидая, когда старик и паладины вернутся на поверхность, а заведя вместо них выбравшихся из пещеры мутантов, решил задержать их и включил фары.

Размышлять, успел ли водитель предварительно предупредить тех, кто оставался в пещере, у мутанта не было времени. Ориентируясь лишь на два ослепительных огня фар, полуослепший Крул наугад прыгнул, выставив вперед согнутое колено. Его расчет оправдался. Водитель как раз начал выбираться из машины, и колено мутанта врезалось в распахнутую дверцу. Удар был столь мощен, что у Крула загудели кости, отдавшись болью в позвоночнике и основании черепа. Сравнительно легко экипированному по сравнению с паладинами водителю повезло несколько меньше. Тяжелая бронированная дверь от удара с лязгом захлопнулась, едва его не прихлопнув. От толчка он полетел назад, выронив забренчавшее по камням оружие. После ослепительного света фар Крул не мог различить, где теперь находится его враг. Мутант на полусогнутых ногах, все еще чувствуя в колене боль от удара, встал в боевую стойку и стал лихорадочно вглядываться в темноту. Он едва не прозевал опасность, так как, воспользовавшийся его заминкой, воин Братства вскочил на ноги и бесстрашно бросился из темноты на мутанта. Только блеск обнаженного кинжала, мелькнувший в темноте, предупредил Крула, откуда исходит угроза. Мутант едва успел выгнуться назад, ощутив подбородком ветерок от беззвучно рассекшего воздух клинка. Противник Крула оказался облачен в тот самый злосчастный костюм разведчика. Сколько крови испортили эти гады, в ходе диверсионных рейдов вырезавшие целые подразделения мутантов, прежде чем их удавалось обнаружить и ликвидировать! Крул призвал на помощь все свое умение, прекрасно понимая, что его габариты сейчас лишь мешают ему в схватке, предоставляя возможность более гибкому и проворному противнику почти наверняка наносить свои удары.

Но схватка кончилась так же неожиданно, сколь стремительно она началась. Какая-то огромная сила подняла разведчика Братства в воздух и метнула на кузов машины. Тяжело шмякнувшись об броню, человек медленно сполз на землю и затих. Из мрака позади него показалась Делайла.

— Слишком долго возишься, рядовой Крул, — шутливо заметила она. — Давай убираться отсюда, пока на шум не сбежались друзья этого доходяги.

Крул, все еще находясь под впечатлением от скоротечной схватки, едва сдержался, чтобы чисто инстинктивно не рявкнуть в ответ "Есть, сэр, мастер-лейтенант!"

Машина Братства пришлась как нельзя кстати. Теперь было очевидно, что рано или поздно старик и паладины догадаются, что мутанты как-то выбрались из пещеры. Если их не предупредил водитель по радиосвязи, то они уж точно почуют что-то неладное, когда попытаются сами выйти с ним на связь. И так как по-тихому ускользнуть все равно не получалось, воспользоваться машиной Братства было наилучшим способом побыстрее добраться до поселка. Крул не без усилия распахнул дверцу, которую до этого так смачно захлопнул, и втиснулся на слишком тесное для него водительское кресло. Голова мутанта упиралась в потолок, а колени едва не касались приборной доски. Делайла поместилась на

заднем сиденье, а Маша устроилась рядом с ней. Пират пристроился на переднее сиденье рядом с Крулом. Только для пса там и осталось место — локти Крула торчали далеко в стороны, и кто другой кроме собаки просто не смог бы поместиться рядом с мутантом.

Ключ зажигания оказался воткнут в скважину под рулевой колонкой, и его не пришлось искать на теле водителя. Мутант завел машину и медленно стронул ее с места. Движок у автомобиля был не тихоня, и Крул лишь скривился, понимая, что этот звук наверняка прекрасно слышен внутри пещеры. Но теперь это уже не имело значения. Вспоминая дорогу, которой они пришли сюда, он стал выворачивать тяжелую машину, стараясь не наехать на торчащий камень или не попасть на осыпь, чтобы не съехать на ней в овраг.

Бросив взгляд в зеркальце заднего вида, Крул увидел, как вход в пещеру осветился ярким светом и из него выскочил старик, а следом за ним появились паладины, на доспехах которых сияли зажженные фонари. Старик что-то кричал, показывая рукой на скачущие в темноте стоп-сигналы удаляющегося автомобиля, и паладины открыли по беглецам огонь. Пули завизжали вокруг, впиваясь в скалы, выбивая искры из гравия и взметая фонтанчики пыли у самых колес машины, но беглецам везло, и вскоре машина уже петляла среди торчащих из земли каменных глыб, скрывшись из поля зрения стрелков.

Машина уверенно держала дорогу, и единственным неудобством для Крула, как впрочем и для Делайлы было то, что всякий раз, когда автомобиль подпрыгивал на очередной неровности дороги, оба мутанта чувствительно упирались макушками в потолок кабины. Крул не то чтобы был первоклассным водителем, но минимума навыков, позволявших ему воспользоваться в бою в случае крайней необходимости практически любым транспортным средством, было достаточно, чтобы он смог развить приличную скорость. Конусы света, вырывающиеся из фар, скакали над дорогой, то взлетая в ночной горизонт, то упираясь в встававшую дыбом землю, и в эти моменты мутант умудрялся как-то сообразить, двигается ли он в правильном направлении. Каменистая почва сошла на нет, потянулась знакомая степь, и машина пошла ровнее. Вскоре машина пересекла натопанную тропинку, ведущую к поселку, и Крул облегченно вздохнул, поняв, что, придерживаясь прежнего пути, мог бы запросто промахнуться мимо поселка. Свернув параллельно тропе, он повел машину на редкую россыпь огоньков, обозначающую притаившееся в ночи селение.

Оказалось, в поселке никто не спит. Как только машина вкатилась на главную улицу, ее обступили жители, держащие в руках зажженные лампы и факелы. Через столпившихся людей к машине стал проталкиваться Вильямс. От него не отставали Майлз и Дженкинс. Они подоспели как раз во время, когда, открыв дверь, из машины выбрался Крул.

— Где девочка!? Вы нашли ее? — нетерпеливо выкрикнул Вильямс, встав в свете фар автомобиля.

Крул лишь мотнул головой на заднюю дверь машины, из которой уже выбиралась Делайла. Следом за ней показалась Маша, и едва оказавшись снаружи, бросилась в объятья деду. Обезумевший от счастья старик подхватил ее на руки и прижал к себе. Расцеловав внучку, он слезящимися глазами с благодарностью посмотрел на Делайлу и Крула. Выбравшийся последним из кабины Пират взобрался на капот машины и принялся вовсю вилять хвостом, давая сто очков вперед по жизнерадостности любому молодому псу. Ведь его заслуга в освобождении девочки была ничуть не меньшей, чем мутантов.

— Деда! — закричала Маша, сильнее обнимая Вильямса за шею.

— Ну все, все. Теперь ты дома, Маша, — похлопал дед внучку по спине. Он вновь перевел взгляд на мутантов и негромко спросил: — Где Джарвис?

— Он мертв, — глухо отозвался Крул.

— Вы его..., - начал было погрузневший Вильямс, крепче обнявший напрягшуюся Машу.

Но Делайла поторопилась ответить, покачав головой:

— Нет, его убили воины Братства.

— Братства Стали!? Откуда они там взялись!? Что им от него было нужно?

Крул пожал плечами.

— Мы не знаем. Они явились как раз тогда, когда мы нашли Машу. Хотели убить нас всех, но Джарвис в последний момент бросился на них, чтобы помешать и... дальше я плохо понимаю, что произошло. Затем мы угнали машину и прибыли сюда.

— И теперь воины Братства наверняка знают, куда мы отправились. Надо немедленно уходить отсюда. — дополнила Делайла. — Скоро они будут здесь и тогда нам несдобровать!

Старик покачал головой:

— Вот значит, откуда у Джарвиса экипировка, — Вильямс прямо посмотрел на Делайлу. — Нам негде скрыться. Нас все равно найдут.

Девочка отстранилась от деда и восторженно закричала:

— Деда! Я смогла скакнуть! Я смогла скакнуть туда и вернуться обратно! И мистер Крул с мисс Делайлой были со мной все время!

— Что!!!? — лицо старика изменилось и стало неожиданно серьезным. За всей той суматохой, когда мутанты отвоевывали машину, потом неслись на ней в поселок, у них как-то из головы вылетело, при каких обстоятельствах им удалось ускользнуть от воинов Братства. Сейчас они понимали, что произошедшее в пещере и вот теперь слова девочки, наверняка напрямую касающиеся того странного события, являются не менее значимыми для Вильямса, чем само возвращение его внучки домой.

— Ты уверена, Маша? — так же серьезно, как будто он разговаривал сейчас не с ребенком, а с взрослым человеком, спросил Вильямс.

— Ну конечно, деда. Я все запомнила и могу скакнуть снова хоть сейчас!

Вильямс испытующе посмотрел на мутантов. Признаться честно, те никак не могли взять в толк, о чем, черт возьми, идет речь! Что-то очень важное ускользало от их разума. Что-то, что, возможно, могло объяснить все те странности, с которыми мутанты столкнулись в последнее время.

Вильямс, продолжая держать на руках девочку, развернулся лицом к селянам и громко крикнул, чтобы услышали все собравшиеся:

— Случилось то, чего мы даже не надеялись дожидаться. У нас проявился еще один шанс обрести новую жизнь! Мы должны им воспользоваться, так как другого случая, боюсь, нам не представится, — старик перевел дух. — Вы знаете, что должны делать. Берите с собой только самое необходимое. То, что приготовили заранее, как мы с вами когда-то решили. Выводите домашнюю скотину, собак, птицу. Будите детей и смотрите за ними в оба, чтобы они не разбежались. Больных и немощных выносите на носилках! — Вильямс отыскал взглядом Смита: — Мистер Смит, позаботьтесь об этом. — Смит кивнул и не дожидаясь окончания речи старейшины стал продираться из толпы в направлении своей мастерской, а Вильямс продолжил: — Торопитесь, но не создавайте сумятицы и не мешайте друг другу. Верьте мне. Мы никого не забудем и не оставим! Оказывайте друг другу помощь. Собираемся возле моего дома! Все слышали!

Толпа одобрительно загудела и стала поразительно быстро рассеиваться. Жители

бросились к своим домам если не бегом, то стремительным шагом.

Делайла подошла к Вильямсу и схватила его за плечо:

— Что все это значит? Что здесь происходит? Вы же только что сказали, что вам некуда идти. Ладно, пускай я чего-то не понимаю. Но на долгие сборы нет времени. Надо быстрее покинуть поселок и уйти как можно дальше!

— Слишком долго все объяснять, — покачал головой Вильямс. Он по очереди пристально посмотрел в глаза обоим мутантам. — Доверьтесь мне. Если можете, помогите людям согнать скот к моему дому и вынести вещи. От этого напрямую зависит, получите ли вы то самое вознаграждение, которое я вам обещал в нашу первую встречу!

Вильямс развернулся и заторопился к своему дому, оставив остолебеневших мутантов стоять возле машины. Маша напоследок крикнула им:

— Пожалуйста, сделайте, как говорит дед! Очень вас прошу!

— Вы как хотите, а я помогу им, — сказал Майлз. — Смит попросил меня вынести из мастерской тот самый рюкзак с инструментами. И еще помочь с носилками.

Майлз растворился в темноте, и мутанты остались одни. Поселок наполнился суесящими людьми. Отовсюду раздавалось мычание разбуженных браминов, сонное кудахтанье птиц и раздраженный лай собак. Люди в одиночку и парами тащили те самые свертки с вещами, которые ранее заметила в их домах Делайла, кто-то тянул за бечеву упирающегося брамина, кто-то пинками направлял стаю пьяных от сна гусей, чтобы те ненароком не разбрелись по округе. В общем, все были заняты делом. Сами мутанты оставались не при деле совсем немного.

К Делайле подскочил растрепанный Дженкинс и извиняющимся тоном попросил:

— Мисс Делайла, не могли бы вы мне помочь вынести мои книги? Я бы сам, конечно, но их так много, и я боюсь, что не успею, а ведь эта библиотека — моя единственная ценность!

Дженкинсу Делайла не могла отказать и, отчаявшись понять, что же на самом деле происходит в поселке, махнула рукой и отправилась следом за спешащим священником. Крул раздумывал, не пойти ли ему вместе с ней, когда заметил, как в хлеву, находящемся через дорогу как раз напротив того места, где стоял мутант, какой-то старик безуспешно пытается выпроводить из стойла надрывно мычащего брамина. Не долго думая, Крул засучил рукава и бросился на помощь. Протиснувшись вглубь хлева мимо с подозрением косящего на него брамина, мутант жестом показал старику, что хочет сделать, и тот, натянув бечеву, радостно кивнул:

— О" кей, сынок, ты только ее подтолкни как следует, а дальше я уж сам.

Крул, все-таки опасаясь, что брамин может и лягнуть его, примерился и толкнул животное плечом под ляжки. Брамин взревел, взбрыкнув копытами, и резво выбежал из стойла, напоследок окатив мутанта обиженным взглядом. Старикашка оказался проворным, и упираясь ногами в землю, повис на веревке и пронзительно заголосил:

— Давай, милая! Давай!

Крул хлопнул брамина по заду и дело пошло справнее. Как только мутант разобрался с этим делом, немедленно подвернулось новое. Муж выводил из соседнего дома беременную жену. Та охала и жаловалась, а муж оглядывался по сторонам, высматривая, нет ли где поблизости помощников с носилками. Было видно, что мужчина разрывается между тем, чтобы кинуться на поиски носильщиков, и тем, чтобы остаться при жене и продолжить успокаивать ее. Крул подошел к ним и, встав на одно колено перед беременной женщиной,

спросил, изобразив на лице максимально располагающее выражение лица, на которое был способен.

— Вы позволите помочь вам?

Мужчина еще не сообразил, что предлагает мутант, но как видно жена его соображала чуть быстрее и, благодарно улыбнувшись мутанту, кивнула головой.

— Ты уверена, дорогая? — спросил мужчина, все еще не верящий в то, что огромный и на вид неуклюжий гигант не причинит его жене вреда. Женщина кивнула, успокаивающе посмотрев на мужа, и тронула мутанта за руку, побуждая его действовать.

Крул осторожно обхватил одной рукой женщину за спиной, другой под колени, и поднял вверх, в то же время не позволяя ей давить коленями самой себе на живот. Даже для Крула было тяжело так нести женщину. Наверняка у нее была двойня, а то и тройня, весело подумал про себя мутант, пока нес ее к дому Вильямса. Сбоку, стараясь не отставать и продолжая успокаивать жену, вприпрыжку бежал ее муж.

Донеся женщину до дома старейшины, Крул усадил ее на предусмотрительно расстеленное ее мужем на земле покрывало. Выслушав с их стороны слова благодарности, мутант огляделся по сторонам, прикидывая, кому бы еще предложить свою помощь. К этому времени возле дома Вильямса творилось нечто, напоминающее растревоженный муравейник. Между мычащими, лающими и крякающими животными сновали люди, раскладывая вещи, приструнивая детей, находящих в любой ситуации повод побаловаться, укладывая носилки со стариками и больными. Спорили и даже ругались, но все равно сообща стаскивали вещи вместе, затем вновь, как муравьи разбегались по поселку. Но в основном сборы подходили к концу. Крул заметил Делайлу, вышагивающую видимо уже с не первой связкой книг. За ней, едва поспевая, шел пыхтящий Дженкинс со старинной каской на голове, неся в одной руке футляр со своей бесценной аркебузой, а в другой скрипку. С противоположной стороны поселка показались Смит и Майлз, несущие на носилках старую женщину. За всем этим из распахнутого настежь окна мансарды при свете пылающих факелов и фонарей следил Вильямс, изредка отдавая сверху громким голосом указания. Маша вместе с псом Пиратом стояла на верхних ступеньках крыльца и восторженно следила за разворачивающимся столпотворением.

Когда сборы наконец закончились, на горизонте уже забрезжил рассвет. Уставшие от бессонной ночи люди, с покрасневшими глазами и темными кругами под ними, валились с ног. К тому времени Вильямс спустился вниз и, встав вместе с Машей в центре стихийно образовавшегося лагеря, призвал всех к вниманию. Люди теснее собрались вокруг старейшины, приготовившись слушать, что он скажет.

Вильямс поднял Машу на руки так, чтобы ее всем было хорошо видно, и приготовился начать, но тут вдалеке послышался рев двигателей, и старик так и не успел ничего сказать. В отличие от многих, Крул и Делайла сразу же узнали эти звуки.

И зачем только Вильямс потратил столько времени на эти дурацкие сборы, вместо того, чтобы давно уже увести всех людей из поселка, чтобы затаиться хотя бы в том самом заброшенном убежище, что обнаружил Крул. Там места хватило бы всем. Да, с собой пришлось бы взять только самое необходимое — запас воды и пищи на какой-то срок, возможно еще теплые одеяла и медикаменты, а все остальное, включая домашних животных, пришлось бы бросить. Но так они могли бы переждать какое-то время, а потом вернуться назад, когда угроза минует, и может быть, им повезло бы — поселок не сожгли бы, а

животные не успели бы передохнуть с голода! Так думали мутанты, тоскливо наблюдая, как транспортеры и боевые машины Братства въезжают на центральную улицу поселка и занимают позиции на его окраинах. Крул переглянулся с Делайлой. Еще оставался мизерный шанс воспользоваться угнанной машиной и выскользнуть из кольца!

Крул пробился сквозь тесную толпу к Вильямсу, за ним потянулась Делайла, понявшая, что решил предпринять мутант.

— Вильямс, ради Бога, дайте нам спасти хотя бы девочку! — выпалил Крул. — Мы сможем на машине вырваться из поселка, пока воины Братства еще не полностью его окружили.

— В этом нет необходимости, — невозмутимо покачал головой Вильямс и крикнул на всю толпу, отвлекая людей от наблюдения за тем, как из транспортеров посыпались закованные в броню солдаты:

— Сомкнитесь теснее, возьмитесь за руки! Держите крепче своих детей и по возможности обхватите руками свои вещи, если не можете их поднять. — Вильямс строго посмотрел на мутантов, которые в ответ смотрели на старика, как на сумасшедшего. — Вас это тоже касается! Или вы хотите остаться один на один с паладинами!?

Что-то в словах или интонации голоса Вильямса заставило Делайлу и Крула беспрекословно подчиниться старику. Тут же люди, находившиеся вокруг них, теснее встали рядом, прижавшись плечами к мутантам. Кто-то положил, ничуть не смущаясь, руки им на запястья. Крул, следуя примеру людей, на всякий случай обхватил Делайлу за талию, и та не возражала, хотя в другой обстановке наверное сломала бы ему руку за такую вольность. Свободную руку Крул подал стоявшему рядом Майлзу, а тот в свою очередь ухватился за плечо Вильямса. Люди старались по возможности поднять свои вещи, а что не удавалось удержать, навьючили на браминов. Одновременно они пытались удержать на месте ничего не понимающих животных. Кто брал брамина за хвост, кто запускал пятерню в коробку с цыплятами. Гусей, стараясь не придушить, просто брали за шеи по несколько штук в одну руку и так держали, терпеливо снося их брыкания. Собаки благодаря своей сообразительности сами, инстинктивно понимая, что происходит что-то экстраординарное, жались к ногам хозяев. Не исключением был и Пират, пристроившийся у ног Вильямса.

Солдаты не торопились подходить к столпившимся возле дома старейшины людям. Они не спеша разбредались по окраинам поселка, лениво занимая позиции охраны. Часть из них, образовав небольшую группу, с расчехленным оружием наперевес и под предводительством уже знакомого мутантам старика в балахоне неспешно направились в сторону собравшихся людей. И в самом деле, с чего это им торопиться — с горечью констатировала Делайла. Со стороны сблище селян, должно быть, выглядело, как стая сбившихся в кучу испуганных овец, покорно ожидающих, когда волки перестанут кружить вокруг и кинутся раздирать их на части. И что обидно — она, боевой офицер Мастера, была одной из этих безмозглых овец, доверившихся словам слабоумного старика. Как глупо вот так погибнуть, ничего не предприняв для своего спасения!

От невеселых мыслей ее отвлек крик Вильямса:

— Все готовы!? — в ответ раздался нестройных гомон голосов, подтвердивший, что люди уже давно чего-то ждут. — Тогда приготовьтесь и с Богом!

Делайла не понимала, к чему тут следует готовиться. То ли начать как-нибудь по-особому молиться, чтобы под паладинами не с того ни с сего разверзлась земля, то ли приготовиться броситься на колени перед военными, моля их о пощаде? Ее больше занимало

наблюдение за воинами Братства. Солдаты остановились неподалеку, и старик в балахоне, подбоченясь, скрипучим голосом выкрикнул:

— Отойдите от мутантов, вы, деревенские ослы! Даю вам минуту, чтобы вы убрались с глаз моих долой. По истечении этого срока я прикажу открыть огонь, и, уж поверьте, мне безразлично, скольким из вас не повезет, и он ляжет здесь, месте с этим мутантским отродьем! — Старик, довольный, как это он ловко захлопнул ловушку, деловито щелкнул пальцами и указал на торчащую над толпой Машу, которую ее дед зачем-то поднял еще выше: — И эту девчонку тоже оставьте...

Старый воин Братства говорил что-то еще, но Делайла вдруг почему-то перестала его слышать. Губы старика беззвучно шевелились, но тут замерли в искажившейся от безмерного удивления гримасе, а затем глаза старика, как впрочем и всех собравшихся вокруг него солдат полезли на лоб. Некоторые солдаты стали поднимать оружие, передергивать затворы, раскручивать вертушки скорострельных пушек, но все это против обыкновения происходило совершенно беззвучно. Потом на глазах у изумленной Делайлы силуэты солдат стали бледнеть, а вместе с ними прозрачными становились и силуэты стоящих вдоль улицы домов поселка. Сквозь них можно было увидеть еще более странные метаморфозы, происходящие с окружающим ландшафтом. Редкая болезненная трава, напоминавшая своим видом плешистый, съеденный молью, заплеванной и истертый половик, вдруг распушилась густой зеленью, полезшей из земли вместо чахлой растительности, превращаясь в густой, колышущийся на ветру мягкий ковер, на котором то тут, то там стали проступать причудливые узоры из распускающихся прямо на глазах полевых цветов. Сухое дерево, стоящее неподалеку от уже совершенно исчезнувшего дома Вильямса, брызнуло из кончиков безжизненных ветвей стружкой молодой листвы, и прежде чем возникшая как по волшебству густая крона успела скрыть измученный радиацией ствол, Делайла успела заметить, как древесина плывет и шевелится, словно живая, выпрямляя изломанные ветви. И в довершение всего этого из-за горизонта, словно ему дали хорошего пинка, с невероятной скоростью вылетело солнце и резко затормозив, заколыхалось в зените, как подвешенная на вбитом в небо гвоздике какая-нибудь декоративная тарелка, обдавая кожу непривычно ласковым теплом.

Собравшиеся люди шумно вздохнули. А поразиться ведь было чему. Вокруг ни осталось и следа от поселка. Разве что некоторые раскидистые деревья находились как раз там, где в исчезнувшем поселке стояли их чахлые собратья. Вокруг расстилался огромный луг, покрытый высокой сочной травой. Неподалеку, у кромки луга шумел запутавшийся в листве тенистого леса несильный ветерок. Кромка леса нависала над небольшим обрывом, который плавно переходил в пологий песчаный берег небольшой речушки, дугой огибающей уходящую к холмам равнину. Над всем этим разносился щебет птиц и стрекот кузнечиков. Солнце замерло под куполом пронзительно голубого неба, кое-где живописно запачканного белыми пятнышками небольших облачков. Солдаты Братства и их боевая техника также исчезли без следа.

Люди таращились на это чудо, вертя головами в разные стороны, но не решаясь сойти со своих мест. Благоговейное безмолвие вдруг нарушило совершенно обыденное мычание брамина, который, как ни в чем не бывало, опустил голову и стал безмятежно щипать сочную траву. Только теперь люди осознали, что виденное ими вокруг не сон, а реальность. Они без сил валились в траву, вытягивались на ней в полный рост и с наслаждением вдыхали полной грудью насыщенный летней свежестью чистый воздух. У многих на глазах

выступили слезы. Взрослые люди, уподобившись детям, ползали на коленках по лугу, ощупывая траву и с восхищением разглядывая цветы, распугивая обосновавшихся на них разнообразных насекомых.

Вильямс опустил Машу на землю и, взявшись за руки, они вместе подошли к мутантам и стоящему рядом с ними Майлзу.

— Признайтесь, такого, — Вильямс, сияя широкой улыбкой, обвел руками простирающуюся вокруг природу, — вы не ожидали увидеть.

— Где мы, Вильямс? Куда делся поселок? — нахмурившись, спросила Делайла. Когда она не могла связать концы с концами, то всегда вот так хмурилась, и Крул прекрасно знал это ее выражение лица, возникавшее всякий раз, когда кто-то обходился с Делайлой, как с дурой, не способной что-либо понять.

— Сложно сказать, — задумался Вильямс. — Мы здесь, а поселок остался там. А где это место находится точно — мне неизвестно. Главное, мы уже не там, где были прежде.

— Я скакнула и забрала всех сюда! — выступила с гордостью Маша. — Как тогда, в пещере!

— Лучше я расскажу вам все с самого начала, — поспешил упредить готовые посыпаться на него вопросы Вильямс. — Тем более, вы имели полное право узнать все сразу же, как только вернули Машу. Но тогда, в поселке на это не было времени, а сейчас у нас его предостаточно и никто уже не помешает нам.

— Да уж, постарайтесь, — невесело проворчала Делайла. — Мы уже устали от постоянных недомолвок.

Старик не обиделся, лишь грустно улыбнулся, видимо вызывая в памяти то, что хотел бы забыть и не вспоминать никогда, но без чего его рассказ мог бы оказаться неполным или звучал недостоверно. Вильямс наклонился к Маше и негромко сказал ей, но мутанты все же слышали:

— Маша, разреши мне немного поговорить с мистером Крулом, мисс Делайлой и мистером Майлзом с глазу на глаз? Хорошо?

Девочка явно хотела остаться, но мягкой просьбе деда подчинилась и, кликнув с собой Пирата, отошла в сторонку поглазеть на кружащих над лугом бабочек. Пират тут же принялся гоняться за насекомыми, и девочке ничего не оставалось, как последовать вслед за резвящимся псом. Когда Маша отошла на порядочное расстояние, впрочем, находясь в поле видимости деда, Вильямс предложил расположиться на траве, так как его рассказ мог оказаться долгим, и все это время стоять, по крайней мере, ему было в тягость. Пока люди вокруг развязывали узлы, ставили палатки, готовили место для костра и вообще поначалу как-то осваивались на неизвестном месте, Вильямс стал рассказывать:

— Когда вы обвинили меня во лжи, утверждая, что наши предки никогда не смогли бы воспользоваться убежищем, чтобы пережить войну, так как оно было разрушено, вы, конечно же отчасти были правы. Но и я, утверждая, что мы являемся выходцами из того самого разрушенного убежища, по большому счету, не кривил душой. Часть из нас, но не все — жители того самого города, который вы, мистер Крул, наверняка заметили рядом с убежищем. — Крул согласно кивнул и Вильямс продолжил: — Теперь от города ничего не осталось. Да вы и сами видели, что с ним стало. Развалины, да и только. Ни одного уцелевшего здания. Там до сих пор, спустя много лет, все еще горячо, если вы понимаете, что я имею в виду. Когда я сказал, что часть из нас является жителями этого города — я не оговорился. Может это вам покажется невероятным, но мы и есть те самые люди, которые

несколько десятков лет назад, спасаясь от ударов ракет, укрылись в убежище. — Вильямс заметил вытянувшиеся лица слушателей и позволил себе улыбнуться: — Да, да, вы не ослышались. Мы те самые горожане, пережившие войну и все еще помнящие, как выглядел мир до нее. Вы думаете, как такое возможно? Не буду торопить события, и если вы наберетесь терпения и выслушаете меня до конца, то все поймете. Сейчас только примите на веру тот факт, что я и многие здесь родились задолго до войны и не случись с нами чуда — мы все были бы давно мертвы, — Вильямс грустно усмехнулся. — Когда под вой сирен мы эвакуировались в убежище, никто из нас и не думал дожить до этих времен. Мы приготовились к тому, чтобы провести остаток жизни под землей. Средства массовой информации, нагнетавшие истерию вплоть до самого последнего момента, только и делали, что с каким-то садистским азартом живописали последствия ядерных ударов: загрязненная почва, отравленная вода, все живое вымирает, а разбушевавшиеся природные стихии уничтожают тех, кому посчастливилось пережить пекло и радиацию, стирая с поверхности земли последние признаки цивилизации. В убежище все было готово, чтобы пережить нам и нашим детям и детям наших детей эти страшные годы, а затем когда-нибудь, когда условия на поверхности придут в норму, покинуть подземелье и попробовать вновь наладить жизнь. Казалось, нам повезло. Нас вовремя оповестили, и мы успели укрыться за толстыми стенами убежища задолго до того, как первые бомбы упали на город. Мы закрыли за собой герметичные люки и полностью отгородились от поверхности, перейдя на автономный цикл жизнеобеспечения. Первое время даже воздух должен был браться не снаружи, а из резервуаров со сжиженным кислородом, так как проектировщики убежища не гарантировали, что фильтры, стоящие на внешних воздухозаборниках, справятся с волной радиоактивной пыли, которую на первые несколько суток поднимут в атмосферу ядерные взрывы. По расчетам ученых, примерно в течение месяца пыль должна осесть, и как раз на этот срок и должно было хватить запасенного кислорода. Кто тогда знал, что этот запас в сочетании с роковым стечением обстоятельств приведет к катастрофе? Утверждалось, что убежище безопасно даже в случае, если ядерный взрыв произойдет практически в непосредственной близости от него. Похороненное за тоннами горной породы, оно устоит, и вывести его из строя сможет разве что прямое попадание бомбы в то самое место, под которым оно располагается. Сказал бы я пару ласковых тому, кто утверждал это. Наше убежище, как какая-то картонная коробка, сотрясало и стонало, когда сверху посыпались бомбы. Пару раз нас тряхнуло так, что казалось, вот-вот все бетонное сооружение лопнет по швам и развалится на куски прямо под землей. Но мы все еще верили, что ученые правы и этого не произойдет. Не знаю, может быть, кто-то ошибся при проектировании, а может и вправду убежище оказалось в опасной близости от эпицентра взрыва, или может просто близкий взрыв спровоцировал сейсмическую активность в зоне, где оно находилось, так как какой-нибудь идиот из числа геологоразведчиков, отвечавших за выбор места под строительство, не удосужился все до конца проверить, но факт остается фактом — на нижних горизонтах, как раз там, где хранились при повышенном давлении и низкой температуре резервуары сжиженного кислорода, произошел сдвиг скальных пород, раздавивших бетонную коробку убежища, как яичную скорлупу. Запасы топлива, необходимые для приведения в действие аварийных электрогенераторов, по трагическому стечению тоже хранились на тех самых нижних горизонтах. Конечно, топливо и кислород хранили по отдельности во избежание возникновения взрывоопасной смеси вследствие возможных утечек. Но ведь природу не призовешь к соблюдению техники безопасности. Что

ей всякие умные расчеты высоколобых, дававших почти стопроцентную гарантию от возникновения подобной аварии. Хранилища на нижних горизонтах лопнули, и то, что положено хранить по отдельности и ни при каких обстоятельствах не допускать к смешиванию, перемешалось в один миг, превратившись во взрывоопасный коктейль. Может, не находись там этот чертов кислород — ничего бы непоправимого бы и не случилось. Ремонтная команда заблокировала бы расколотые нижние горизонты, а нам бы оставалось положиться на внешние фильтры, уповая на то, что они не дадут проникнуть в убежище радиоактивной пыли. Но все вышло иначе, и техперсонал на нижних горизонтах погиб моментально. Для детонации образовавшейся гремучей смеси хватило и одной искры. А этого добра там было предостаточно, когда в лепешку было смято все электрическое оборудование, и оборванные силовые кабели сочились целыми водопадами искр. Рвануло так, что я еще удивляюсь, как все убежище целиком не вылетело из-под земли наружу! Я сам видел, как ревящее пламя, будто ненасытное животное, несло по коридорам, моментально проникая во все щели, заполняя комнаты и отсеки, и практически мгновенно выжигая там все, что способно было гореть: даже металл — и тот не просто плавился, а сгорал, как бенгальский огонь. Люди в панике бежали на еще не охваченные пожаром горизонты. Огонь распространялся очень быстро и к тому же одновременно на нескольких горизонтах, так как взрывом разрушило несколько межуровневых перекрытий. Некоторые помещения превращались в безвыходные ловушки, в которых гибли угодившие в них несчастные. Естественно, люди не успевали спастись в немалой степени и из-за паники, возникшей сразу же после аварии. В такой ситуации иногда приходилось поступать жестоко, но иначе спастись никому бы не удалось. Люди, оказавшиеся в еще не охваченных огнем частях убежища, принялись вручную, так как автоматика, рассчитанная как раз на такие случаи, просто не сработала, закрывать герметичные переборки, отсекая горящие секции. Да, это было жестоко по отношению к тем, кто оставался по другую сторону. Их крики и проклятия доносились до нас вплоть до того момента, пока не растворялись в реве бушующего за стальными дверями пламени. Металл переборок моментально раскалялся до темно вишневого свечения, и к нему невозможно было даже прикоснуться. Вскоре в коридоре становилось невыносимо жарко и нам приходилось отступать из него, заdraивая за собой все новые и новые двери. Если кто-то не успевал это сделать, понадеявшись, что металл сдержит пламя, то расплачивался за это жестокой ценой, когда прогоревшая насквозь дверь рассыпалась в прах, и огонь превращал в домну следующий каменный мешок. Так пожар загнал примерно полторы сотни человек, оставшихся из более чем трех с половиной тысяч, изначально укрывавшихся в убежище, в несколько тесных коридоров технической сервисной зоны. Мы с замиранием сердца прислушивались, как за последними металлическими перегородками, отделявшими нас от ада, ревет пламя. Едкий дым стал наполнять пространство коридоров, и мы посчитали, что нам пришел конец. На истерику не было сил, и мы просто обессиленные валились на горячий бетонный пол, покорно ожидая своей участи. Воздуха не хватало, а снаружи его, скорее всего, не было вовсе — наверное, именно по этой причине пожар вскоре исчерпал себя. Увы, на этом наши несчастья не закончились. Когда вся гигантская, вмурованная в скалу конструкция того, что осталось от почти целиком выгоревшего изнутри убежища, стала остывать, бетонированная оболочка не выдержала — начала крошиться и трескаться прямо у нас на глазах. Могу представить, как это выглядело на тех горизонтах, где температура пламени достигала нескольких тысяч градусов, и бетон прожарился, как кость в печи крематория, если даже в нашем относительно не

пострадавшем сегменте стал лопаться потолок и камни посыпались на головы обезумевших от ужаса людей. Пятнадцать человек погибли на месте, заваленные кусками гранита, выпавшими через трещину в потолке. Остальным удалось вовремя убраться из опасного коридора до того, как он не рухнул целиком, оставив о себе лишь воспоминание. Подобная игра в прятки со смертью продолжалась довольно долго. Мы задыхались от пыли и нехватки кислорода, постоянно перемещаясь с места на место, едва заслышав треск бетона или шорох гравия за треснувшей стеной. Мест, свободных от завалов, становилось все меньше и меньше, и вскоре мы оказались в тупике, запертые в тесном коридоре, ведущем к техническому отсеку управления аварийными генераторами. Нас набилось в этот коридор, как сельдей в бочку. Было тесно, и дышать становилось все труднее. Как будто в насмешку над нашими головами перемигивались спорадическими вспышками лампы аварийного освещения. Кто-то предложил подняться по сервисной шахте на нулевой горизонт, но Дженкинс, — да, да, наш преподобный Дженкинс, тогда еще уповавший на науку и не признававший религию, единственный оставшийся среди нас, простых работяг, высококобы, — сказал, что нулевой горизонт от всего произошедшего может быть разгерметизирован, и мы просто облезем там от гигантской дозы радиации, проникшей снаружи. Но и здесь оставаться было невозможно — ну, сколько мы смогли бы там продержаться? Без воды, без пищи и без воздуха? От силы несколько часов, а потом передохли бы от удушья. Вот я сейчас думаю — может, если бы мы поднялись по той злосчастной шахте на верхний уровень — смогли бы протянуть подольше или нет? Наверное, нет, так как уже потом я был на нулевом горизонте и сам убедился в том, что Дженкинс был на все сто процентов прав, — Вильямс заметил, как Крул согласно кивнул. Мутант тоже видел разорванные стены и выдавленный центральный люк. — Так вот, — продолжил Вильямс. — Старуха с косой оказалась неумной стервой. Ей видно не терпелось нас прибрать, так как в довершение всего в том маленьком коридорчике, в котором мы все столпились, начал медленно проседать потолок. Совершенно бесшумно, не предупредив нас каким-либо звуком. Просто стояли у самой стены люди, а в следующую секунду на их месте возникла дымящаяся пылью гора гравия. Что тут началось! Люди ударились в противоположную сторону, топча друг друга, а за ними постепенно падал потолок, погребая все новые и новые жертвы, — Вильямс тяжело вздохнул и порывисто поднял руку к лицу, смахивая несуществующие слезы из уголков покрасневших глаз. Слушатели терпеливо ждали, когда он сможет продолжить свой рассказ. Наконец старик справился с нахлынувшими переживаниями и стал рассказывать дальше: — Вместе со мной в том злосчастном коридоре была моя дочь Элеонор и ее муж, Джарвис, а также их дочь и моя внучка, тогда еще полугодовалая Маша. Это они, да еще их пес Пират, тоже, кстати, умудрившийся спастись при пожаре, изображены на той фотографии, что вы нашли в убежище. Так вот, Элеонор, державшая крохотную Машу на руках, стояла как раз ближе всех к обвалу, и пока Джарвис пытался локтями растолкать обезумевших людей, она в последний момент вытянула дочку на вытянутых руках, и тут на Элеонор обрушился потолок. Джарвис заорал, как безумный и бросился к моей дочери. Но куда там! Ее моментально погребло под тонами камня прямо у меня на глазах. Я стоял ближе, но успел только подхватить ревушую девочку на руки, как на меня тоже стал падать огромный кусок потолка. Тут бы и пришел нам с Машей конец, если бы не произошло самое настоящее чудо! — Вильямс перевел дух, готовясь продолжить рассказ для сгорающих от нетерпения слушателей: — Внезапно все застыло, как будто время прекратило бег, и даже можно было различить повисшие в воздухе

недвижные отдельные пылинки, а затем стены убежища и рушащийся потолок стали прозрачными, и сквозь них проступили стены естественной пещеры, намного более просторной, чем тот коридор, в котором мы были замурованы. Неожиданно стало легко дышать, а окружающий воздух стал прохладным, отрезвляюще пробив на озноб наши вспотевшие тела после жаркого спертых воздуха коридора. Мы все так и стояли, сбившись в тесную толпу, приходя в себя от всего произошедшего и еще не до конца веря, что избежали неминуемой смерти. Уже потом я размышлял над тем, как и куда мы тогда попали. Может, это был какой-то параллельный мир или мы умудрились попасть в прошлое? Не знаю, но, по крайней мере, мы оказались в пещере, аналогичной той, в какой могло быть выстроено убежище в том мире или времени, которое мы покинули. Наверняка убежище пробивали не с нуля, а приспособили естественные пустоты, выстроив внутри них его конструкции. Так я объясняю, что мы оказались не в центре скалы, не просто под землей, а именно в пещере. Свет, державшийся какое-то время, стал меркнуть и одновременно с тьмой к нам стал подбираться холод. Справившись с первым шоком, мы попытались на ощупь исследовать то место, где оказались. Вскоре мы обнаружили выход из пещеры и последовали по нему. Каменный проход вывел нас наружу. На поверхности была ночь. На черном звездном небе сияла полная луна, отражаясь от наледи, покрывавшей лежащий на земле снег. После мрака пещеры этот свет нестерпимо бил нам в глаза. Было морозно, и я не помню, чтобы до войны у нас хоть раз было так холодно. Лес из голых деревьев стоял неподалеку, а из-под толстых сугробов торчали пучки пожухлой травы. Ветер пробирал до костей, и мы запросто могли подхватить пневмонию, так как все были легко одеты. Из огня да в полымя, в общем. Но это уже старческое брюзжание. Разве сравнить это с тем, чего мы избежали. Самая обычная зима, какие, я знаю, бывают чуть севернее наших широт. Но это была чужая страна! Ни города на горизонте, ни дороги, ведущей к склону, хотя я смог узнать и линию холмов, и излучину небольшой речушки, и ту самую долину, в которой должен был находиться город. Но его там не было. Перед нами был девственно чистый мир, укрытый нетронутым снегом, лишь испещренным кое-где следами диких зверей. Но в тот момент никто из нас не думал об этом. Всех заботил жуткий холод, и мы решили вернуться назад в пещеру. Там тоже было не жарко, но там хоть не было ветра и можно было, прижавшись друг к другу потеснее, согреться, переждать ночь и до утра обдумать наше положение. Мы не стали спускаться вглубь пещеры, туда, где оказались в самом начале. Мы укрылись от ветра в чуть расширяющемся проходе почти сразу же за входом. Сгрудившись вместе, мы постарались обсудить создавшееся положение, но ничего не вышло. Все настолько были измучены, что даже языком шевелить не было сил. Хотелось только одного — забыть про все и уснуть. — Старейшина задумчиво пожал плечами: — Я не знаю, что произошло с нами ночью. Я так же как и все остальные моментально забылся глубоким сном, но когда мы очнулись, то обнаружили, что находимся — где бы вы думали? В бетонном коридоре, ведущем в наше родное убежище! Не знаю, когда и почему мы вернулись назад. Но это случилось, и поначалу мы жутко перепугались, так как оказались фактически на поверхности вне пределов защитных стен убежища! Мы гадали, сколько рентген уже нахватали, проводя без защиты на бетонном полу неизвестно сколько времени, но как оказалось — нисколько! Назад то мы вернулись, но вот в чем загвоздка — вернулись мы намного лет позднее, чем покинули это место. Скажу вам точнее — мы вернулись сюда почти ровно пять лет назад. Вот так вот! — Вильямс обвел веселым взглядом своих пораженных слушателей. — Несколько десятков лет, за которые спадала радиация, очищался воздух, и природа приводила себя в порядок — из

нашей жизни были вычеркнуты, как будто их и не было! Может, в том мире, в который мы тогда попали, иное течение времени, и если там мы провели всего лишь одну ночь, то здесь пронеслись годы? Вполне возможно, а иначе как объяснить, что мы все живы и постарели лишь на несколько лет, в то время как здесь все настолько изменилось. Вот тогда-то Дженкинс и свихнулся на религии. Уверовал в Господа Бога, который прихотью своей соизволил спасти нас, грешников, и перенес через мрачные годы, высадив аккуратно, когда на поверхности Земли стало возможным жить. А тот мир, в котором мы побывали с короткой остановкой — утверждал Дженкинс — не что иное, как преддверие к судилищу, а то и почище, — тот самый Сад Эдемский. Да только какой это Эдемский Сад, если там стоит зима и холод пробирает до костей, хотя не мне судить, как там все у Бога устроено на небесах, — старейшина тихонько засмеялся, потом вновь стал серьезным. — Что же касается остальных, то каждый, наверное, переживал случившееся по-своему. Почти каждый потерял в убежище родных или близких. Джарвис был не одинок в своем горе, но у меня и у него была Маша. Жить ведь дальше как-то надо. Вот и стали мы налаживать хозяйство. А что еще оставалось делать? Поначалу было трудно, так как в убежище ничего ценного не осталось. По иронии судьбы уцелели лишь не распакованные со времени эвакуации старые книги по истории и несколько экспонатов городского краеведческого музея, которые хранились в стальных контейнерах на нулевом горизонте, и которые позднее перетащил к себе в дом Дженкинс. Все остальное было уничтожено огнем или погребено под тоннами камней. Вот почему, мистер Крул, вы ничего там не нашли. Все пришлось мастерить своими руками: от простой мотыги до самодельного плуга. Место для закладки поселка мы выбрали неподалеку от старой фермерской усадьбы. От нее мало что сохранилось, разве что еще крепкий нижний этаж от хозяйского дома, который достался нам с Машей в качестве жилища, когда на собрании меня выбрали старейшиной поселка. И земля там еще помнила человеческий труд — была не так сурова, как на каком-нибудь пустыре. Попробовали использовать колодец, находившийся в центре усадьбы, да только вода там плохая оказалась. На наше счастье отыскался неподалеку еще один старый колодец с чистой водой. Вот туда мы и повадились ходить. Ну а вскоре мы наткнулись на небольшое стадо одичавших браминов, заново приручили несколько слоняющихся без дела собак, и как-то вот так жизнь постепенно наладилась. Как и почему в действительности нам удалось спастись, мы так и не выяснили, и если честно, постарались поскорее забыть те ужасы, которые перенесли в убежище. Я смирился с потерей дочери, а вот Джарвис нет. Вбил себе в голову, что она до сих пор жива и осталась в том самом мире, в котором мы побывали, только по какой-то причине не вернулась вместе с нами обратно. Он начисто отказывался верить, что ее засыпало в убежище. Даже я, слушая его, начинал верить в то, что она жива, хотя собственными глазами видел, как она погибла. В общем, свихнулся он на этом, и вразумить его никому не удавалось. Не желал даже никого слушать, и конечно, все это его сумасшествие сказывалось на Маше. Ох, и натерпелась с ним горя малютка. — Вильямс сокрушенно покачал головой. — Как только она немного подросла — так он ее, чуть она что-нибудь набедокурит или ослушается его — лупит почем зря. Сколько раз я пытался его урезонить, но все без толку. А однажды, когда Джарвис, видать, на дочку в очередной раз накинулся, она взяла да и сбежала. Когда Джарвис прибежал ко мне, на нем лица не было. Перепуганный, лепетал что-то насчет того, что девочка исчезла. Мы то разбираться, что за бред он там несет, не стали и кинулись тут же искать беглянку. Весь поселок перевернули вверх дном. Всю округу обыскали — нигде ее нет. Когда мы уже отчаялись ее отыскать,

Маша объявилась у себя в комнате. Заплаканная, глазенки от страха хлопают, сказать ничего не может.

Тут уж у меня терпение лопнуло, и я решил задать Джарвису взбучку. Я хоть и стар, но еще крепок, а Маша все же моя внучка и больше я ее в обиду давать не намерен был. Прижал я Джарвиса, тут то он и выдал наконец, что Маша не просто сбежала, а буквально растворилась в воздухе у него на глазах. Была только что, а в следующую секунду на ее месте уже было пусто. И давай мне твердить, что это она нас всех тогда в тот зимний мир отправила, а потом вернула назад. Доказывал это нам с пеной у рта, пока мы сами почти поверили в это. Соблазн вернуться в тот мир и остаться там был, конечно же, велик. Решили с самой Машей поговорить, да только что с малышки взять, если она только год, как говорить научилась. Замкнулась в себе и ничего не отвечает. Молчит, только со страхом на отца посматривает. Ну, тут я все понял. Он же теперь будет ее терроризировать почем зря, чтобы в тот мир вернуться и отправиться на поиски, как он думал, еще живой Элеонор. На самом ли деле Маша умела это делать или нет — на тот момент мы все согласились на поселковом сходе, что не стоит это того, чтобы ради этого издеваться над маленьким ребенком. Так и порешили — Машу у Джарвиса забрать, а Джарвису запретить к ней приближаться. Он протестовал, пробовал угрожать, даже пытался на свою сторону перетянуть некоторых селян, обещая взять их с собой в новый мир, но ничего у него не вышло. Пожил он с нами еще какое-то время, а потом однажды исчез, и мы наконец вздохнули спокойно. Никто и попыток не делал отыскать Джарвиса или как-то снова расспросить Машу насчет ее способностей. Оберегали ее, стараясь не напоминать об отце. Время, как говорят, лечит. Вот и Маша со временем опять стала обычным ребенком. В тайне мы все в поселке конечно за ней приглядывали. Мало ли что. Может и вправду протопчет она нам тропинку в тот мир. На всякий случай мы уговорились, что припасем в домах все необходимое, чтобы на сборы много времени не терять. Но чтобы напрямую ей об этом напомнить — ни-ни. Притерпелись как-то жить здесь, а привычка хранить вещи на всякий случай перешла в традицию. Так бы худо-бедно и жили бы, наверное, еще очень долго, если бы пару месяцев назад не прошел слухок, что в окрестностях поселка бандиты орудуют. Конечно, когда я мистеру Майлзу деяния бандитов расписывал, чего греха таить, преувеличил. И за это извиняясь, — Вильямс виновато посмотрел на Майлза. — Людей они не воровали, да и откровенных набегов на поселок не было, но домашний скот исчезал регулярно. Да и ходить теперь из нашего поселка в город, что тут неподалеку находится, стало опасно. Пока идешь по глухой местности, страху натерпишься — никому не пожелаешь. Вот тогда я и подумал, чтобы нанять кого-нибудь, кто смог бы отвадить бандитов от нашего поселка. Я тогда и подумать не мог, что это Джарвис вокруг ошивается и все еще надеется Машу заполучить. Но тогда никто конечно за пищу и кров не согласился в нашу дыру наняться, а у самих у нас — чего уж тут скрывать — кишка тонка с разбойниками связываться. Как раз тогда я и встретился с мистером Майлзом. Он предложил помочь, но поверьте, если бы я знал, кого он прочит нам в защитники — прекратил бы с ним всякие разговоры. Мы хоть и недолго в этом послевоенном мире успели пожить, но наслушались про мутантов всякого. Оно, конечно, может и не все правда, да только некому было за ваш род походатайствовать с положительной стороны. Я бы, наверное, даже согласился тогда мертвяка нанять на работу, но мутантов — ни в коем случае. А когда уж вы сами явились в поселок, я, если честно, перепугался насмерть. Подумал даже, что вы и есть те самые бандиты, что наш скот воруют, а мистер Майлз у вас в главарях ходит! — Майлз при этих

словах старейшины весело посмотрел на скрививших лица мутантов, а Вильямс тем временем, улыбнувшись, продолжил свой рассказ: — Подумал я тогда, что бандиты, видать обнаглели уже настолько, что решили открыто на дармовые харчи напроситься. Вздыхнул я с превеликим облегчением, после того как умудрился вас спровадить, да тут Маша скачет вприпрыжку с мансарды. Оказывается, она за вами наблюдала сверху, когда вы к нашему дому подходили. Стала меня расспрашивать, кто вы и зачем. Умеет, чертовка, из старика все вытянуть до последней капельки. Ни чего от этой стрекозы не утаишь. Вот она то за вас и походатайствовала передо мной. Не знаю уж, чем вы так ей приглянулись. Будь я на ее месте и в ее возрасте — от страха бы помер при виде вас, а она — нет. Понравилось ей в вас что-то с первого же взгляда. И ведь не ошиблась. Видать, ребенок, сам того не понимая, видит людей насквозь — какие они на самом деле внутри — добрые или злые. Так вот она меня и сдонжила — испугался я, что она снова замкнется в себе, сломается, как в тот раз при Джарвисе — вот и побеждал за вами, чтобы вернуть. Ну а дальше вы все сами знаете. Правы вы были — не доверял я вам с самого начала. Боялся, что как только узнаете вы про Машины способности — тут же поступите, как Джарвис — захотите от девочки добиться ее чуда. Вот и тряся я каждый раз, когда вы допытывались до нашей жизни. Видит Бог, не тех я опасался. Джарвис, видимо, чтобы своего добиться, заключил сделку с Братством Стали. Выболтал, поди, им все про свою дочь. Наобещал им с три короба, чтобы взамен они ему снаряжение дали. Не окажись вас тогда рядом — не видать бы мне моей внучки. Что бы с ней случилось у этих военных — я даже думать не хочу. Они вон и вашего брата — разговор недолог — к стенке и в расход, а Маша ведь тоже по-своему необычная девочка. Но, как говорят, что ни делается — все к лучшему. Помогли вы Маше совладать с ее даром и поставить его под контроль. Я же до сих пор не знаю, как она это делает. Наверное, разум любого ребенка до поры до времени хранит такие способности, которые со временем, когда человек взрослеет, исчезают от невостребованности. Перестает взрослый человек верить в чудеса, а когда пропадает вера — исчезает и способность их творить. Маша же тогда в убежище натерпелась такого, чего не всякому взрослому за всю жизнь испытать доведется, так что и не мудрено — ухватилась за соломинку, чтобы спастись, да и нас за собой потащила. Только вот не надолго, как выяснилось. — Вильямс огляделся вокруг, охватывая взглядом безмятежную природу, — Теперь благодаря ей у нас есть этот мир. Нетронутый войнами, полный нереализованных возможностей, с богатой природой. У нас появился шанс начать все с начала. Может, это и не Эдемский Сад, про который говорил Дженкинс, но очень на него похож. Помните, когда я говорил вам при первой нашей встрече о награде? Я имел в виду этот мир. Втайне надеялся, что мы сможем в него когда-нибудь вернуться, а что, как не подобное богатство может служить лучшей наградой? Здесь мы можем отстроить заново поселок, наладить хозяйство, возделывать землю, разводить скот и можем даже попробовать в будущем отыскать здесь других людей! Что скажете? Как вам такая жизнь? — Вильямс с надеждой обвел взглядом мутантов и Майлза.

Наверное, Маша все же вопреки просьбе деда прислушивалась краем уха к тому, что тот говорил, так как немедленно вернулась назад и, задрав вверх голову, стала ждать вместе с дедом, что ответят Крул и Делайла.

— Неплохой шанс, как вы считаете? — спросил Майлз, чтобы подтолкнуть мутантов принять это, как ему казалось, со всех точек зрения превосходное предложение. — Мы же все равно теперь здесь застряли! Ведь так? — Майлз вопросительно посмотрел сначала на Вильямса, потом на Машу. Оба молчали, ожидая, что скажут мутанты.

Те медлили с ответом. Крул посмотрел на Делайлу, ожидая, что та ответит за них обоих, но мастер-лейтенант молчала. Крул заглянул ей в глаза и в их глубине прочел невысказанный ответ. Может быть, она боялась вслух сказать его при Маше, к которой привязалась, и чувствовала, что не сможет найти тех слов, которые объяснят ребенку то, что творится в душе у Делайлы. И тогда этот нелегкий труд взял на себя Крул. Он медленно покачал головой и негромко сказал:

— Нет, мистер Вильямс, этот мир не для нас. Он свеж и нетронут. Наверное, жить в нем для вас всех будет сбывшимся счастьем по сравнению с тем миром, который вы покинули. Вы не пережили смутные годы, вы не видели жестоких войн, вы не прошли через то, через что прошли мы, мутанты, хотя и испытали в убежище часы отчаяния и страха. Для нас же, кто испытал все то, что выпало на нашу долю, жизнь в раю все равно что смерть, — мутант вздохнул. — Мы люди другого мира, другой эпохи. Тот мир — наш. И другого нам не надо. Здесь мы будем лишними, да и поздно нам менять свои повадки. Мы будем только напоминать вам о том ужасном мире, который вам лучше бы поскорее забыть, частью которого мы все равно останемся, так как не сможем приспособиться к жизни здесь, и всегда будем чувствовать себя среди вас чужими. Вы помните, какова была жизнь до войны — вам легче свыкнуться со здешней безмятежностью, а нам, к сожалению, этого не дано. Такова наша доля и мы не ропщем. — Крул посмотрел сверху вниз на Машу и опустился возле нее на колени. В уголках глаз девочки дрожали слезы. Мутант поднял руку и смахнул с ее щеки готовую сорваться вниз слезинку. — И если вы, юная леди, сможете вернуть нас обратно, то, пожалуйста, сделайте это.

— Но там же вас ищут! Вас убьют! — запротестовала готовая разрыдаться девочка. — Оставайтесь. Вот увидите, здесь вам понравится!

Вильямс пожал плечо внучки.

— Не бойся, там их никто не тронет, — мягко сказал старик. — Мы провели здесь достаточно времени, чтобы там прошли годы. Их уже давно никто не ищет, да, наверное, и нашего поселка уже нет в помине. О нас забыли, и кто теперь вспомнит, куда и при каких обстоятельствах мы исчезли.

Маша перевела взгляд на Делайлу.

— А вы, мисс Делайла, тоже хотите вернуться? — спросила Маша.

— Да, малышка, — грустно ответила Делайла. — И если сможешь, проводи нас назад прямо сейчас, иначе у меня сердце разорвется от долгого прощания.

Маша, смирившись, кивнула головой и, подняв ручонки, тихо сказала:

— Возьмите меня за ладони...

— Эй, постойте! Я с вами! — крикнул Майлз, спеша коснуться Машиной руки.

Мутанты с немалым удивлением воззрились на инженера.

— Чего вы на меня уставились, как на огородное пугало, которое вдруг стало читать стихи, — удивился Майлз. — Все, что Крул сказал про вас, в не меньшей степени касается и меня. Да я в этом раю без вас от скуки помру. Не для этого я покинул "Ржавую Банку", чтобы оказаться в райском уголке подобном этому. Вы уж извините меня, мистер Вильямс, но мы как пришли к вам вместе, так уж вместе и распрощаемся.

— Вот уж не думала, что ты способен на такое, — восхищенно заметила Делайла. — Теперь я искренне рада, что ты в нашей компании, Майлз.

Маша с грустью смотрела на всех троих. Потом легонько сжала ладони мутантов, и зеленый мир вокруг стал таять. Реальными остались лишь Вильямс, стоящий за спиной

Маши и опустивший ладони ей на плечи, да Майлз, стоявший чуть в стороне и касающийся запястья девочки. Когда же казалось, что они повисли в полной пустоте, наполненной лишь призрачными тенями реального мира, откуда-то из дымки внезапно вынырнула разбитая в грязь дорога, по бокам которой тянулась до боли знакомая, покрытая редкой травой степь.

От поселка, как и предсказывал Вильямс, ничего не осталось. Лачуги исчезли вовсе, не оставив после себя ни единого следа. Разве что пятна бурьяна, особо густо разросшегося на отдельных участках, наводили на мысль, что когда-то здесь старательно возделывали землю. От всего поселка сохранился лишь дом старейшины. Если так можно назвать обгоревшие остатки стен и обрушившиеся межэтажные перекрытия. Может быть, молния ударила в дом, и тот, оставшись без присмотра, сгорел дотла, а может воины Братства в отместку и в бессильной ярости сожгли его вместе со всем поселком. Теперь это сложно было выяснить. Вильямс с тоской посмотрел на то, что осталось от его дома, и мутанты поняли, что старика уже ничто не связывает с этим миром. Было видно, что он хочет поскорее вернуться назад, в свой обретенный Эдем.

Вильямс протянул руку и по очереди попрощался с мутантами и инженером.

— Удачи вам и не забывайте нас, а мы всегда будем помнить вас, — с грустью сказал он. — Нам пора возвращаться, — сказал он Маше.

— Прощайте, — сказала Маша.

— Прощайте, — ответил за всех Майлз.

Впервые Крул воочию наблюдал со стороны, как происходит перемещение. Вот перед ними стояли Маша и Вильямс, а в следующую секунду их на этом месте уже не оказалось. Только ток воздуха, заполняющего внезапно опустевшее пространство, всколыхнул ему волосы. Люди, населявшие целый поселок, исчезли, как призраки, не нашедшие для себя судьбы в этом жестоком мире. Все трое так молча и стояли, пытаясь для самих себя как-то осознать все то, что произошло с ними за последнее время. Может, они ошиблись и совершили величайшую глупость, отказавшись от предложения Вильямса? Что их ждет здесь? Так ли уж сильно изменился этот мир или в нем по-прежнему на мутантов идет безжалостная охота и им вновь предстоит скрываться от патрулей Братства Стали?

Издалека со стороны дороги донесся скрип и размеренный топот копыт. Они обернулись и обнаружили, что на некогда центральную улицу поселка, теперь превратившуюся в разбитую проселочную дорогу, неспешно вкатывается неказистая повозка, доверху груженная ящиками, тюками и мешками. В нее была запряжена пара тощих браминов, а на козлах, под козырьком кое-как прикрывавшего груз брезентового тента разместился мутант, который изредка, будто просыпаясь от дремы, понукал браминов ускорить шаг несильными щелчками вожжей, тянущихся вдоль спин животных. За первой повозкой вырулила вторая, а за ней третья. На козлах двух последних повозок сидели совсем молодые парни. Напаянные на них кожаные доспехи были им явно великоваты. Первая повозка поравнялась со стоящими мутантами и человеком и остановилась. Две другие тоже встали. Мутант на козлах, облаченный в потертое кожаное обмундирование штурмовика, прикрыв один глаз, уставился сверху вниз на Крула с Делайлой, и с хрипотцой в голосе, но вполне бодро поинтересовался:

— Куда путь держите, ребята?

Делайла смотрела на мутанта и никак не могла сообразить, что же в нем не так, пока до нее наконец не дошло, что она впервые видит постаревшего мутанта. Мутанты в ее время — слишком молодая нация, чтобы Делайла могла повстречать среди них стариков. Но пока они

были в зеленом мире, здесь, наверное, и вправду прошло много времени, и чего удивляться, увидев перед собой старого мутанта. Обычное дело. Но что-то еще заставило Делайлу внимательней вглядываться в испещренное морщинами лицо старого мутанта. Он определенно был ей знаком. Если убрать седину из волос, если разгладить мешки под глазами, если...

— Джок!!!!? — воскликнула Делайла, пораженная этой догадкой.

Крул усиленно начал тереть глаза, пока и он не стал узнавать в старом мутанте того, кто, как он считал, скончался в "Ржавой Банке". Все трое, включая Майлза, потеряли дар речи. Старый мутант тем временем прищурил свой второй глаз, пристально всматриваясь в лицо Делайлы.

— Откуда вы меня знаете? — спросил он, несколько озадаченный.

— Джок, если это действительно ты, то как же ты мог позабыть нас? Помнишь "Ржавую Банку"? Вспомни Делайлу и Крула, полковника Хоукинса, — стал перечислять возбужденный Майлз.

Старый мутант покачал головой:

— Да, я действительно когда-то был в "Ржавой Банке". Очень давно. Но вас я не помню. Знаете, — сказал мутант извиняющимся тоном. — Я с того времени многое не помню. И не мудрено, если тебе половину мозгов вырезали. Док в "Ржавой Банке", который меня оперировал, так прямо и сказал мне после операции: "Вы, мистер Джок, теперь должны многому учиться сызнова". Он вообще молодец, этот док. Сказал, что машинка, что была у меня в голове вместо половины мозга, сломалась и превратилась в обычную раковую опухоль. Вот он ее и удалил от греха подальше. А на оставшиеся мозги грех жаловаться! Жить ведь можно, хотя и не помнишь ни черта из своего прошлого. Может, я и знал вас когда-то, спорить не буду, да только зелены вы слишком, чтобы со мной в "Ржавой Банке" якшаться. Ладно, пускай! Чего теперь голову ломать. У меня же теперь есть дело. Я хоть и остался слеп на один глаз, но, как видите, еще крепок и даже с половиной мозгов все еще способен сопровождать караваны. — Джок усмехнулся. — Боевая выучка у меня, наверное, даже не в мозгах сидит, а вот тут, — мутант поднял все еще крепкие руки и сжал огромные кулачищи. — Так что если вы тут затеяли грабануть наш караван — то я бы вам не советовал этого делать, — с легкой угрозой в голосе заявил пожилой мутант. — Разделаюсь с вами в два счета, — и как будто в подтверждение этого он быстрым движением выхватил из ножен, висевших у него сбоку на поясе, устрашающего вида тесак с широким лезвием и со свистом рассек им воздух.

Двое парней с других повозок слезли с козел и подошли ближе. Оба оказались вооружены автоматическими винтовками. Один из них крикнул, подозрительно посмотрев на незнакомцев:

— Какие-то проблемы, дядя Джок? Знакомых встретили?

— Можно и так сказать! — благодушно заявил мутант. — Не волнуйтесь, ребята! Все мы, мутяры, одного роду племени! — мутант хитро прищурился здоровым глазом, умудрившись одновременно подмигнуть им смутившемуся Крулу. — Так куда вы путь держите? — вновь спросил Джок. — Может вас подбросить куда? Здесь то места захолустные — только эта дорога, а до ближайшего мало-мальски крупного городка, где согласятся вас приютить, пешком идти несколько суток.

— Разве мутанты могут свободно передвигаться по этой земле, — недоверчиво спросила Делайла.

— Девонька, ты с какой планеты прилетела, — расхохотался старый мутант. — Ты еще скажи, что партизанишь с самых пеленок! Вот парни, какие чудеса в мире творятся, — кивнул на Делайлу парням Джок. Те неловко заулыбались. — Давненько уже до мутантов никому нет дела, крошка. Случается, конечно, мародерствуют те, кто до сих пор не смирился с поражением или просто бандитствуют на большой дороге от лени. Но все больше старперы — такие, как я, которые не могут найти себе дело по душе. На них республиканские рейнджеры быстренько управу находят. Будь ты хоть мутант, человек или гуль — разницы нет — перед законом все равны. Да я вас за таких вот бомбарей и принял, пока не увидел, что вы из молодняка. А вы думаете, зачем я здесь на козлах свою старую задницу просиживаю! Не буду скромничать — под моей опекой все караваны целехонькими доходят! — по стариковски похвалился мутант.

— Да, дядя Джок кому хочешь задницу надерет! — вступил один из парней.

— Это точно, — гордо подтвердил второй. — Кстати, мы ведь до Броукен Хиллс идем. А такие крепкие ребята, как вы, там нарасхват. Не хотите с нами махнуть?

— Броукен Хиллс? — озадачено спросил Крул. — Впервые слышу. Это что, город такой?

— Конечно, город! — дружелюбно отозвался парень. — Место, где мирно живут мутанты, люди и гули. Единственное в своем роде местечко. Свой рудник, энергостанция, какое никакое производство. Да вы, похоже, и вправду с Луны свалились, раз не слышали ничего про Броукен Хиллс.

Признаваться этим людям, что они умудрились скакнуть во времени из прошлого в это настоящее, было столь же бесполезно, да и неразумно, как убеждать старого мутанта, что он когда-то их знал. Еще сочтут за сумасшедших и пристрелят на всякий случай, чтобы лишние психи по пустошам не бегали и честной народ не смущали своими рассказами. Был уже прецедент, и всем известно, чем это закончилось. Уж лучше смолчать. К тому же Делайле идея посетить Броукен Хиллс показалась интересной. Если все правда, что про него рассказал парень, то на это местечко как минимум стоило взглянуть.

— Мы были бы признательны, если бы вы захватили нас с собой в этот ваш Броукен Хиллс, — сказала Делайла и повернулась к своим спутникам: — Вы как, Крул, Майлз? Не против прокатиться?

Те не возражали.

— Вот и хорошо! — расплылся в такой знакомой улыбке старый мутант. — Только вы не подумайте, что мы тут благотворительностью занимаемся и подбираем всех встречных поперечных. Вы ребята крепкие, и в случае заварушки подсобите мне, надеюсь?

— Конечно, мистер Джок, — кивнул Крул.

— Вот и отлично, — опять улыбнулся Джок. Ловко закрутив вокруг пальцев тесак, он так же играючи, не глядя, вогнал его обратно в ножны, как до этого извлек. — Мое имя вы уже знаете. Это, — Джок кивнул на молодых парней: — Джейк и Майк, — те в ответ по очереди кивнули головами, а Джок вновь повернулся к путникам. — Теперь ваша очередь представиться.

— Я Делайла, — представилась Делайла. — Это Крул, — кивнула она на черноволосого мутанта, — и Питер Майлз, бывший инженер, — представила она в конце единственного среди них человека. Делайла решила не упоминать, что Майлз когда-то был инженером в "Ржавой Банке".

— Инженеров в Броукен Хиллс ценят, — с завистью заметил Джок. — Так что, мистер

Майлз, для вас там определенно найдется работа, если вы вдруг решите там задержаться. — Джок повернулся к молодым парням: — Эй, Джейк, освободи у себя на козлах в повозке место для мистера Крула, а вы, мистер Майлз, забирайтесь в повозку к Майку — у него язык чешется порасспросить вас про всякие разные технические штуковины — он с железками большой любитель возиться. Ну а вы, мисс Делайла, прошу в мой экипаж, — Джок показал на повозку у себя за спиной.

Когда все распределились по повозкам, небольшой караван стронулся с места и так же неспешно, как двигался до остановки, продолжил свой путь дальше. Вскоре то место, где когда-то был поселок, скрылось из виду. Издалека Крул, сидевший на козлах вместе с Джейком, заметил вдалеке ту самую старую ферму, на которой они когда то втроем прятались. Бурьян все также скрывал ее от любопытных глаз. Разве что в хлеве вроде бы провалилась крыша, а само строение как-то съезжилось и осело.

— А вы давно дядю Джока знаете? — спросил Джейк, пытаясь завязать разговор.

— Да как тебе сказать, — нерешительно ответил Крул. — Он меня от смерти когда-то спас, да только вот видишь, не помнит он этого.

— Да, прискорбно, — сочувственно кинул Джейк. — А что, правду говорят, что дядя Джок в найткинах ходил?

— Правда, — подтвердил Крул. — Он служил в спецотряде призрачных воинов легиона Пустынного Дракона, который охранял самого Мастера. Это были самые смертоносные воины среди мутантов.

— Охотно верю, мистер Крул, — расплылся в широкой улыбке парень. Его видно так и распирало от гордости, что он знался с одним из легендарных воинов Мастера. — Видели бы вы, как он голыми руками огнедышащего ящера на части порвал! Тот даже огнем пукнуть не успел, как дядя Джок из него уже ленточки для ремней наделал. Никому из мутантов такое не под силу, только ему!

— Могу себе представить, — хмыкнул Крул, мыслями вернувшись в то время, когда впервые встретился с Джоком. Он тоже знал, на что был способен тот, молодой Джок.

Делайла, поддавшись размеренному раскачиванию повозки, задумчиво глядела в спину Джока. Сейчас было сложно узнать в поседевшем мутанте того ловкого малого, который сумел вытащить ее и Крула с того света, а потом спасти "Ржавую Банку". Делайла думала, почему ей так хорошо оттого, что они встретили Джока? То, что он оказался жив, само по себе было удивительным. Когда они покидали "Ржавую Банку", Джок был мертвее мертвого. Не могло же так случиться, что врачи Братства как-то умудрились вернуть его к жизни? Бред полный! Но вот он сидит перед ней, постаревший, но вполне осязаемый и травит плоские анекдоты, чтобы развлечь ее на свой нехитрый манер. Уж не приложила ли здесь свою руку Маша? Ее дар так и остался загадкой для Делайлы. Кто знает, какие силы были подвластны этой маленькой девочке. Может, она вернула их не совсем туда, откуда забрала? Может этот вот мир — не тот, где Джок умер? Может, в этом мире он выжил и поплатился за это лишь частью своего мозга и одним глазом? От всего этого голова кругом идет. Да и какая теперь разница. Имеет значение лишь то, что Джок жив, пускай даже и не помнит их. Главное они помнят о нем. Помнят, что он сделал и чем они ему обязаны. От этого становилось на душе как-то теплее, и Делайла вдруг поняла, что это и есть та самая настоящая награда, которую она могла бы только пожелать. Знали ли об этом Маша и Вильямс? Наверное, нет, но им удалось сдержать слово и вручить мутантам ту самую единственную награду, которая оказалась во сто крат ценнее, чем все прелести зеленого мира.

